8° Opp. 663 9 (4

П. А. Козловъ.

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Съ портретомъ автора, предисловіями и примѣчаніями В. П. Буренина, П. И. Вейнберга и В. А. Гольцева.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°,
Пименовская ул., соб. домъ.
1897.

12

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ

ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“

В. М. ЛАВРОВА

(Москва, Большая Никитская)

ПРОДАЮТСЯ ИЗДАНІЯ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА „РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

БИБЛІОТЕКА „РУССКОЙ МЫСЛИ“.

I. **Черезъ степи.** Генр. Сенкевича. Переводъ В. М. Лаврова. Ц. 40 к.

II. **Клеопатра.** Картинки античнаго міра. М. Н. Ремезова. Ц. 40 к.

III. **Юбилей.** Не совсѣмъ обыкновенная исторія. М. Н. Альбова. Ц. 1 р.

IV. **Побѣда. На сѣверѣ дикомъ.** К. С. Баранцевича. Ц. 1 р.

V. **Милордъ.—Бабушка.** Элизы Ожешковой. Ц. 50 к.

VI. **Іудея и Римъ.** Картинки античнаго міра. М. Н. Ремезова. Ц. 50 к.

VII. **Драма за сценой.** Вл. И. Немировича-Данченко. Ц. 1 р.

VIII. **Очерки итальянскаго возрожденія.** Проф. М. С. Корелина. Ц. 1 р.

IX. **Братья Гордѣевы.—Охонины брови.** Д. Н. Мамина-Сибиряка. Ц. 1 руб.

X. **Стихотворенія.** В. Н. Ладыженскаго. Ц. 25 к.

XI. **Лялька.** Вас. И. Немировича-Данченко. Ц. 60 к.

Астыревъ, Н. М. Въ волостныхъ писаряхъ. Ц. 1 р. 50 к.

Богословскій, В. С., проф. Пятигорскія и съ ними смежныя минеральныя воды. Ц. 1 р. 50 к.

Бурже, Поль. Трагическая идиллія. Пер. М. Н. Ремезова. Ц. 1 р.

Въ пользу воскресныхъ школъ. Сборникъ. Ц. 75 к.

Гольцевъ, В. А. Вопросы дня и жизни. Ц. 1 р.

— Литературные очерки. Ц. 1 р.

— Объ искусствѣ. Критическія замѣтки. Ц. 1 р.

П. А. Козловъ.

ПОЛНОЕ

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ.

ТОМЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

ЧЕТВЕРТОЕ ИЗДАНІЕ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“.

Съ портретомъ автора, предисловіями и примѣчаніями В. П. Буренина, П. И. Вейнберга и В. А. Гольцева.

МОСКВА.
Типо-литогр. Высочайше утв. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К⁰,
Пименовская ул., соб. домъ.
1897.

8° Opp. 663 q
(4

Bayerische
Staatsbibliothek
München

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Стр.

Ришелье, драма Э. Л. Бульвера въ 5-ти дѣйствіяхъ 1

Периклъ, драма Шекспира въ 5-ти дѣйствіяхъ 137

Юлій Цезарь 247

ДРАМАТИЧЕСКІЯ СОЧИНЕНІЯ.

РИШЕЛЬЕ.

Драма **Э. Л. Бульвера** въ 5-ти дѣйствіяхъ

ПЕРЕВОДЪ СЪ АНГЛІЙСКАГО.

РИШЕЛЬЕ

Драма Э. Л. Бульвера въ 5 дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Людовикъ XIII.

Герцогъ Орлеанскій, братъ Людовика XIII.

Графъ Барадасъ, любимецъ короля, оберъ-камергеръ и проч.

Кардиналъ Ришелье.

Графъ де-Мопра.

Берингенъ, первый камердинеръ короля, одинъ изъ заговорщиковъ.

Іосифъ, капуцинъ.

Нюге, начальникъ тѣлохранителей Ришелье, шпіонъ.

Францискъ—первый пажъ Ришелье.

1-й придворный.

Начальникъ стражи.

1-й, 2-й и 3-й статсъ-секретари.

Директоръ Бастиліи.

Тюремщикъ.

Придворные, пажи, заговорщики, офицеры, солдаты.

Графиня Мортемаръ, сирота, воспитанница Ришелье.

Марьонъ де-Лормъ, любовница герцога Орлеанскаго, преданная интересамъ Ришелье.

ДѢЙСТВІЕ 1-е.

(Первый день).

СЦЕНА 1-я.

Комната въ домѣ Марьонъ де-Лормъ. Столъ на первомъ планѣ уставленъ винами, фруктами и проч., за нимъ сидятъ Барадасъ, 4 придворные, великолѣпно одѣтые въ костюмы 1641—42 г. Герцогъ Орлеанскій сидитъ возлѣ, развалившись на креслѣ. Марьонъ де-Лормъ стоитъ сзади него и подаетъ ему вино. За другимъ столомъ Мопра и Берингенъ играютъ въ кости; другіе придворные стоятъ вокругъ и слѣдятъ за игрой.

Герцогъ Орлеанскій.

Еще стаканъ за наше предпріятіе.

Барадасъ *(глядя на Марьонъ)*.

Насъ могутъ услыхать!

Орлеанскій.

Не бойтесь, графъ!
Намъ Марьонъ не можетъ измѣнить...
Она мнѣ предана душой и тѣломъ;
Здѣсь менѣе опасности, чѣмъ дома,
Гдѣ кажется стѣна имѣетъ уши;
Гдѣ каждый лучъ, что освѣщаетъ насъ,
Намъ кажется шпіономъ кардинала.
Не бойтесь, графъ.

Барадасъ.

Но все же у насъ есть тайна,
А женщина и тайна такъ же дружны,
Какъ масло и вода.

Орлеанскій.

Ну, хорошо.
По вашему пусть будетъ; милый другъ,

Подойди взглянуть, какъ тамъ идетъ игра.
(*Марьонъ останавливается у другого стола, глядитъ на играющихъ и потомъ уходитъ*).

Барадасъ (*вынимая пергаментъ*).

Вотъ, господа, условья договора;
Лишь подписей на немъ недостаетъ;
При этомъ также копія съ союза,
Что заключили мы съ Оливаресомъ.
Когда Бульонъ получитъ эту вѣсть,
Съ Испанцами соединится онъ.
И подъ Парижъ прійдетъ немедля съ ними.
Лишь явится—мы короля низложимъ,
Регентомъ васъ провозгласимъ, а мы
Войдемъ въ составъ верховнаго совѣта.

Орлеанскій.

Надѣяться намъ трудно на успѣхъ!
Мнѣ страшно! Ришелье—стоглазый Аргусъ.
Того гляди откроетъ заговоръ,
И мы тогда пропали безвозвратно.

Барадасъ.

Погибель съ нимъ, побѣда безъ него,
Скорѣй разить—одно спасенье наше...
Когда гонецъ отправится къ Бульону,
Вы Ришелье должны отправить къ предкамъ.
Намъ завтра здѣсь опять собраться надо
Въ послѣдній разъ; вы, герцогъ, въ это время
Найдете намъ надежнаго гонца,
А я берусь подговорить убійцу,
Котораго рука не задрожитъ.

Орлеанскій.

Я въ полночь буду съ вами; до свиданья!

(Герцогъ уходитъ, и придворные его свиты, тѣ, которые у другого стола, встаютъ, кланяются ему и снова садятся).

Беринген ъ.

Удвойте кушъ!

Мопра.

Идетъ.

Беринген ъ.

Мнѣ, право, жаль
Васъ раззорять... Вашъ кошелекъ въ чахоткѣ.

Мопра.

Отъ полноты его вы излѣчили,
Другихъ врачей на помощь звать не стоитъ.

(Бросаетъ кости и проигрываетъ).

Всѣ.

Онъ снова проигралъ?

Беринген ъ.

Еще ударъ?

Мопра.

Благодарю, и этого довольно;
Я все, что могъ, сегодня проигралъ
И отдалъ все; фортуна измѣнила,
Лишь честь да мечъ не могутъ измѣнить.

Беринген ъ.

Не въ модѣ честь и длинные плащи,
Они мѣшаютъ быстро подвигаться.

За то ужъ мечъ всегда въ почетѣ будетъ;
Объ этомъ чортъ старается.

І-й игрокъ.

Съ мечомъ
Дѣла поправить можно: Ришелье
Всегда готовъ платить большія деньги
За сталь, когда она въ рукахъ отважныхъ.

Мопра.

Ахъ, Ришелье!

Берингенъ (*обращаясь къ Барадасу*).

Какъ только это имя
Произнесутъ при немъ, онъ весь дрожитъ,
И ликъ его блѣднѣетъ и мрачится.

Барадасъ.

Давно я самъ замѣтилъ эту странность
И разгадать хочу ея причину.

Мопра.

Друзья, еще налейте мнѣ вина;
Еще вина—и время и богатство
Я-бъ осушить хотѣлъ, какъ этотъ кубокъ!

Берингенъ (*подбирая деньги*).

Игрѣ конецъ, пойдемте на гулянье!

Всѣ.

Пойдемте, Мопра.

Мопра.

Нѣтъ, я останусь здѣсь!
Вѣдь мы опять увидимся до ночи.

Всѣ.

Ну, до свиданья! (*уходятъ*).

Барадасъ.

Я останусь съ нимъ...
Ты проигралъ и вовсе не горюешь?

Мопра.

О чемъ же горевать? и жизнь и деньги
Имѣютъ крылья. Вѣдь когда нибудь
Имъ надо-жъ улетѣть. Открой имъ клѣтки
И пожелай имъ добраго пути.

Барадасъ.

Ты для меня престранная загадка...
Въ бою твое чело сіяетъ счастьемъ,
А въ отдыхъ ты и мраченъ и унылъ.
Повѣрь, Мопра—отъ друга скрыться трудно:
Тебя грызетъ глубокая печаль.
Откройся мнѣ; ты помнишь, наши дни
Текли одной рѣкой, все тѣ же звѣзды
Въ своемъ теченьи отражая: вмѣстѣ
Воспитывались мы; однѣ мечты
Плѣняли насъ въ давно былые годы,
И вмѣстѣ, на волшебныхъ грезахъ дѣтства,
Воздушные мы воздвигали замки.
Обоихъ насъ судьба не обманула:
Я знатенъ сталъ, любимцемъ короля,
А ты прослылъ во Франціи героемъ
И рыцаремъ безъ страха и упрека...
Скажи мнѣ, другъ, о чемъ же тосковать?
Откройся мнѣ, свою повѣдай тайну...

МОПРА.

Да, у меня въ душѣ гнѣздится тайна;
Она меня преслѣдуетъ, какъ демонъ,
И всюду мнѣ грозитъ и сердце давитъ.
Ты вѣрный другъ—я все тебѣ открою.
Когда, пылая злобой къ кардиналу,
Я къ брату короля вступилъ на службу
И вмѣстѣ съ нимъ участвовалъ въ возстаньи,—
Попался въ плѣнъ и посаженъ въ Бастилью...

БАРАДАСЪ.

Мнѣ помнится, что герцогъ Орлеанскій
Тогда прощенье вымолилъ для всѣхъ
Сообщниковъ своихъ.

МОПРА.

Но отъ меня
Онъ отказался; вотъ какъ было дѣло:
Я королевскимъ городомъ Фавьо,
Идя къ нему на встрѣчу, завладѣлъ,
Съ толпою удальцовъ; я былъ тогда
Почти ребенокъ. Герцогъ при допросахъ
Сказалъ, что онъ про то не зналъ, не вѣдалъ,
Что безъ его и воли и согласья
Я поступилъ. За это кардиналъ
Меня изъялъ изъ общаго прощенья.

БАРАДАСЪ.

Однако онъ тебя освободилъ?..

МОПРА.

Да—но велѣлъ меня къ себѣ позвать
И такъ сказалъ: „Ты измѣнилъ отчизнѣ,

Но палачу тебя я не отдамъ;
И молодость твою и славный родъ
Я пощадить хочу; теперь война —
Иди на бой; взамѣнъ позорной плахи,
Найди себѣ солдатскую могилу.
Отъ короля я скрылъ твою измѣну;
Ты, погибая, можешь о себѣ
Оставить незапятнанную память“.

Барадасъ.

Вотъ милосердіе, вотъ щедрость! вмѣсто плахи
Онъ выбрать далъ межъ пулей и ядромъ!
Ну что жъ?

Мопра.

Ты знаешь, я сражался храбро;
За смертью гнался я, какъ никогда
За Дафною не гнался свѣтлый богъ.
Я звалъ ее, искалъ ее повсюду,
Чтобы стяжать себѣ вѣнокъ лавровый,
Но умереть не могъ.

Барадасъ.

Несчастный другъ!

Мопра.

Вернулись мы, увѣнчаны побѣдой...
Когда меня увидѣлъ кардиналъ,
Онъ на меня взглянулъ, нахмуря брови,
И прошепталъ: „Ты спасся отъ меча,
Но топора тебѣ не миновать“.
Съ тѣхъ поръ я смерти жду! Ты знаешь все!

Барадасъ.

И ты молчишь и дѣйствовать не хочешь,
Когда змѣя судьбой твоей владѣетъ?

Очнись отъ сна: твои друзья готовы!
Тирану месть; все намъ сулитъ успѣхъ!
Король его не любитъ и боится
И будетъ радъ изъ подъ опеки выйти.
Вступи въ нашъ заговоръ, отдайся намъ,
И Францію спасешь, себя спасая...

Мопра.

Нѣтъ! Ришелье заговоренъ отъ смерти;
Его враги всегда кончаютъ плахой...

Барадасъ.

Но, если онъ останется въ живыхъ,
Тебя казнятъ.

Мопра.

Я лучше жертвой буду,
Чѣмъ палачемъ. Для Франціи онъ нуженъ.
А безъ меня ей обойтись легко.
Что жизнь моя!

Барадасъ.

Но развѣ ты не любишь?

Мопра.

О нѣтъ—люблю!

Барадасъ.

И Юлія прекрасна! (*въ сторону*)
(Онъ на краю своей могилы хочетъ
Сорвать цвѣтокъ, который я лелѣю!)
(*громко*) Ты любишь?

Мопра.

Да! Кто не глядѣлъ на небо
Въ волшебный часъ, когда сіяютъ звѣзды,
Кто въ сонмѣ ихъ одну себѣ не выбралъ

Во имя той, которой сердце полно
И въ немъ блеститъ, какъ на небѣ звѣзда!

Барадасъ.

Ты говоришь, какъ говорятъ поэты.

Мопра.

Кто любитъ, тотъ поэтъ. Его мечты
Сродняются съ поэзіей, какъ листья
Съ весеннимъ вѣтеркомъ. Его душа
Живетъ всегда въ Эдемѣ и внимаетъ
Волшебнымъ пѣснямъ ангеловъ, какъ Ева
Въ земномъ раю. Ты знаешь, что нельзя
Объ Юліи понятья дать словами—
Словами не опишешь совершенства...
Все къ ней влечетъ; ея мечты такъ чисты,
Какъ волны, гдѣ купается Діана...
Такъ много въ ней невинности святой,
Что даже страсть при ней дрожитъ и млѣетъ
И, затаивъ палящее дыханье,
Не смѣетъ ей открыться и молчитъ;
Такъ много въ ней небеснаго огня,
Что ей могла бъ завидовать Психея...
Тебѣ смѣшна восторженность моя,
Но полюби и, если ты полюбишь
Такъ глубоко, какъ я, тогда не будешь
Смѣяться надъ поэзіей.

Барадасъ *(въ сторону)*.

Какъ демонъ,
Мою онъ ревность каждымъ словомъ будитъ.
За шпагою рука невольно рвется.

МОПРА.

Я все сказалъ—мои ты знаешь тайны;
Въ своей груди ихъ схорони на вѣкъ.
Теперь пойдемъ разсѣяться съ друзьями;
Пойдемъ въ таверну пить, играть, смѣяться...
Забудемъ скорбь! Да здравствуетъ веселье!
(Въ то время, какъ они выходятъ, входитъ Нюге со стражей).
Графъ де-Мопра, я арестую васъ—
Послѣдуйте за мною къ кардиналу!

МОПРА.

Ты видишь, другъ, мой смертный часъ насталъ;
Довольно тигръ игралъ съ своею жертвой...
Прости! Когда умру, скажи, что я
Жилъ безъ надеждъ и кончилъ жизнь безъ страха.
Прости! (*Уходятъ.*)

БАРАДАСЪ.

Прости! Надѣюсь навсегда!
Я всячески сулилъ тебѣ погибель—
Убійцей или жертвой Ришелье...
Тебя давно я ненавижу; въ дѣтствѣ
Ты былъ меня сильнѣе, въ юныхъ дняхъ
Красивѣй и отважнѣе меня...
Теперь опять ты на моей дорогѣ...
Я улыбался, слушая тебя,—
Я зналъ, что смерть летаетъ надъ тобою...
Любовь и честолюбье! звѣзды смѣлыхъ,
Свои лучи храните для меня!..
Съ поддержкой короля я буду мужемъ
Прелестной Юліи, съ поддержкой короля
Въ министры попаду я, а потомъ...
(глядитъ задумчиво на періаментъ).

Съ поддержкою Бульона и Испанца,
Мы слабаго Людовика низложимъ,
И кардиналъ помѣхой мнѣ не будетъ.

СЦЕНА 2-я.

Комната въ замкѣ кардинала. Стѣны увѣшаны коврами. Ширэкія ширмы въ углу. Столъ, покрытый книгами и бумагами. Большіе стѣнные часы. Статуи, бюсты, шкафы съ книгами. Оружіе разныхъ вѣковъ и знамена висятъ надъ кресломъ Ришелье.

Ришелье и Іосифъ.

Ришелье.

Опять враги погибель мнѣ сулятъ,
Опять грозятъ и старую лисицу
Хотятъ поймать въ капканъ. Скажи, Іосифъ,
Что о Лизандрѣ говоритъ Плутархъ?

Іосифъ.

Я позабылъ.

Ришелье.

Что, если шкуры льва
Недоставало—онъ сшивалъ ее
Со шкурою лисицы. Этотъ грекъ
Великій былъ политикъ и мыслитель.

Іосифъ.

Изъ вѣрнаго источника узналъ я,
Что во главѣ самъ герцогъ Орлеанскій.

Ришелье.

Опять болванъ на сцену выступаетъ.

Іосифъ.

Графъ Барадасъ, любимецъ короля,
Съ нимъ за одно.

Ришелье.

Пустая скороспѣлка!
Глава придворныхъ, мелкій интригантъ,
Успѣлъ снискать довѣрье короля
И менѣе чѣмъ въ полгода добился
Того, что добивался я годами;
Онъ не опасенъ; лѣстницу держу я
И, лишь тряхну, онъ свалится на землю.

Іосифъ.

Они хотятъ воспитанницу вашу
Своимъ орудьемъ сдѣлать; во дворцѣ
Ее вы помѣстили, чтобъ она
Могла слѣдить за вашими врагами.

Ришелье.

Такъ думалъ я, но бѣдное дитя
Совсѣмъ на это дѣло не способна,
Она сюда приходитъ ежедневно,
Зоветъ меня отцомъ и молитъ Бога,
Чтобъ онъ меня благословилъ—но больше
Я ничего добиться не могу.
Живя въ дворцѣ, она не замѣчаетъ,
Съ кѣмъ совѣщается король; когда враги,
Забывъ вражду, встрѣчаются друзьями
И межъ собою шепчутся; не знаетъ,
Какъ у дверей подслушивать тихонько
И иногда поглядывать сквозь щели.
Ни слуха нѣтъ, ни глазъ;—а говоритъ,
Что, какъ отца, меня всѣмъ сердцемъ любитъ.

Іосифъ.

Въ нее король влюбился не на шутку.

Ришелье.

О, Боже! Я старался вырвать съ корнемъ
Ползучій плющъ его любви докучной
И не успѣлъ; но я не дамъ ему
Обвить мое цвѣтущее растенье;
Гдѣ свѣтлыя мечты поютъ, какъ птицы;
Гдѣ дышетъ все невинностью и счастьемъ,
Великій грѣхъ—плотскія побужденья.
Ихъ церковь осуждаетъ. Мы должны
Бороться съ ними дѣломъ и словами.
Король щедушенъ, слабъ, полюбитъ онъ,
И женщина имъ будетъ управлять,
А ею тотъ, кому она отдастся.
Король любить лишь долженъ государство,
А государство—это Ришелье.

Іосифъ.

Еще не все—король, держась приличій,
Воспитанницу вашу прочитъ замужъ
За своего любимца.

Ришелье.

Вотъ забавно!
Я для него нашелъ жену другую.

Іосифъ.

Кого жъ?

Ришелье.

Она, какъ женщина, не дышетъ
Коварствомъ и измѣной; съ ней печаль
Утѣшится всегда; ея объятья
Дарятъ покой и сладкое забвенье;

И ни одною смертнаго рукой
Ея не смято дѣвственное ложе.

Іосифъ (*въ сторону*).

Съ такимъ огнемъ онъ говоритъ о ней,
Что можно думать, онъ влюбленъ въ могилу.

(входитъ Францискъ).

Францискъ.

Графиня Мортемаръ.

Ришелье.

Проси скорѣе,
Скажи, что очень радъ; а ты, Іосифъ,
Сходи ко мнѣ въ молельню, тамъ найдешь
Ты четки. Я сегодня позабылъ
Прочесть свои молитвы; за меня
Ты ихъ прочти; тамъ также ты найдешь
Ременный кнутъ для умерщвленья плоти.
Я слабъ и хилъ; ты силенъ; на себя
Прими мой грѣхъ; твои рамена крѣпки,
И Богъ тебя за это не оставитъ.

Іосифъ.

Нѣтъ, никогда принять васъ за себя
Я не осмѣлюсь! *(въ сторону.)*
Выдумка смѣшная!

(Входитъ Юлія).

Ришелье.

Здорово, другъ—какъ ты мила сегодня,
Свѣтла, какъ день.

Юлія.

Я рада, что вы въ духѣ. (*садится къ его ногамъ.*)
Позвольте мнѣ отцомъ васъ называть.

Ришелье.

Сегодня и всегда.

Юлія.

Отецъ, отецъ!
Для сироты какъ сладко это слово!

Ришелье.

Нѣтъ, сиротой себя не называй,
Пока я живъ. Отецъ твой былъ мнѣ другомъ,
Когда еще льстецовъ я не имѣлъ.
Теперь вокругъ меня одни льстецы,
А друга нѣтъ. Отецъ твой, умирая,
Мнѣ поручилъ тебя, и я готовлю
Приданое такое для тебя,
Что можешь выбирать среди знатнѣйшихъ
Ты при дворѣ; о чемъ же ты вздыхаешь,
Иль ты своей судьбою недовольна?

Юлія.

Нѣтъ, отецъ!

Ришелье. (*въ сторону.*)

(Не любитъ ли она временщика?)
Скажи, чего тебѣ не достаетъ?
Ты молода, богата и прекрасна,
Король твоей любуется красой;
Когда поешь, онъ слушаетъ тебя
И говоритъ, что этимъ чуднымъ пѣньемъ
Могла бы ты развеселить Саула.

Юлія.

Ужасно мнѣ король надоѣдаетъ.

Ришелье.

Дитя, что говоришь ты! Короли
Лишь надоѣсть своимъ министрамъ могутъ.
Кто при дворѣ всѣхъ больше успѣваетъ?
Лонгвиль, Сурьякъ, иль короля любимецъ.

Юлія.

Онъ страшный и опасный человѣкъ,
Никто его улыбки не видалъ
И я его боюсь и избѣгаю.

Ришелье.

Онъ за тобой ухаживаетъ?

Юлія.

Да,
Но онъ еще несноснѣй короля.

Ришелье.

Да, избѣгай его; теперь, дитя,
Покайся мнѣ, какъ бы отцу родному,
Кто изъ придворныхъ больше всѣхъ тебѣ
Пришелся по сердцу?

(Входитъ Нюис)

Графъ де-Мопра
Въ передней приказаній вашихъ ждетъ.

Юлія *(вскакивая.)*

Мопра!

Ришелье.

Тебѣ онъ тоже надоѣлъ? *(Къ Нюис.)*
Пусть подождетъ.

Юлія.

Что дѣлаетъ онъ здѣсь?
Простите... я... хотѣла васъ спросить,
Знакомъ ли вамъ графъ де-Мопра?

Ришелье.

А ты
Съ нимъ часто говорила?

Юлія.

Часто! нѣтъ...
Лишь девять разъ, нѣтъ десять; во дворцѣ
Въ послѣдній разъ я видѣлася съ нимъ,
(*грустно.*) Онъ при дворѣ бываетъ очень рѣдко.

Ришелье.

Повѣса и мотыга.

Юлія.

Нѣтъ, онъ скроменъ.
И, кажется, о чемъ то все груститъ.

Ришелье.

Онъ носитъ синій цвѣтъ и серебро?

Юлія.

Нѣтъ, желтое и золото.

Ришелье.

Скажите!
Она его замѣтила цвѣта.
Стыдись, мое дитя! теперь я долженъ
Покончить съ этимъ скромнымъ господиномъ.

Юлія.

Вы на меня разгнѣвались напрасно,
Причины нѣтъ...

Ришелье.

Скажи, ты ненавидишь
Моихъ враговъ?

Юлія.

Конечно.

Ришелье.

И Мопра?

Юлія.

О, нѣтъ, не Адріана.

Ришелье.

Вотъ нѣжности! Въ гостиную пойди,
Тамъ подожди... къ тебѣ я выйду скоро.

Юлія *(въ сторону.)*

Мнѣ страшно... онъ сердитъ, а говорить
Мнѣ надо съ нимъ. *(Приближается).*

Ришелье (*строго.*)

Ну, что еще?

Юлія.

Отецъ,
Мнѣ подари еще одну улыбку...
Ну, такъ; теперь я счастлива; отецъ,
Ты не считай Мопра своимъ врагомъ!
Отчизну любитъ онъ, я это знаю,
А потому онъ любитъ и тебя.

Ришелье.

Ну, хорошо;—его считать не буду
Своимъ врагомъ.

Юлія (*уходя*).

Благодарю тебя...

Ришелье (*звонитъ въ колокольчикъ*).

Сюда, Нюге. Что дѣлаетъ Мопра?

Нюге.

Онъ гордъ и молчаливъ.

Ришелье.

Введи его!

Онъ на себѣ не спряталъ ли оружья?
Отчаянье порой дурной совѣтникъ.
Когда войдетъ—за эти ширмы спрячься;
Слѣди за нимъ, не выпускай изъ виду,
И, если будетъ онъ сопротивляться,
(Дай осмотрѣть ружье,—оно надежно)
Тогда стрѣляй!

Нюге.

Ужъ я не промахнусь!

(*Нюге уходитъ; Ришелье садится къ столу и тихо перелистываетъ бумаги. Входитъ Мопра въ сопровожденіи Нюге, который потомъ прячется за ширмы.*)

Ришелье.

Приблизьтесь, графъ. Тому назадъ три года,
Вы не забыли?—съ вами я имѣлъ
Свиданье здѣсь.

Мопра.

Оно одно изъ самыхъ...

Ришелье (*перебивая его съ иронiей*)

Пріятнѣйшихъ моихъ воспоминаній.

Мопра (*въ сторону*).

О, Боже! онъ со смертью даже шутитъ.

Ришелье.

Я васъ тогда помиловалъ, но вы
Не соблюли условій договора.

Мопра.

За то теперь опять я въ вашей власти
И умереть готовъ.

Ришелье.

Графъ де-Мопра,
Скажите мнѣ, какъ провели вы время,
Вамъ данное для горькихъ размышленій
И тяжкихъ думъ?

Мопра.

Какъ время я провелъ?

Ришелье.

Вопросъ понятенъ; я за васъ отвѣчу...
Къ духовнику не шли вы съ покаяньемъ,
Не покрывали тѣла власяницей,
Молитвой и постомъ не очищали
Грѣховную и немощную плоть.
Нѣтъ! за игрой вы проводили ночи;
Разврату вы платили щедро дань...
Веселый пиръ смѣнялся поединкомъ,
Васъ оргія плѣняла и звала.
Вотъ перечень святыхъ приготовленій
Къ суду и смерти! Правду ль я сказалъ?

Мопра.

Такимъ всегда я не былъ. Не меня
Винить за это надо; жизнь мою

Вы отравили тяжкимъ приговоромъ;
Съ тѣхъ поръ, какъ вы его произнесли,
Покою я не зналъ; и днемъ и ночью
Терзалъ меня неумолимый призракъ
И молодость губилъ. Еще милѣе
Казалась жизнь отъ близости могилы...
А что за жизнь, когда погибель ждетъ,
Когда въ цвѣту должны надежды блекнуть?
О, еслибъ вамъ достался этотъ крестъ,
Однимъ путемъ пошли бы вы со мною.

Ришелье.

Я могъ бы увлекаться, но, какъ вы,
Не сталъ бы ни обманщикомъ, ни воромъ.

Мопра (*подвигается съ угрожающимъ видомъ*).

Отъ вашихъ словъ должны вы отказаться,
Иль кардиналъ... (*Нюге прицѣливается въ него.*)

Ришелье (*махая рукою*).

Не торопись, Нюге!
Графъ де-Мопра спокойный человѣкъ
И можетъ подождать.
Вы промотали
Все ваше состоянье; стали нищимъ;
За это я васъ вовсе не виню:
У всякаго свой вкусъ, но промотавшись,
Надѣлали долговъ, а жить богато,
Давать пиры, роскошно одѣваться
На счетъ чужой и на чужія деньги,
Своимъ считать насущный хлѣбъ торговца,
Располагать чужимъ добромъ безъ платы,
Брать деньги безъ отдачи—это все

По моему—обманъ и воровство.
Вы задолжали восемь тысячъ ливровъ
Безъ двухъ экю и четырехъ ліардовъ.

Мопра (*въ сторону*).

Ахъ, онъ кудесникъ! скоро скажетъ мнѣ,
Я сколько рюмокъ выпилъ за обѣдомъ.

Ришелье.

Вы родъ срамите свой; я говорю вамъ,
Что вы должны долги свои платить.

Мопра.

Отъ всей души готовъ бы это сдѣлать,
Но гдѣ занять прикажете мнѣ деньги?

Ришелье (*въ сторону, смѣясь*).

(На все отвѣтъ; какой смѣшной повѣса!
Отваги полнъ; такого мнѣ и надо!)
Мои враги зовутъ меня жестокимъ,
Я не жестокъ, я только справедливъ;
Что я нашелъ во Франціи? Крамолы,
Безсильные законы, ересь въ храмѣ,
Мятежъ, готовый вспыхнуть ежечасно...
И что жъ? я перестроилъ это зданье,
Готовое разрушиться. Я сильныхъ
Сумѣлъ смирить, защиту слабымъ далъ.
Я водворилъ порядокъ и законъ,
И, на обломкахъ прежнихъ учрежденій,
Теперь сіяетъ лучъ преуспѣянья.
Не колдовствомъ, не геніемъ, не счастьемъ
Достигнулъ я своей завѣтной цѣли,—
Одною справедливостью. Я знаю,

Что въ васъ найду защитника. Сюда
Вошли моимъ врагомъ—уйдете другомъ;
Для Франціи вы нужны; я готовъ
Прошедшее забыть и васъ прощаю!
Васъ почести и слава ждутъ.
(*Мопра падаетъ на колѣни; Ришелье подымаетъ его.*)
За это
Изъ рукъ моихъ прошу принять невѣсту,
Приданое которой лишь равно
Ея красѣ.

Мопра (*въ нерѣшимости*).

Я не хочу жениться!

Ришелье.

Все хуже смерть.

Мопра.

Я смерти не боюсь.
Послѣдній трусъ и тотъ покончитъ съ жизнью,
А чтобъ жениться—надо храбрость льва.

Ришелье.

Бездѣльникъ, ты глумишься надо мною,
Я знаю все... Ты дерзость возымѣлъ
Любить мою воспитанницу.

Мопра.

Да,
Люблю ее, какъ волны любятъ солнце:
Лишь взглянутъ на него и въ даль бѣгутъ.

Ришелье.

Ты ей посмѣлъ въ своей любви открыться?

МОПРА.

О, Боже! еслибъ даже я любилъ
Послѣднюю изъ женщинъ, я не смѣлъ бы
Соединить ея судьбу съ своею,
Когда палачъ у самыхъ алтарей
За жертвой могъ придти!

РИШЕЛЬЕ.

Тебѣ я вѣрю,
Но если ты въ любви не признавался,
Съ другой возьми богатство и свободу...
Отвѣта нѣтъ?

МОПРА.

Вы горя не знавали
И вы понять не можете, какъ сладко
Одну мечту лелѣять и любить,
Когда въ душѣ отчаянье и горе...
Я не могу разстаться съ ней; за деньги
Пусть продаетъ другой свою любовь!
Мнѣ безъ нея не надо и свободы!
И я на смерть готовъ идти...

РИШЕЛЬЕ (*звонитъ, входитъ Нюге*).

Нюге!
Въ гостиной ты оставишь арестанта...
Тамъ ждетъ палачъ; молись! тебя спасти
Теперь лишь можетъ Богъ.

МОПРА.

Когда умру,
Скажите ей, что я ее любилъ.

Ришелье.

Отъ пустяковъ прошу меня избавить.
Идите!

Мопра.

Онъ смѣется надо мною!

(*Входитъ Іосифъ.*)

Ришелье.

Ты блѣденъ, другъ Іосифъ; я боюсь,
Что слишкомъ ты усердно бичевался,
Мой искупляя грѣхъ.

Іосифъ.

Объ этомъ, право,
Не стоитъ говорить.

Ришелье.

Какая скромность!
Ну, къ дѣлу! ты немедленно вели,
Чтобъ къ завтрему отдѣлали мой домъ,
Что близъ дворца; какъ свадебный подарокъ,
Отдамъ его графинѣ Мортемаръ,
Она выходитъ замужъ.

Іосифъ.

За кого?

Ришелье.

За де-Мопра.

Іосифъ.

Не важная находка!
Онъ гроша не имѣетъ за душой.

Ришелье.

Ей нуженъ мужъ, не денежный сундукъ.
Ея отцу, когда онъ умиралъ,

Я поклялся сиротки не оставить,
И умеръ онъ съ улыбкой на устахъ.
Когда Мопра я пощадилъ сегодня,
Мнѣ показалось, что я вижу снова
Улыбку эту. Выборъ не плохой...
Я графа испыталъ; онъ благороденъ,
Открытъ и смѣлъ; король его полюбитъ,
И онъ легко смѣститъ временщика,
Къ тому жъ онъ человѣкъ со вкусомъ; помню,
Когда въ дворцѣ мою играли драму,
Передъ толпой безсмысленныхъ невѣждъ,
Онъ восхищался ей,—людей я знаю...
Онъ выборъ мой сумѣетъ оправдать...

Іосифъ.

Но онъ вашъ врагъ.

Ришелье.

Не онъ одинъ—ихъ много;
Двойная польза, если станетъ врагъ
Надежнымъ другомъ. Надо, братъ Іосифъ,
Употреблять всѣ средства къ соглашенью!

Іосифъ.

Но если все напрасно.

Ришелье (*грозно*).

О, тогда
Давить враговъ желѣзною рукой,
Готовя имъ погибель и позоръ,
Какъ я теперь мятежникамъ готовлю.

Іосифъ.

Вамъ дѣйствовать пора: враги не дремлютъ,
Убійцы точатъ ножъ.

Ришелье.

Еще не время...
Пусть заговоръ созрѣетъ... пусть онъ дастъ
Свои плоды ничтожные—тогда
Я пепелъ ихъ по вѣтру разбросаю...
Теперь пойди—когда сюда вернешься,
Тебѣ готовлю я большую радость...
Я только что окончилъ пятый актъ
Своей великой драмы; я тебѣ
Его прочту; стихи, могу сказать,
Мнѣ очень удались... и ты охотникъ
Писать стихи (*въ сторону*)—ну, ужъ стихи!

Іосифъ.

Попался!
Ременный кнутъ пріятнѣй во сто кратъ.
Дивлюсь я, что великій человѣкъ
Такой плохой писака.

Ришелье.

Что бормочешь?

Іосифъ.

Я удивляюсь, что съ такимъ умомъ
Сумѣли вы сроднить и вдохновенье.

Ришелье.

Я, признаюсь, великими дѣлами
Не такъ горжусь, какъ музою своей;
Проходитъ все; однѣ лишь книги вѣчны.
Томить тебя не стану и сейчасъ
Прочту тебѣ свое произведенье.

Іосифъ.

А дѣло?

Ришелье.

Да, дѣла не могутъ ждать.
Мнѣ жаль тебя! (*Садится и читаетъ.*) Какъ мысли хороши.
(*Входятъ Мопра и Юлія*)

Мопра.

Волшебный сонъ!

Юлія.

Мы оба ваши дѣти!

Ришелье.

Какъ этотъ стихъ пѣвучъ!
(*Перестаетъ читать, обращается къ Мопра.*)
Вы еще живы?

Мопра.

Нѣтъ, кто въ раю, тотъ больше не живетъ.

Юлія.

Онъ улыбается! Отецъ, твоя улыбка
Сулитъ намъ дни блаженства.

Ришелье.

Встаньте, дѣти!
Обоихъ васъ усыновлю я...
Мнѣ сладко любоваться вашимъ счастьемъ...
Глядя на васъ, невольно вспоминаю
Прошедшихъ дней увядшую весну...

Мопра.

Я поспѣшу все приготовить къ свадьбѣ.

Ришелье.

Терять не надо времени и завтра
Твоей женой должна невѣста быть.

Я отдаю тебѣ безцѣнный даръ—
Люби ее—и я любилъ когда-то...
Однако ты нисколько не робѣешь:
Вѣдь, чтобъ жениться, надо храбрость льва!
(*Уходятъ Мопра и Юлія.*)
Божественная власть! все передъ тобою
Склоняется, тебѣ доступно все...
И миловать ты можешь и карать...
Безсильные и жалкіе пигмеи
Тебя хотятъ похитить у гиганта,
Который ихъ сотретъ съ лица земли...
О, Франція! тобою сердце полно,
Къ тебѣ одной лежитъ моя душа,
Ты мнѣ жена, любовница!—лишь небо
Меня съ тобою можетъ разлучить!

ДѢЙСТВІЕ II.

(Второй день).

СЦЕНА 1-я.

Великолѣпная гостиная въ домѣ Мопра; терраса, ведущая въ садъ; вдали виднѣется Люксенбургскій дворецъ.

(*Входитъ Барадасъ*).

БАРАДАСЪ.

Каковъ дворецъ Мопра! онъ даже слишкомъ
Роскошенъ для солдата, сколько блеска!
Но скоро омрачатся эти стѣны,
Надъ ними смерть зіяетъ и на нихъ
Ложится тѣнь зловѣщая Бастильи...
Безумецъ! ты негаданно ушелъ
Отъ Ришелье—но развѣ дальше плаха?
Я королю открылъ твою измѣну,
Онъ знаетъ все и будетъ мстить тебѣ...
За Юлію онъ сталъ твоимъ врагомъ,
И снова ты надъ бездною висишь!..

(*Входитъ Мопра, великолѣпно одѣтый.*)

МОПРА.

Ужасная судьба! такъ много счастья
И вмѣстѣ столько горя...

Барадасъ.

Отъ души
Спѣшу тебя поздравить... Ба!—ты мрачень
И вовсе не глядишь, какъ молодой...

Мопра.

Прошу оставить шутки—не до нихъ.

Барадасъ.

Что слышу, бѣдный другъ! ужель такъ скоро
Тебѣ жена успѣла надоѣсть?

Мопра.

Я въ ней души не чаю.

Барадасъ.

Вотъ загадка!

Мопра.

Ты знаешь, что вчера происходило
У кардинала.

Барадасъ.

Да, твою записку
Я утромъ получилъ и былъ готовъ
Отъ радости и плакать, и смѣяться...

Мопра.

Мы въ полдень обвѣнчались, но лишь только
Окончился обрядъ, и мы изъ храма
Пріѣхали сюда—открылись двери...

Барадасъ.

И что жъ?

МОПРА.

Мнѣ Берингенъ вручилъ письмо
Отъ короля... Письмо съ его печатью...

БАРАДАСЪ.

Я руку узнаю...

МОПРА.

Читай, читай!

БАРАДАСЪ (*читаетъ*).

Такъ какъ Адріанъ де-Мопра, полковникъ, служащій въ нашей арміи и уже подлежащій суду за государственную измѣну (завладѣніе нашимъ королевскимъ городомъ Фавьо), осмѣлился безъ нашего вѣдома, согласія или разрѣшенія сочетаться брачными узами съ Юліей де Мортемаръ, богатой сиротой, состоящей при особѣ Ея Величества, Мы симъ объявляемъ и повелѣваемъ считать эту свадьбу противузаконной. Подъ страхомъ смерти, Мы запрещаемъ Адріану де-Мопра сообщаться съ вышеупомянутой Юліей де-Мортемаръ иначе, какъ въ присутствіи Нашего вѣрнаго слуги де-Берингена и то съ почтеніемъ, подобающимъ фрейлинѣ французскаго Двора, до тѣхъ поръ, пока Нашему Королевскому Величеству угодно будетъ войти въ сношеніе съ Святою Церковью для принятія мѣръ къ расторженію сказаннаго брака и съ нашимъ совѣтомъ для наказанія преступника. Вмѣстѣ съ симъ повелѣваемъ графу де-Мопра никому не сообщать о нашемъ распоряженіи, въ особенности же де-Мортемаръ.

Писано въ Луврѣ Нашею рукою и за Нашею печатью.

Людовикъ.

Какъ это странно! развѣ кардиналъ
Тебѣ не говорилъ, что про измѣну
Король не знаетъ.

Мопра.

Такъ онъ говорилъ.

Барадасъ.

Понятно все; ты жертва страшной мести,
Которая ужаснѣе, чѣмъ смерть.
(*Въ сторону*) Теперь онъ мой! Сомнѣній быть не можетъ!
(*Громко*) Ты не видалъ сегодня кардинала?

Мопра.

Я не успѣлъ еще придти въ себя
Отъ тяжкаго удара, но сейчасъ
Къ нему пойду.

Барадасъ.

Избави Богъ, ни шагу!
Пока съ тобой я не увижусь снова!..

Мопра.

Не мучь меня—скажи, что знаешь...

(*Юлія и Бериигенъ показываются на террасѣ.*)

Барадасъ.

Тише!
Твоя жена и Берингенъ. Не думай
Сопротивляться волѣ короля,
А то бѣда нагрянетъ; до свиданья!
Пойду твой домъ осматривать.

Мопра.

Останься,
Куда спѣшишь?

Барадасъ.

Тебѣ не до гостей;
Я вашъ слуга покорнѣйшій, графиня...
Прелестный видъ, счастливцы!

Юлія.

Адріанъ,
Ты вдругъ меня покинулъ;—что съ тобою?
Здоровъ ли ты?

Мопра.

Благодарю, здоровъ...
Нѣтъ, я хотѣлъ сказать, что очень боленъ.

Юлія.

Ты боленъ, другъ? (*Беретъ его руку.*)

Мопра.

Когда со мною ты,
Болѣзнь моя проходитъ.
(*Онъ хочетъ поцьловать ея руки. Бериніенъ кашляетъ и дергаетъ его за плечо, Мопра опускаетъ руку и отходитъ.*)

Юлія.

Боже, онъ
Меня не любитъ!

Берингенъ.

Будьте осторожны,
Я королю все долженъ передать.

Мопра.

Когда бы вы не королю служили,
Я вамъ сказалъ бы, сударь, что вы самый
Нахальный и несносный человѣкъ.

И скоро васъ сумѣлъ бы отучить
Совать свой носъ въ семейныя дѣла.

Берингенъ.

Но такъ какъ я лишь исполняю волю
Его Величества...

Мопра.

Вы счастливы, а все,
Когда бъ стояли мы этажемъ выше,
Вѣрнѣй бы вамъ не подходить къ окошку.

Юлія.

Скажи мнѣ, Адріанъ,—перемѣниться
Я за ночь не могла и за собой
Я никакой вины не признаю...
Ужель изъ честолюбья и богатства
Рѣшился ты обманывать меня,
Когда вчера мнѣ говорилъ, что любишь...

Мопра.

Я чувствую, что я съ ума сойду...
Клянусь!

Берингенъ.

Не смѣйте ей въ любви открыться:
Король найдетъ, что это неприлично.

Юлія.

Что, Адріанъ?

Мопра.

Что время безподобно,
Что видъ хорошъ съ террасы...
(*Къ Берингену.*) О, мучитель!

Юлія (*въ сторону*).

Онъ надо мной смѣется—но его
Я все люблю и не могу сердиться...
(*громко.*) Мой милый, ты находишь, можетъ быть,
Что слишкомъ я серьезна... будемъ пѣть,
Смѣяться, но скажи мнѣ ради Бога,
Что ты меня попрежнему все любишь.

Моцрд (*цѣлуя ея руку*).

Въ моей любви не грѣхъ ли сомнѣваться?
Теперь пойдите, сударь, къ королю
И разскажите это. Боже правый,
Гдѣ слыхано, что можно запрещать
Любить жену и цѣловать ей руку.

Юлія.

Онъ про любовь боится говорить,
Какъ будто это страшно. Сядемъ рядомъ,
Вотъ стулъ; со мной ты вовсе не любезенъ...
(*Садятся; когда онъ отодвигаетъ стулъ, она приближаетъ свой.*)
Скажи, что этотъ странный господинъ
Здѣсь все торчитъ? онъ мнѣ глаза протеръ,
Не хочешь ли, чтобъ онъ ушелъ отсюда?

Моцрд.

Отъ всей души я этого желаю,
Пошли его за чѣмъ нибудь...

Юлія.

Мессиръ!
Перчатку я, гуляя, обронила
Въ аллеѣ, нѣтъ, близъ статуи Киприды,

Иль, погодите, около фонтана—
Могу ли васъ просить...

Берингенъ.

За ней послать?
Конечно, очень радъ... Эй, вы! Какъ тамъ,
Какъ васъ зовутъ—сюда скорѣй! (*Вбѣгаютъ слуш.*)

Графиня

Перчатку за прогулкой обронила
Въ аллеѣ, нѣтъ,—близъ статуи Киприды,
Иль, погодите, около фонтана.
Сыскать ее!

Мопра.

Безстыдное нахальство! (*Обращается къ Юліи.*)
Мой ангелъ, занятъ я, бумаги, счеты...
Прошу оставить насъ—уйти!

Юлія (*плачетъ*).

Жестокій!

(*Въ то время, какъ она уходитъ, Мопра опускается на колѣни и цѣлуетъ ея платье, не замѣченный ею*).

Берингенъ.

Я очень благодаренъ.

Мопра.

Я хотѣлъ бы
Отправить благодарность вашу къ чорту;
Я все терпѣлъ, но противъ слезъ ея
Ужасно устоять! Скажите мнѣ,
Когда конецъ настанетъ этой шуткѣ?

Берингенъ.

Когда угодно вамъ. Король велѣлъ
Васъ отвезти немедленно въ Бастилью

За невниманье къ Высочайшей волѣ.
Васъ отвезти ужъ я давно бы могъ,
Но пожалѣлъ, по добротѣ сердечной—
У каждаго свои есть недостатки.

Мопра.

Я знаю, что во власти короля
Меня казнить; я свыкся съ этой мыслью,
Но если завтра церковь и совѣтъ,
Такъ или сякъ, мое покончатъ дѣло,
Тогда...

Берингенъ.

Что, милый другъ?

Мопра.

Милѣйшій другъ,
Я вытолкать велю отсюда васъ...
Я буду говорить, милѣйшій другъ,
Съ кѣмъ я хочу и какъ хочу, пока
Меня король не выпроводитъ самъ.
Вы понимаете мой милый, мой милѣйшій,
Мой драгоцѣнный другъ.

Берингенъ.

Не кипятитесь;
Васъ размышленья охладятъ! покуда
Графини нѣтъ, позавтракать пойду я,
А вы останьтесь здѣсь. Какъ ваши вина?
Я до хорошихъ винъ большой охотникъ.
Пожалуйста, со мной не церемоньтесь;
Вы видите я самъ у васъ, какъ дома.
(*Входитъ Барадасъ. Мопра бѣжитъ къ нему на встрѣчу*)

Мопра.

Ты говорилъ о мщеньи хуже смерти,
Что ты хотѣлъ сказать?

БАРАДАСЪ.

Понять не трудно...
У Ришелье двѣ только страсти—месть
И честолюбіе... Онъ ихъ обѣихъ
Въ тебѣ соединилъ. Твою жену
Онъ воспиталъ; къ двору ее пристроилъ,
Предвидя, что случится, и король
Въ нее влюбленъ.

МОПРА.

О, Боже!

БАРАДАСЪ.

Ришелье,
Потворствуя желаньямъ короля,
Еще сильнѣе станетъ, но для свѣта
Онъ долженъ былъ ей мужа пріискать,
Конечно, мужа только по названью;
Такимъ путемъ онъ честолюбью служитъ
И мститъ врагу, его пятная честь.

МОПРА.

О, докажи!

БАРАДАСЪ.

Мнѣ доказать не трудно.
Подумай самъ—письмо отъ короля,
Изъятье изъ всеобщаго прощенья
Извѣстное лишь мнѣ да Ришелье—
Все это очень странно. Онъ одинъ
Могъ жизнь твою продать иль честь купить...

Мопра.

Мнѣ ясно все; нежданная пощада,
Поспѣшныя приготовленья къ свадьбѣ...
О, Боже—все это я считалъ за счастье!..
Одно безчестье!..

Барадасъ.

Месть въ твоихъ рукахъ...
Сегодня мы должны собраться ночью;
Готово все; вступи въ нашъ заговоръ,
И мы тебя спасемъ.

Мопра.

Сегодня ночью!
О, муки ада! въ свадебную ночь...

Барадасъ.

По окончаньи службы, кардиналъ
Въ своей часовнѣ нищихъ обдѣляетъ.
Ты во главѣ подкупленныхъ людей
Ворвись туда и счеты съ нимъ покончи.

Мопра.

А что король, что Юлія?

Барадасъ.

Король
Здоровьемъ слабъ—умомъ еще слабѣе...
Игрушка онъ для умнаго министра...
Когда займу я мѣсто кардинала,
Все поверну по своему. Король
Проститъ тебя и страсть свою забудетъ.
Готовъ ли ты?

Мопра.

Дай съ мыслями собраться;
Огонь въ груди; въ глазахъ моихъ темнѣетъ...

И больно мнѣ глядѣть на Божій свѣтъ.
Отвѣтъ я скоро дамъ (*уходитъ*).

Барадасъ.

Свершится мщенье!
Ты отъ моихъ ударовъ не уйдешь!—
(*ВходитъБерингенъсъполнымъртомъи салфеткоювъруки*).

Берингенъ.

Могу сказать, вашъ поваръ совершенство!
Да гдѣ жъ хозяинъ? (*подходитъ къ Барадасу*)
Графъ, признаюсь вамъ
Опасное дано мнѣ порученье...
Съ Мопра плохія шутки: то и дѣло
Выходитъ изъ себя; онъ просто порохъ!

Барадасъ.

Не долго вамъ терпѣть; король сегодня
Потребуетъ графиню ко двору.

Берингенъ.

Ахъ, бѣдный де-Мопра! да какъ же вы
Такъ хладнокровно смотрите на это?
Вы тоже влюблены въ графиню.

Барадасъ.

Да,
Но короля я вовсе не страшусь;
Онъ нерѣшителенъ, застѣнчивъ,—гдѣ ему
Съ ней справиться! Пока достигнетъ цѣли,
Успѣетъ онъ корону потерять,
А я ужъ буду новымъ Ришелье.

БЕРИНГЕНЪ.

Все королю разстаться будетъ трудно
Съ своимъ министромъ; онъ къ нему привыкъ.

БАРАДАСЪ.

Король свободы ждетъ и не дождется
И самъ бы радъ сойтись съ его врагами,
Чтобъ отъ него отдѣлаться.—Довольно!
Я отыскалъ того,—который будетъ
Убійцей Ришелье—кого душѣ
Невѣдомъ страхъ и чья рука не дрогнетъ.

БЕРИНГЕНЪ.

Онъ на меня, должно быть, намекаетъ!
Конечно, графъ, я храбрая собака,
А все...

БАРАДАСЪ.

О васъ и рѣчи не идетъ.
Я говорилъ о графѣ де-Мопра...
Сегодня, не забудьте—у Маріонъ,
Мы соберемся въ полночь; договоръ
Подпишемъ и гонца пошлемъ къ Бульону... (*вкрадчиво*).
Отъ васъ я не скрываю нашихъ плановъ,
Ужъ мѣсто вамъ назначено въ совѣтѣ.

БЕРИНГЕНЪ.

Однако, графъ, все это сильно пахнетъ
Измѣною и плахой.

БАРАДАСЪ.

Жребій брошенъ,
И поздно отступать. Про наши планы
Вы ничего Мопра не говорите,—

Онъ ищетъ только мести; на измѣну
Онъ не пойдетъ. Его поставить надо
Дозорнымъ у дверей, чтобъ онъ не зналъ,
О чемъ мы будемъ совѣщаться. Въ полночь
Васъ ожидаемъ.

Берингенъ.

Буду непремѣнно,
Когда король меня не позоветъ. (*въ сторону*)
Я слишкомъ старый гусь, чтобы играть
Съ лисицами. Останусь просто дома.
Будь тамъ, что будетъ (*громко.*) Рядомъ ждетъ пирогъ,
Заняться имъ бы вовсе не мѣшало...

Барадасъ.

Ну, вотъ! тому, кто полонъ честолюбья,
Не могутъ пироги идти на умъ.

Берингенъ.

Тому же графъ, кто пирогомъ наполненъ,
На умъ идти не можетъ честолюбье.
Мнѣ кажется, я лучшее избралъ.

(*Входитъ Юлія съ 1-мъ придворнымъ.*)

Юлія.

Какъ, во дворецъ мнѣ велѣно являться
Сегодня?

Придворный.

Да-съ. Карета короля
Васъ у подъѣзда ждетъ—и васъ, мессиръ,
Король зоветъ къ себѣ.

Юлія.

Что это значитъ?
Да гдѣ жъ мой мужъ?

Барадасъ.

Онъ изъ дому ушелъ.
И, можетъ быть, до ночи не вернется...
Такъ мнѣ велѣлъ вамъ передать. О, еслибъ
Я обладалъ сокровищемъ такимъ...

Юлія (*перебивая его.*)

Ушелъ до ночи!.. Боже, какъ мнѣ страшно.

Придворный.

Король васъ ждетъ.

Юлія (*обращаясь къ Барадасу.*)

Когда вернется мужъ,
Прошу ему все это разсказать...

Барадасъ.

Клянусь, что никогда съ такой любовью
Пчела съ цвѣтовъ не собирала меду,
Какъ я ловлю слова изъ вашихъ устъ,
Хотя они назначены другому...

Придворный (*обращаясь къ Беринсену.*)

Вамъ тоже ѣхать надо...

Берингенъ (*въ нерѣшимости*).

Погодите...

Придворный.

Мнѣ ждать нельзя.

Берингенъ.

Ахъ, Боже, не дадутъ
Заняться пирогомъ... Не знаю, право,
Чѣмъ кончится вся эта кутерьма. (*уходятъ*).

Барадасъ.

Ушла—Мопра теперь на все рѣшится,
Онъ Ришелье убьетъ,—умретъ за это.
Его жена моей женою будетъ,
А тамъ, когда сюда прійдутъ испанцы,
Я, можетъ-быть, найду себѣ корону;
Среди развалинъ Франціи и мнѣ
Помѣхою не будетъ кардиналъ...

(*Входитъ Мопра съ балкона.*)

Мопра.

Глазамъ я вѣрить не хочу; съ террасы
Я увидалъ карету короля
И въ ней жену—все это бредъ пустой,
Больной души тревожныя видѣнья...

Барадасъ.

Увы, все правда! мщенье Ришелье!

Мопра.

Я въ Лувръ пойду.

Барадасъ.

Тогда простись съ надеждой,
Дворецъ ведетъ прямымъ путемъ въ Бастилью.

Мопра.

Что же дѣлать мнѣ? король...

Барадасъ.

Его не бойся!
Онъ только воскъ въ рукахъ у Ришелье;
Погибнетъ кардиналъ, и ты спасенъ;
Твоя жена сумѣетъ отстоять
И честь свою и мужнины права...

Мопра.

Святая месть и темная могила,
Обѣимъ вамъ я посвящаю кровь
Армана Ришелье. Когда встаютъ,
Чтобъ мстить за честь и защищать права,
Законы умираютъ, и убійство
Законный видъ возмездья принимаетъ.

Барадасъ.

Ты правъ, Мопра, тебя спасетъ лишь мщенье,
Мы на тебя надѣемся.

Мопра.

Я вашъ!
Я вашъ; въ моей душѣ гроза бушуетъ,
Недолго ждать, и скоро грянетъ громъ;
Пусть гибнетъ тотъ, кто губитъ честь другого.

СЦЕНА 2-я.

(Комната во дворцѣ кардинала, какъ въ 1-мъ дѣйствіи).

Ришелье и Іосифъ (Францискъ пишетъ у стола).

Іосифъ.

Нюге, идя дозоромъ, услыхалъ,
Что шепчутъ ваше имя; онъ подкрался
И уши навострилъ. „Готово все“,
Одинъ изъ заговорщиковъ промолвилъ.
„Мы завтра Ришелье должны схватить
Въ самомъ его дворцѣ“.—„Въ какое время?“—
Спросилъ другой.—„Мы скоро все узнаемъ“,—
Отвѣтилъ первый,—„герцогъ Орлеанскій
Сзываетъ насъ для тайныхъ совѣщаній
Сегодня въ полночь въ домѣ у Марьонъ“.

Ришелье.

Теперь я ихъ держу.

Іосифъ.

Они о васъ
Того же мнѣнья: вѣрьте мнѣ—ихъ планы
Обширны и обдуманы глубоко.
Вы дѣйствовать немедленно должны,
И каждая минута дорога.

Ришелье.

Ты правъ; порой опаснѣе гигантовъ
Бываютъ карлы. Статуи ваяетъ
Рѣзецъ, а не топоръ. Будь я моложе,
Легко бы могъ я справиться одинъ
Съ толпой убійцъ презрѣнныхъ. У меня
Подъ рясой бьется рыцарское сердце.
Францискъ подай мнѣ мечъ, мой старый мечъ,
Который при осадѣ Ларошели
Въ моихъ рукахъ не разъ губилъ враговъ.
Онъ неуклюжъ, негоденъ для гостиной,
Но даже самъ великій Карлъ Мартель
Его носить бы могъ... Тогда онъ былъ
Игрушкой для меня...
(*Францискъ снимаетъ со стѣны средне-вѣковой мечъ и подаетъ его. Ришелье хочетъ его поднять, но онъ падаетъ изъ рукъ его*).
Теперь ты видишь:
Ребенокъ могъ убить бы Ришелье...

Францискъ (*держась за рукоятку своей шпаги*).

За васъ другіе могутъ заступиться,
Вамъ приказать лишь стоитъ.

Ришелье.

Да, я знаю,
Есть у меня оружіе иное,—
И мечъ съ нимъ не сравняется. Перо
Сильнѣй меча, когда владѣетъ имъ
Великій человѣкъ. Оно всесильно...
Передъ нимъ народы падаютъ во прахъ,
И кесари дрожатъ.
Возьми мой мечъ,
И безъ него спасу я государство...
Теперь уйти ты можешь. (*Смотритъ на часы*).
Часъ насталъ.

(*Слышенъ стукъ; отворяется потайная дверь, и входитъ Марьонъ де-Лормъ*).

Іосифъ.

Марьонъ де-Лормъ!

Ришелье.

Іосифъ, стань у двери
И чтобъ никто не смѣлъ сюда войти.
(*обращаясь къ Марьонъ*).
Мой вѣрный другъ—привѣтъ сердечный мой!
Что новаго?

Марьонъ.

Сегодня всѣ они
Въ мой бѣдный домъ должны собраться ночью...
Ихъ предводитель—герцогъ Орлеанскій.

Ришелье.

Что дальше?

Марьонъ.

Герцогъ спрашивалъ меня,
Не знаю ли такого человѣка,

Которому повѣрить можно тайну,
Который прямъ, отваженъ и питаетъ
Страсть къ золоту и злобу къ Ришелье.

Ришелье.

Что же ты сказала?

Марьонъ.

Я такого знаю:
Мой братъ охотно приметъ предложенье,
И за него готова я ручаться.—
Тогда Его высочество велѣлъ,
Чтобъ онъ готовъ былъ ѣхать нынче ночью
Въ Италію.

Ришелье.

Ага! вездѣ измѣна.
Бульонъ, должно быть, съ ними заодно,
Такъ думалъ я... Скажи, ты не слыхала,
Въ какую часть Италіи гонца
Они хотятъ отправить?

Марьонъ.

На границу
Сардиніи, гдѣ всѣ войска стоятъ.

Ришелье.

Когда Бульонъ съ Испанцами сойдется,
Бѣда грозитъ! Безъ вѣрныхъ доказательствъ
Король моимъ совѣтамъ не поддастся,
И Франція погибла безвозвратно...
Что знаешь ты еще?

Марьонъ.

Они хотятъ,
Такъ я могла понять изъ ихъ намековъ,

Особой вашей завладѣть; но герцогъ
Дрожалъ, когда про это говорилъ,
И словъ его я не могла понять...

Ришелье.

Кого жъ своимъ ты братомъ назвала?

Марьонъ.

Кого угодно вамъ назначить будетъ.

Ришелье.

Безцѣнная Марьонъ,—вотъ за услугу
(*даетъ ей большой мѣшокъ съ золотомъ*).
Бездѣлица—дай на тебя взглянуть...
Какъ хороша твоя улыбка! можешь
И старика совсѣмъ съ ума свести... (*Цѣлуетъ ее.*)
Когда жъ должны они собраться?

Марьонъ.

Въ полночь!..

Ришелье.

И ты уговоришь отдать депешу
Кому назначу я...

Марьонъ.

Не сомнѣвайтесь.

Ришелье (*въ сторону*).

Кого жъ послать? Нюге мнѣ будетъ нуженъ.
Іосифа? Конечно, онъ мнѣ преданъ,
Но всѣмъ глаза протеръ, къ тому жъ и старъ;
Мопра сегодня только обвѣнчался...
Нашелъ, нашелъ! никто изъ нихъ не знаетъ
Франциска;—онъ честолюбивъ и молодъ.

Сюда, Францискъ!
Пойди за этой дамой
(Его одѣнь, какъ слѣдуетъ, Марьонъ),
Вооружись—и лучшаго коня
Возьми въ моей конюшнѣ. Нынче ночью
Тебѣ вручатъ пакетъ; храни его,
Какъ собственную честь, пусть смерть одна
Тебя съ нимъ разлучитъ. Лишь только ты
Пакетъ возьмешь, лети во весь опоръ
Въ Рюельскій замокъ, тамъ я буду къ ночи.
И знай—что, лишь ко мнѣ онъ попадетъ,
Отличья на тебя дождемъ польются.

Францискъ.

А если не удастся?

Ришелье.

Это слово
Ты вычеркни изъ памяти своей;
Кто честенъ и отваженъ, тотъ не долженъ
Бояться неудачъ. Тебѣ Марьонъ
Откроетъ все, что надо сдѣлать. Рядомъ
По улицѣ ты съ нею не иди
И съ ней не разговаривай дорогой,
А то еще подмѣтитъ кто-нибудь,
И все пропало. Ну, ступайте съ Богомъ.

(*Выходятъ Францискъ и Марьонъ*).

Ришелье.

Въ моемъ дворцѣ они меня хотятъ
Схватить. Я плановъ ихъ не понимаю,
Но все жъ мнѣ здѣсь опасно оставаться:
Дворецъ не защищенъ; одинъ измѣнникъ

Легко покончить можетъ съ Ришелье...
Скажи, Іосифъ—вѣренъ ли Нюге?
Подумай—мы приговорили къ смерти
Его отца.

Іосифъ.

За то купили сына
Обильными щедротами.

Ришелье.

Повѣрь,
Прошедшія награды ни во что
Считаются. Въ минуты откровенья
Не говорилъ ли онъ, какія блага
Ждетъ въ будущемъ?

Іосифъ.

Нюге желаетъ быть
Полковникомъ и даже дворяниномъ...

Ришелье.

Каковъ Нюге!

(*Въ это время входитъ Нюге, котораго кардиналъ не замѣчаетъ*).

Нюге.

Я легокъ на поминѣ.
Послушаю. (*Прячется за ширмы*).

Ришелье.

Нѣтъ, скромный мой Нюге,
Ужъ этого навѣрно не дождешься!..
Но все равно, я обѣщать могу,
А тамъ скажу, что отказалъ король.

Въ такихъ дѣлахъ спасеньемъ для министра
Бываютъ короли. И что жъ?.. Нюге
Въ накладѣ самъ не будетъ. Моралисты
Давно ужъ доказали, что надежда
Пріятнѣй обладанья. На него
Теперь мы смѣло можемъ положиться!..
Стяженныя награды и отличья
Лишь пылъ хладятъ, а сладкая надежда
На будущія блага порождаетъ
Голодную, живую благодарность,
Которая простого пса дворного
Въ Цербера можетъ превратить. Ты правъ,
Опасность намъ грозитъ со всѣхъ сторонъ,
И съ заговоромъ нечего шутить,—
За то, когда покончу я съ врагами,
И замыслы ихъ въ пепелъ обращу,
Такая для меня созрѣетъ жатва,
Что лѣто дней моихъ казаться будетъ
Безплоднымъ, если съ осенью сравнить.
(*Нюге дѣлаетъ угрожающій жестъ и выходитъ незамѣтно*).

Іосифъ.

Дай Богъ, чтобъ было такъ.

Ришелье.

Мой край родной,
Лишь для тебя тружусь я и страдаю;
Твое чело обвилъ я римскимъ лавромъ;
Передъ тобой склоняются народы...
И я теперь хочу тебя спасти;
Я знаю, Богъ прійдетъ ко мнѣ на помощь;
У насъ, духовныхъ, отняты права
Обыкновенныхъ смертныхъ: мы не можемъ

Избрать себѣ любимую подругу—
Мы лишены семейныхъ утѣшеній,
А все мы не безгрѣшны и должны
Любить, законъ природы исполняя.
Такъ для себя избралъ я идеаломъ
Мой край родной... что съ этою любовью
Сравниться можетъ? Почести, богатства...
Все суета, пустая суета;
Безсмертны только слава и народъ!..

(*Входитъ Нюе*).

Нюге.

Вы въ это время приказывали мнѣ
Явиться къ вамъ.

Ришелье.

Да, помню... Ты вчера
На заговорщиковъ наткнулся? имъ угодно
Ловушку мнѣ готовить... хорошо же;
Я дамъ имъ знать себя. Твоя команда
Исправна ли? въ ней сколько человѣкъ?

Нюге.

Десятка два.

Ришелье.

И всѣ они надежны?

Нюге.

Они годны для обыденной службы,
Но, если рѣчь зайдетъ о важномъ дѣлѣ,
Вѣрнѣе бы три четверти изъ нихъ
Перемѣнить.

Ришелье.

Кто жъ лучше?

Нюге.

У меня
Такіе господа есть на примѣтѣ,
Которые поссорились съ закономъ.
Они за жизнь стоятъ и любятъ деньги,
Лишь вы одни ихъ можете простить,
Поэтому и можете имъ вѣрить.

Ришелье.

Логично... собери себѣ команду
Изъ этихъ витязей (Вполнѣ успѣю
Предупредить намѣренье враговъ).
Гдѣ жъ пребываютъ эти украшенія
Природы человѣческой?

Нюге.

Изъ нихъ
Вѣрнѣйшіе—не любятъ свѣта дня
И прячутся; я знаю уголокъ,
Гдѣ къ ночи ихъ найду.

Ришелье.

Въ какое время
Ихъ приведешь въ мой замокъ?

Нюге.

Въ часъ за полночь.

Ришелье.

Довольно ли твоей команды будетъ,
Чтобъ замокъ охранять?

Нюге.

Въ немъ цѣлый мѣсяцъ
Держаться противъ арміи берусь
Лишь съ двадцатью надежными людьми...

Ришелье.

До утра мнѣ опасность не грозитъ,
Но все вѣрнѣе выбраться отсюда,
Пока свѣтло; немедленно вели
Все къ моему отъѣзду приготовить...
Пріѣхать въ замокъ до ночи успѣю
И въ часъ за полночь буду ждать тебя.
Твоею службой я вполнѣ доволенъ;
Ты честенъ, неподкупенъ, и тебя
Блестящая карьера ожидаетъ.
Коль буду живъ, полковникомъ ты будешь
И можетъ быть, замѣть мои слова,
Ты грамоту дворянскую получишь...
Я жду тебя въ условленное время.

Нюге.

На дѣлѣ докажу вамъ благодарность...
Моей командой будете довольны... *(въ сторону)*.
Мнѣ у Марьонъ легко ее собрать... (*уходитъ*).

Ришелье.

Я какъ паукъ запрячусь въ темный уголъ
И буду ждать, какъ дрогнетъ паутина.

Іосифъ.

Не лучше ли вамъ оставаться здѣсь
И заговорщиковъ схватить сегодня,
На мѣстѣ преступленья?

Ришелье.

Нѣтъ, Іосифъ,
Король безъ доказательствъ не повѣритъ,
Что вкругъ него измѣна; скажетъ мнѣ,
Что я хочу напрасно обвинять
Его друзей; онъ до того разгнѣванъ
За свадьбу Юліи, что самъ не прочь
Желать моей погибели; но если
Удастся намъ депешу захватить,
И онъ поймет, какъ планы ихъ опасны,
Тогда мы держимъ ихъ. Когда уѣду,
Сходи въ дворецъ; за всѣми наблюдай,
Бесѣдуй съ королемъ; скажи ему,
Чтобъ чаще онъ читалъ святую книгу,
Гдѣ сказано, что перваго министра
Изъ духовенства надо выбирать,
Что грѣхъ ему перечить, что король
Ему вполнѣ обязанъ довѣряться
И отъ него не долженъ ничего
Скрывать. Прекрасный трудъ!
Побѣда наша,—
Когда Францискъ не струситъ и Нюге
Останется мнѣ вѣренъ; но его
Я что-то опасаюсь; какъ-то странно
Онъ мнѣ сегодня кланялся.

Іосифъ.

Вы вѣчно
Готовы всѣхъ подозрѣвать.

Ришелье.

Что дѣлать!
Такъ много я уроковъ получилъ,

Что поневолѣ въ людяхъ сомнѣваюсь;
Врачи мнѣ ядъ готовили; пажи
Меня хотѣли задушить во снѣ;
Король, который держится лишь мною,
И тотъ мою погибель замышлялъ...
Увы! я сталъ бездѣтенъ, безъ друзей,
Покинутъ всѣми... мнѣ остался вѣренъ
Лишь твердый духъ Армана Ришелье...

Іосифъ.

Такъ васъ никто не цѣнитъ и не любитъ?

Ришелье.

О, Юлія, прости меня, я вѣрю
Въ твою любовь и знаю, что твой мужъ
Въ опасности меня бы не оставилъ.

Іосифъ.

А вѣрнаго Іосифа забыли?

Ришелье (*подумавъ немного*).

Да, на тебя надѣяться могу!..
Тебя боятся всѣ—никто не любитъ,
А я одинъ могу тебя возвесть
Въ архіерейскій санъ. Пойдемъ обѣдать
И говорить о томъ, какъ цѣль достигнуть,
Мой вѣрный другъ, архіерей Іосифъ.

ДѢЙСТВІЕ III.

(Второй день. Полночь).

СЦЕНА 1-я.

Готическая комната въ Рюельскомъ замкѣ Ришелье. Лунный свѣтъ

Ришелье.

Вокругъ меня тяжелое молчанье,
Тяжелый мракъ и мракъ въ душѣ моей.
Все спитъ кругомъ. Какой то странный голосъ
Звучитъ во мнѣ и про былое шепчетъ.
Передъ мной, обрызганные кровью,
Таинственные призраки встаютъ,
Но не отвѣчу я за эту кровь
Передъ судомъ грядущихъ поколѣній:
Мои враги—враги страны родной,
Другихъ я не имѣлъ. Ея дѣтей
Я не щадилъ, какъ Брутъ родного сына
Не пощадилъ, чтобъ родину спасти.
Я ихъ прощалъ—министръ простить не могъ;
И тамъ, гдѣ онъ, не вѣдая пощады,
Ихъ отдавалъ на жертву палачу,
Служитель алтарей за нихъ молился
И посылалъ свое благословенье...
Чтобъ облегчить взволнованную душу
Хотѣлъ бы я заняться философьей...

Но съ думами тяжелыми моими
Она идетъ въ разладъ. Она сходна
Съ той лѣстницей, что увидалъ Іаковъ:
На ней стояли Ангелы, и къ небу
Она вела—но это былъ лишь сонъ...
Читать я не хочу—другія мысли
Преслѣдуютъ меня; душа полна
Тревожныхъ ожиданій, но не долго
Томиться мнѣ и близокъ часъ разсчета!

(*Вбѣгаетъ Францискъ*).

Францискъ!—все спасено—скорѣй, скорѣй
Депешу дай.

Францискъ.

Казнить меня велите!

Ришелье.

Депеши нѣтъ? они тебя узнали?
Ее другому отдали?

Францискъ.

О нѣтъ,
Графъ Барадасъ мнѣ самъ ее вручилъ.

Ришелье.

Такъ гдѣ жъ бумаги?

Францискъ.

Выслушайте прежде,
А тамъ меня пошлите къ палачу.

Ришелье.

Ну, говори.

Францискъ.

Когда настала ночь,
Меня позвали въ комнату, гдѣ были

Графъ Барадасъ и герцогъ Орлеанскій,
И съ ними семь иль восемь человѣкъ,
Которыхъ я не знаю.

Ришелье.

Неужели
Такъ мало ихъ?

Францискъ.

Не думаю; я слышалъ
Въ сосѣдней залѣ говоръ, стукъ оружья
И дикіе озлобленные крики:
Тирану смерть! погибель Ришелье!

Ришелье.

Понятно все—отдѣльная измѣна
Скрывается подъ общимъ заговоромъ;
Одни хотятъ лишь смерти кардинала,
Другіе же отчизну предаютъ.

Францискъ.

Графъ Барадасъ допрашивалъ меня
И долго не рѣшался отдавать
Завѣтную депешу. Наконецъ,
Его уговорилъ на это герцогъ,
Который мнѣ сказалъ, что жизнь и смерть
Въ моихъ рукахъ. Вотъ золото злодѣевъ.

Ришелье.

Ты золотомъ измѣны не докажешь.

Францискъ.

Они мнѣ обѣщали груды денегъ,
Когда въ Парижъ придутъ войска Бульона.

Лишь вышелъ я—Марьонъ меня нагнала
И молвила: „Ты къ Ришелье спѣши:
Должны его убить“.—Я не успѣлъ
За дверь ступить, когда какой-то латникъ
Схватилъ меня желѣзною рукой
И завладѣлъ пакетомъ въ темнотѣ.
Его я не замѣтилъ и къ оружью
Прибѣгнуть не успѣлъ. „Шпіонъ презрѣнный“,
Онъ мнѣ сказалъ—„я не убилъ тебя,
Чтобы одною кровью Ришелье
Мой обагрился мечъ“. Дрожа за васъ,
Во весь опоръ сюда примчался я,
Чтобъ вы могли спастись отъ ихъ ударовъ,
Но для себя пощады не прошу...

Ришелье.

Никто тебя преслѣдовать не хочетъ.
Не падай духомъ—все поправить можно—
Ищи повсюду вора; постарайся
Настичь его и у него отнять
Сокровище, которымъ ты владѣлъ.
Пока оно въ рукахъ твоихъ не будетъ,
Не смѣй ко мнѣ являться; еще можешь
Вернуть назадъ потерянныя блага
И родину спасти. Скорѣй за дѣло,
Я на тебя надѣюсь!—

Францискъ.

Я не знаю,
Какъ васъ благодарить за это слово;
Оно меня къ побѣдѣ поведетъ—(*уходитъ*).

Ришелье.

Увѣренъ я, что онъ достигнетъ цѣли,
Я на него разсчитывать могу;

Тревожныя мнѣ вѣсти онъ принесъ;
Опасность мнѣ грозитъ, кругомъ измѣна...
О, еслибъ эта ночь прошла скорѣй!
Я къ утру разошлю своихъ шпіоновъ
Во всѣ концы Парижа; всѣхъ окинетъ
Всевидящее око кардинала;
Я исповѣдь и пытку въ ходъ пущу,
Чтобъ все узнать. Лишь свѣта бы дождаться!
Невольный страхъ мнѣ душу тяготитъ
И сердца стукъ уныло раздается,
Какъ стонъ предсмертной муки. Думать страшно:
Что если мнѣ Нюге невѣренъ? Чу?
Открыли дверь—сюда подъѣхалъ кто-то,
Шаги все ближе, ближе...

(*Входитъ Юлія и падаетъ къ ногамъ Ришелье*).

Юлія.

Кардиналъ!

О, мой отецъ!

Ришелье.

Дитя мое, ты плачешь!
Что привело тебя въ такое время?

Юлія.

У ногъ твоихъ спасенье я найду.

Ришелье.

Когда порой бушуетъ непогода,
Она фіалки развѣ не щадитъ?

Юлія.

Отецъ, все разскажу тебѣ; послушай!
Когда домой вернулись мы изъ храма,

Я мужа не узнала; онъ не сталъ
Скрывать своей холодности и скрылся,
Со мною не простясь. Я зарыдала,
Но все надежда теплилась въ душѣ
И вѣрить я въ несчастье не хотѣла;
Вдругъ изъ дворца пріѣхала карета,
И мнѣ король велѣлъ къ себѣ явиться.

Ришелье.

Онъ сталъ тебя за свадьбу упрекать?

Юлія.

О, еслибъ только это! хмуря брови,
Онъ мнѣ сказалъ, что свадьба незаконна;
Затѣмъ велѣлъ остаться во дворцѣ
И никуда не отлучаться. Ночью,
Когда заснули всѣ, онъ незамѣтно
Ко мнѣ прокрался въ комнату. Отецъ!
Въ сердцахъ людей читаешь ты и можешь
Меня понять. Я продолжать не въ силахъ.

Ришелье.

Ты женщина, онъ—мощный властелинъ,
И ты не устояла!

Юлія.

Боже правый!
Ты могъ сказать, что я не устояла,
Ты можешь это думать! Оскорбленный,
Униженный, онъ вышелъ отъ меня,
Блѣднѣя и дрожа. Въ душѣ у женщинъ
Есть больше благородства и величья,
Чѣмъ у самихъ помазанниковъ Божьихъ.
А ты сказалъ, что я не устояла!

Ришелье.

Иди въ мои объятья!—еслибъ люди
Не знали лжи, коварства и измѣны
И честь свою такъ свято берегли,
Какъ бѣдное, безсильное дитя,
Для свѣта бы не нуженъ Ришелье.
Ну, продолжай.

Юлія.

Когда король ушелъ,
Графъ Барадасъ осмѣлился ко мнѣ
Незваннымъ утѣшителемъ явиться...
Онъ сталъ меня притворно сожалѣть,
Вздыхалъ, бросая темные намеки,
Которыхъ смыслъ скрывался отъ меня.
Обиженный холодностью моей,
Онъ, наконецъ, сталъ выражаться ясно
И сдѣлалъ мнѣ ужасное признанье.
Во мнѣ застыла кровь и горько, горько
Я зарыдала. Боже! онъ сказалъ,
Что Адріанъ, мой мужъ — промолвить страшно
Потворствуетъ желаньямъ короля
И мой позоръ себѣ за честь считаетъ...
Тогда мнѣ все мгновенно разъяснилось,
Его холодность—странныя слова...
Я грязь нашла, гдѣ покланялась Богу...

Ришелье.

Дитя мое, ты мужа обвиняешь
Напрасно.

Юлія.

Ты сказалъ, отецъ, напрасно?
О, докажи—и за тебя молиться...

Ришелье.

Я долженъ все узнать...

Юлія.

Одна оставшись,
Рѣшилась я бѣжать, увидѣть мужа,
Добиться правды; въ страхѣ и смятеньи
Я къ королевѣ бросилась; упала
Къ ея ногамъ, открыла ей опасность
И подъ ея защиту отдалась.
Она меня къ груди своей прижала
И съ помощью ея могла я скрыться;
Домой помчалась, домъ стоялъ пустой.
Я мужа не нашла, тогда рѣшилась
Я у тебя .спасенія искать
И вотъ я здѣсь; недалеко отсюда
Я встрѣтила людей вооруженныхъ;
Они сюда спѣшатъ.

Ришелье.

Дитя, не бойся,
То стражники мои (*въ сторону*)
Нюге мнѣ вѣренъ.
Предчувствія мои не оправдались.

Юлія.

Какъ пережить могла я столько муки!

Ришелье.

Теперь, дитя, опасность миновала,
Ты у меня убѣжище найдешь;
Пойдемъ со мной; мы все еще уладимъ,
И счастье не погибло безвозвратно.

СЦЕНА 2-я.

Входятъ Нюге и Мопра. Послѣдній въ полномъ вооруженіи, съ опущеннымъ забраломъ. Мѣсяцъ скрылся за тучу.

Нюге.

Его здѣсь нѣтъ.

Мопра.

Не бойся, я сумѣю
Его найти; вели у всѣхъ дверей
Разставить часовыхъ; со всѣхъ сторонъ
Пусть замокъ окружатъ, чтобы никто
Не могъ бы стать межъ жертвою и мщеньемъ.
За тучу мѣсяцъ скрылся, не успѣетъ
Онъ снова проглянуть, когда судьбы
Свершится приговоръ.

Нюге.

Не надо ль вамъ
Кого-нибудь еще послать на помощь?

Мопра.

Чтобъ старика безсильнаго зарѣзать?
Стыдись! лишь месть за кровную обиду
Злодѣйство это можетъ оправдать;
Теперь уйди.

Нюге.

До скораго свиданья! (*Уходитъ.*)

Входитъ Ришелье, не замѣчая Мопра.

Ришелье.

Какъ ночь темна, какъ тяжело дышать!
Зловѣщій мракъ, зловѣщее молчанье
Невольно про измѣну говорятъ.

Мопра.

А также и про смерть.

Ришелье.

Я не ошибся,
Предчувствія сбылись... Кто ты, злодѣй?

Мопра.

Я твой палачъ.

Ришелье.

Сюда, Нюге, Вермонъ!
Ко мнѣ!

Мопра.

Старикъ, ты выжилъ изъ ума,
Напрасно будешь звать къ себѣ на помощь,
Вокругъ тебя измѣна. Сдѣлай шагъ—
И предъ тобой откроется могила.

Ришелье.

Твои слова—безсильная угроза.
Я старъ и хилъ, но мнѣ не суждено
Погибнуть отъ убійцы. Такъ свѣтила
Предсказывали мнѣ, такъ говорятъ
Предчувствія мои. Зови убійцъ!
Ни у кого изъ нихъ не хватитъ духу
Убить во мнѣ отчизну.

Мопра.

Часъ твой близокъ!
Старикъ, тебя свѣтила обманули;
Ничто тебя отъ смерти не спасетъ;
Твой мощный умъ Европой управлялъ;
Народы и цари предъ нимъ склонялись,

И онъ теперь безсиленъ противъ воли
Того, кто мститъ за попранную честь.

Ришелье (*въ сторону*).

Онъ не наемщикъ, я спасенъ!
(*Громко.*) Скажи,
Въ чемъ обвиняюсь я; не забывай,
Что клевета и сильныхъ не щадитъ.

Мопра.

Напрасно ты оправдываться хочешь!
Ты осужденъ дѣяньями своими,
И я палачъ. Тому назадъ давно
Одинъ несчастный юноша попался
Въ измѣнѣ государству, ты бы могъ
Его казнить—но палачу не отдалъ,
И надъ его главой повисъ топоръ...
Его спасти могла бы смерть твоя,
Но онъ не замышлялъ твою погибель
И молча ждалъ свершенья приговора.
Однажды ты велѣлъ его позвать;
Преступника простилъ великодушно,
Щедротами осыпалъ и ему
Ты рай открылъ, когда надъ нимъ склонился
Ликъ ангела.

Ришелье.

И что жъ онъ, недоволенъ?

Мопра.

Старикъ, послушай дальше; это мщенье
Не Кесаря достойно, а Іуды.
Ты спасъ его отъ смерти для позора.
И ты покрылъ его такимъ безчестьемъ,

Что даже кости праотцевъ его
Отъ ужаса въ могилахъ задрожали...
Его жену, какъ жертву на закланье,
Ты къ королю повелъ; его жъ поставилъ,
Какъ ширмы, для безчестья и стыда.
Тогда проснулась въ немъ святая месть,
Святая месть, что Брута увѣнчала,
Когда погибъ Тарквиній, и ему
Вложила въ руку ножъ. Не жди спасенья,
Узнай Мопра! (*Снимаетъ забрало.*)

Ришелье.

Пади къ ногамъ моимъ
И ползай предо мною на колѣняхъ,
Прося пощады. Еслибъ ты успѣлъ
Злодѣйство совершить—за смерть мою
Отмстило бы раскаянье безумцу...
Чтобъ Юлію спасти отъ короля,
Я сочеталъ ея судьбу съ твоей,
А ты покинулъ домъ, жену оставилъ
На произволъ враговъ; лишь у меня
Она нашла спасенье и защиту...
Сюда, мое дитя, сюда! (*Входитъ Юлія.*)

Юлія.

Что вижу!

Мопра.

Глазамъ своимъ не вѣрю, ты ли это,
Моя жена возлюбленная?

Юлія.

Прочь!
Все между нами кончено навѣки...
Не подходи; когда бъ не этотъ старецъ,

Я, можетъ-быть, утратила бы право
Тебя карать.

Ришелье.

Ты слышишь?

Мопра.

Умъ ея
Ты клеветой опуталъ и коварствомъ.

Юлія.

О, нѣтъ! когда всю правду я узнала,
Онъ все тебя старался защищать.
Твой другъ, твой вѣрный другъ мнѣ все повѣдалъ;
Самъ Барадасъ открылъ твой гнусный планъ.

Мопра.

Что слышу я!

Ришелье.

Онъ Юліи сказалъ,
Что ты за честь ея позоръ считаешь.

Мопра.

О, небо, гдѣ твой громъ? и ты могла
Бездѣльнику повѣрить? если любишь—
Безсильна клевета.

Юлія.

Я такъ любила,
Какъ можетъ только женщина любить...
Безумно отдалась душой и сердцемъ;
Но это былъ лишь сонъ, и онъ промчался.
Прости на вѣкъ. (*Плачетъ.*)

Ришелье.

Не плачь, мое дитя.
Поправить можно все; размолвка ваша

Похожа на туманъ, что предвѣщаетъ
Прекрасный день; всю правду ей скажи;
Обоихъ васъ Іуда обманулъ;
Тебѣ сказалъ, что мужъ тебя не любитъ;
Ему—что ты способна измѣнить.

Юлія (*цѣлуя его*).

Такъ ты меня все любишь, и враги
Тебя оклеветали.

Мопра.

Неужели
Ты сомнѣвалась въ этомъ?

Ришелье.

Какъ ты могъ
На удочку попасться? Барадасъ
Влюбленъ въ твою жену; онъ добивался
Ея руки и милость короля
Надѣялся купить своимъ позоромъ...
Тебя подговорилъ онъ на убійство,
Чтобы врага вѣрнѣе погубить.
Куда дѣвалъ ты разумъ? Какъ стекло
Его прозрачны планы, и сквозь нихъ
Просвѣчиваетъ день.

Мопра.

Я такъ виновенъ,
Что не могу помилованья ждать!

Ришелье.

Прощаю и спасу тебя.

Мопра.

Отецъ!
Спаси себя: врагами полонъ замокъ!

Злодѣи жаждутъ крови и сулятъ
Тебѣ погибель...

Юлія.

Боже!

Ришелье.

Уведи
Свою жену; неосторожный крикъ,
Невольный вздохъ насъ могутъ погубить;
Стань у дверей и слушай. Въ это время
Попробуемъ спастись.

Мопрл.

Спасенья нѣтъ!
Я жизнь отдамъ, чтобъ защитить тебя...
Но все напрасно будетъ.

Ришелье.

Славный подвигъ
Задумали разбойники, но слишкомъ
Отъ цитадели близко; на тебя
Могу ли положиться? (*Смотритъ ему въ глаза.*)
Да, могу...
Въ моихъ войскахъ кто вѣренъ мнѣ остался?

Мопра.

Всѣ измѣнили—всѣ твои враги.

Ришелье.

И самъ Нюге?

Мопрл.

Нюге—нашъ предводитель.

Ришелье.

Шпіонъ на вѣкъ останется шпіономъ,
На подлеца всегда плоха надежда.

Сегодня шкуры льва недостаетъ,
Сошьемъ ее со шкурою лисицы.

Юлія.

Я слышу гулъ шаговъ и шумный говоръ.

Ришелье.

Нельзя ль спастись чрезъ потайную дверь?

Мопра.

Нюге и тамъ разставилъ часовыхъ.

Ришелье.

Скорѣй за мной, въ мою опочивальню.
Спасенье впереди!
(*За сценой голоса*: Смерть Ришелье! Погибель Кардиналу!)

Ришелье.

Кровопійцы,
Надъ вами я смѣюсь, ха! ха! и васъ
Сумѣю провести.
(*Уходятъ*; *вбѣгаетъ Нюге съ заговорщиками.*)

СЦЕНА 3-я

Нюге.

Сюда, сюда!
Все кончено—Мопра не можетъ струсить.
Но гдѣ жъ они?

1-й заговорщикъ.

Лисица, можетъ быть,
Запряталась въ нору, и за нею

Погналась смерть.

(*Мопра открываетъ дверь опочивальни. Ришелье лежитъ на кровати.*)

Да здравствуетъ король!
Не стало Ришелье—погибъ тиранъ!

Нюге.

Глаза открыты?

Мопра.

Точно у живого.

Нюге.

Я на него боюсь взглянуть. Какъ долго
Вы не могли съ нимъ справиться.

Мопра.

Я спящимъ
Его засталъ и задушилъ его
Во время сна. Всѣмъ надо говорить,
Что Ришелье скончался отъ удара
И найденъ мертвымъ. Крови не видать.
Скорѣй къ Парижу!... Герцогъ Орлеанскій
Дворянство обѣщалъ и груду денегъ
Тому, кто первый принесетъ извѣстье,
Что Ришелье въ раю. Скорѣе въ путь,
Чтобъ Франція узнала нашу радость
И торжество!

Нюге.

А вы?

Мопра.

Я здѣсь останусь,
Чтобъ отгонять отсюда любопытныхъ
И бренные останки кардинала

Оберегать отъ слишкомъ зоркихъ глазъ.
Вамъ, господа, въ удѣлъ предоставляю
Богатства и отличья; самъ лишь буду
Скрывать слѣды убійства. Торопитесь:
Васъ герцогъ ждетъ.

НЮГЕ.

Я буду дворяниномъ!

I-Й ЗАГОВОРЩИКЪ.

Насъ золотомъ осыплютъ!

ВСѢ.

Ѣдемъ, ѣдемъ!

СЦЕНА 4-я.

Комната въ домѣ гр. Бараласа

Герцогъ Орлеанскій, Берингенъ.

БЕРИНГЕНЪ.

Такъ, такъ!.. Мопра, не зная про депешу,
Чтобъ Ришелье отомстить, сталъ во главѣ
Убійцъ, которыхъ бѣдный кардиналъ
Считаетъ за защитниковъ своихъ...
Помилуй Богъ отъ этакой защиты...

ОРЛЕАНСКІЙ.

Нюге заставилъ насъ перемѣнить
Нашъ первый планъ и, если онъ измѣнитъ...

БЕРИНГЕНЪ.

Тогда лисица всѣхъ гусей пожретъ,
Что попадутся ей. Я, слава Богу,

Остался въ сторонѣ. Позвольте вамъ
Подать благой совѣтъ. Коль неудача,
Скажите, что вамъ было все извѣстно
И что вы съ тѣмъ вступили въ заговоръ,
Чтобы вѣрнѣй съ злодѣями покончить.

(*Входитъ Барадасъ.*)

Барадасъ.

Я только что оставилъ короля;
Онъ сильно разбѣшенъ; графиня скрылась,
И онъ клянется страшно отомстить
Мопра и Ришелье. Съ послѣднимъ скоро
Мы справимся. Придворные должны
Предупреждать желанья короля—
Но и Мопра мы тоже не забыли...

(*Показываетъ пергаментъ.*)

Берингенъ.

Не только чортъ печатать научилъ,
Онъ и въ письмѣ участье принимаетъ...
Какой нашли предлогъ?

Барадасъ.

Мопра казнятъ
За старый грѣхъ—измѣну при Фавьо.
И бѣдный другъ насъ выдать не успѣетъ.
Ужъ мостъ ему построенъ отъ тюрьмы
Къ могилѣ.

Орлеанскій.

Хорошо, когда гонецъ
Депешу довезетъ благополучно,
Тогда мы спасены—а если нѣтъ,
Погибель ждетъ.

Барадасъ.

Погибель иль корона!

Берингенъ (*въ сторону Барадаса*).

Нашъ будущій правитель не герой.

Барадасъ.

И не зачѣмъ ему героемъ быть:
Когда правитель слабъ — министры сильны...
(*Обращаясь къ герцогу Орлеанскому.*)
Ахъ, кстати, я забылъ вамъ передать,
Что другъ Нюге мнѣ на ухо шепнулъ;
Его совѣтъ—Марьонъ остерегаться:
Съ ней Ришелье знакомъ, а потому
Я ей нашелъ другое помѣщенье.

Орлеанскій.

Онъ лжетъ—она во мнѣ души не чаетъ
И намъ вѣрна.

Берингенъ (*съ соболѣзнованіемъ*).

Тюрьма вѣрнѣе будетъ.

(*Входитъ пажъ.*)

Пажъ.

Солдатъ какой-то хочетъ непремѣнно
Ворваться къ вамъ.

Барадасъ.

Гдѣ стража?

Пажъ.

Здѣсь въ передней,
Какъ вамъ угодно было приказать.

БАРАДАСЪ.

Зови его; я только жду Нюге.

(*Входитъ Нюге.*)

НЮГЕ.

Побѣда! мы покончили съ врагомъ;
Теперь прошу исполнить обѣщанье
И мнѣ дворянство дать.

БАРАДАСЪ.

Такъ это правда,
Что Ришелье убитъ? Какъ это было?

НЮГЕ.

Во время сна его мы задушили,
И нѣтъ слѣдовъ убійства.

БАРАДАСЪ (*грозно*).

Задушили?
И ты, разбойникъ, смѣешь за убійство
Просить награду. Эй, кто тамъ—сюда!

(*Входитъ стражд.*)

НЮГЕ.

Вы не посмѣете...

БАРАДАСЪ.

Связать мерзавца!
И отвезти немедленно въ Бастилью!

НЮГЕ.

А ваши обѣщанья?

БАРАДАСЪ.

Прочь, злодѣй!

Нюге.

Я вамъ отмщу.

Барадасъ.

Въ тюрьму его, въ тюрьму!

(*Сторожа уводятъ Нюге.*)

Барадасъ.

Все спасено. Нюге умретъ въ Бастильи,
Мопра за нимъ послѣдуетъ въ могилу.
Другихъ бѣжать заставимъ заграницу;
Вотъ, вашему высочеству урокъ,
Какъ съ карасемъ должна справляться щука.

Берингенъ.

Ну, съ плечъ гора! теперь подумать можно
Объ ужинѣ; прошу не забывать,
Что мѣсто мнѣ обѣщано въ совѣтѣ.
Съ дѣлами можно справиться и завтра,
Дѣла подождутъ; желудокъ ждать не можетъ,
Къ тому жъ, святая церковь намъ велитъ
Всегда кормить голодныхъ. До свиданья! (*Уходитъ.*)

Орлеанскій.

Какъ на душѣ легко, съ тѣхъ поръ, какъ знаешь,
Что Ришелье убитъ.

Барадасъ.

Когда бъ воскресъ,
Все не вернулъ бы прежняго значенья,
Парижъ спасти не могъ бы отъ испанцевъ,
Мопра отъ плахи, Юлію отъ меня.
И кардиналъ помѣхой вамъ не будетъ
Вступить на тронъ. (*Входитъ пажъ.*)

Сюда гонецъ примчался
Во весь опоръ и хочетъ видѣть васъ.

Барадасъ.

Зови его!

Орлеанскій.

Кто это могъ пріѣхать?

Барадасъ.

Да кто нибудь изъ нашихъ, можетъ быть,
И самъ Мопра. (*Входитъ Францискъ.*)
А, это ты, измѣнникъ!
Все еще здѣсь!

Францискъ.

Депешу у меня
Похитили, когда отъ васъ я вышелъ.
Я не успѣлъ къ оружію прибѣгнуть,
Когда шпіонъ, стоявшій у дверей,
Схватилъ ее.

Барадасъ.

Шпіонъ?

Францискъ.

Шпіонъ.

Орлеанскій.

О, Боже!
Одинъ изъ заговорщиковъ.

Барадасъ.

У двери
Поставленъ былъ Мопра, но про депешу
Онъ ничего не зналъ.

Францискъ.

Такъ было темно,
Что ничего я разглядѣть не могъ,
И онъ стоялъ съ опущеннымъ забраломъ.

Барадасъ.

Сомнѣній нѣтъ, то былъ Мопра. Какъ могъ
Онъ догадаться? Если выдастъ насъ—
Погибли мы. Немедленно отправься
Искать его; убійство, воровство
Все въ ходъ пусти, чтобъ возвратить депешу,
Не то палачъ тебѣ наградой будетъ.

Францискъ.

Я честь спасу—поправлю неудачу. (*Уходитъ*).

Орлеанскій.

Пропали мы.

Берингенъ.

До времени не бойтесь;
Мопра въ моихъ рукахъ—я справлюсь съ нимъ,
И Франціей мы завтра завладѣемъ.

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА I-я.

Сады Лувра. Герцогъ Орлеанскій, Барадасъ, придворные и проч.

ОРЛЕАНСКІЙ.

Скажите, графъ, какъ переноситъ братъ
Кончину кардинала?

БАРАДАСЪ.

Онъ груститъ,
О государствѣ думая, и радъ,
Когда порой о Юліи мечтаетъ.

(*Входитъ Людовикъ съ другими придворными; всѣ снимаютъ шляпы. Герцогъ Орлеанскій бросается къ нему на встрѣчу*).

ОРЛЕАНСКІЙ.

Я, наконецъ, могу обняться съ братомъ!

ЛЮДОВИКЪ.

Твоей любви я вѣрю; Ришелье
Одинъ въ ней сомнѣвался и тебя
Со мною разлучалъ. Увы, онъ умеръ!
Кто королевствомъ станетъ управлять?

Барадасъ.

Вы сами, государь; онъ слишкомъ долго
Васъ затмевалъ и лишь странѣ служилъ,
О королѣ нисколько не заботясь...

Людовикъ.

Ты правъ—онъ былъ хорошій дипломатъ;
Но вотъ и все. Признаться, между нами,
Въ учености его я сомнѣваюсь:
Онъ ничего во многомъ и не смыслилъ.

Барадасъ.

Я и теперь безъ смѣха не могу
Одну охоту вспомнить.

Людовикъ.

Да, умора!
Когда простого ястреба онъ принялъ
За сокола. Забавная ошибка. (*Крестится*).
Ахъ, бѣдные мы грѣшники—смѣемся,
Когда великій мужъ, служитель церкви
И вѣрный нашъ слуга, окончилъ дни.

Барадасъ.

Я не могу скрывать притворно радость:
Онъ больше васъ не будетъ прикрывать
Своей зловѣщей тѣнью.

Людовикъ.

Право грустно
На свѣтѣ жить (*смотритъ на небо*).
Какъ день располагаетъ...

Барадасъ.

Къ тяжелымъ размышленьямъ?

Людовикъ (*нетерпѣливо*).

Нѣтъ, къ охотѣ.
Давно такой погоды не стояло.
А Ришелье скончался, и нельзя
До похоронъ охотою заняться.
Да, грустно жить на свѣтѣ; мадригалъ
Вчера я сочинилъ о скукѣ жизни.
Ты не поешь! Какъ жаль—учиться надо;
Вотъ Ришелье великій былъ мыслитель,
А вовсе уха не имѣлъ. Ахъ, Боже,
Какъ съ государствомъ буду я справляться!
Кругомъ раздоры, войны, Ришелье
Почти весь міръ въ свои опуталъ сѣти,
Какъ рыбарь миѳологіи, Протей;
Что безъ него теперь я стану дѣлать?
Незамѣнимъ великій человѣкъ!

Барадасъ.

Такъ говорила ваша мать о немъ
И умерла въ изгнаньи.

Людовикъ.

Это правда,
Я мать свою любилъ, и онъ ее
Не пощадилъ.

Барадасъ.

Онъ умеръ, что же дѣлать!
Вѣдь рѣки не текутъ назадъ: весна
Смѣняетъ зиму; еслибъ ваша милость

Упала на меня, и я бы могъ
Въ лучахъ величья вашего сіять,
Какъ Ришелье.

Людовикъ.

Ты хвастаешь, любезный,
А все признаться надо—иногда
Онъ слишкомъ былъ жестокъ.

Орлеанскій.

Сравняться съ нимъ
Въ жестокости одинъ бы могъ Неронъ.

Барадасъ.

Подобно Капитолью—власть его
Воздвигнулась на черепахъ людскихъ.

Людовикъ.

Любезный графъ, одинъ я черепъ знаю,
Который бы украсилъ это зданье,
Когда-бъ онъ живъ остался. На тебя
Онъ сильно сталъ коситься.

Барадасъ (*встревожившись*).

Я увѣренъ,
Что вы меня сумѣли бъ защитить.

Людовикъ.

Такъ думаешь? ты, можетъ-быть, и правъ,
Однако онъ имѣлъ особый даръ
Всегда уговорить и всѣмъ вертѣлъ
По своему;—все безъ него вѣрнѣе...
Меня зовутъ повсюду справедливымъ
И оправдать сумѣю это имя...

Хоть умеръ Ришелье (*отводитъ сю въ сторону*),
Скажу тебѣ,
Что не могу я глупую дѣвчонку
Изъ сердца вырвать; лучше есть ея,
Добрѣе есть, а все она одна
Мой занимаетъ умъ. Я не Тарквиній
И не люблю открытаго соблазна,
Что церковь справедливо осуждаетъ,
А все пріятно время коротать
Съ хорошенькою женщиной, когда
Находитъ грусть и сердце давитъ скука.
Такъ много дѣлъ, что королю не грѣхъ
Искать порой невинныхъ развлеченій;
Вотъ все, что я ищу... ее мнѣ сильно
Недостаетъ; мнѣ въ душу западалъ
Ея веселый смѣхъ и чудный голосъ.

Барадасъ.

Какъ Ришелье безъ вашего согласья
Осмѣлился графиню выдать замужъ?

Людовикъ.

Онъ зналъ, что мнѣ она пришлась по вкусу,
И ясно доказалъ своимъ поступкомъ,
Что не любилъ меня.

Барадасъ.

Теперь онъ умеръ,
И между ней и вами нѣтъ преградъ;
Недѣльки двѣ въ Бастильи, я увѣренъ,
Угомонятъ Мопра, и самъ онъ будетъ
Просить у васъ развода. (*Уходятъ съ придворными*).
(*Входитъ Францискъ*).

Францискъ.

Всѣ поиски мои остались тщетны;
Нигдѣ Мопра не могъ я отыскать;
Всю ночь онъ не былъ дома. Мнѣ сказали,
Что онъ сюда спѣшитъ; о, еслибъ могъ
Я увидать его хоть на мгновеніе,
Назадъ верну депешу, и судьба
Мнѣ улыбнется. Если не удастся
Мнѣ оправдать довѣрье Ришелье,
Пусть смерть меня спасетъ отъ посрамленія...
Но все въ душѣ надежда не погибла
И на ухо какой-то голосъ шепчетъ,
Что цѣли я достигну. (*Входитъ Мопра*).

Мопра.

Гдѣ Іуда?

Онъ отъ моей руки погибнуть долженъ,
Хотя бы самъ король его покрылъ
Своей порфирой.

Францискъ.

Графъ, одно словечко.

Мопра.

Что хочешь ты?

Францискъ.

Отдайте мнѣ депешу;
Вы знаете меня; я кардиналу
Служу. Вчера дозорнымъ у дверей
Стояли вы во время совѣщаній.

Мопра.

Да, я стоялъ; но мнѣ теперь не время
Съ тобою говорить.

ФРАНЦИСКЪ.

Вы спасены!
Отдайте мнѣ депешу, что вчера
Вы у меня похитили.

МОПРА.

Я думалъ,
Что Ришелье узнаетъ наши планы
И скроется отъ насъ.

ФРАНЦИСКЪ.

О, ради Бога,
Отдайте мнѣ ее: въ ней жизнь и смерть!

МОПРА.

Она не у меня; предъ тѣмъ чтобъ ѣхать,
Я передалъ ее.

ФРАНЦИСКЪ.

Кому? (*Входитъ Барадасъ*).

МОПРА.

Злодѣй!
Ты отъ меня не скроешься. За шпагу!
И защищайся!

ФРАНЦИСКЪ (*удерживаетъ ею*).

Вы съ ума сошли!
Король вернуться можетъ. Ришелье
Вѣрнѣй за васъ отмститъ—скажите только
Депеша у кого?

МОПРА

(*отбрасываетъ его въ сторону и бросается на Барадаса*).

Не жди пощады!
Я раздавлю тебя своей пятой.

(*Обнажаютъ шпаги и дерутся.*)

Францискъ.

Король идетъ—бѣгите!

Людовикъ.

Что за дерзость:
Въ самомъ дворцѣ дерутся на дуэли!
Иль умерли законы съ Ришелье?

Барадасъ.

Простите, государь. Я жизнь свою
Лишь защищалъ. Мопра всему виной...

Людовикъ.

Распорядиться съ нимъ!

Мопра.

Позвольте мнѣ...

(*Барадасъ отдаетъ перламентъ стражь*).

Барадасъ.

Связать его и отвезти въ Бастилью.
(*Мопра старается защищаться, Францискъ около него и хочетъ говорить съ нимъ. Въ это время входятъ Ришелье, Іосифъ и тѣлохранители*).

Барадасъ.

Усопшіе встаютъ!

Людовикъ.

Что это значитъ?
Насмѣшка надо мной?

Мопра

(*вырывается отъ стражи и бросается къ кардиналу*).

У ногъ твоихъ,

Священникъ и герой—прошу защиты!
(*Ришелье беретъ періаментъ и разсматриваетъ его*).

Ришелье.

Въ чемъ провинился онъ?

Барадасъ (*въ сторону*).

Весьма понятно,
Что онъ воскресъ. И кошки и лисицы
Имѣютъ девять жизней.

(*Обращаясь къ королю*).

Будьте тверды.

Людовикъ.

Я докажу ему, что я король.

Іосифъ.

Гроза шумитъ, и чей-нибудь корабль
Пойдетъ ко дну.

Ришелье.

Измѣна при Фавьо
Одинъ пустой предлогъ! дурные люди —
Да, государь (*смотритъ на Барадаса*), бездѣльники
Обманываютъ васъ. Въ измѣнѣ этой
Не онъ одинъ участье принимаетъ
И (*обр. къ гер. Орлеан.*) Вашему Высочеству извѣстно,
Кто главный былъ зачинщикъ. Старый грѣхъ
Онъ ревностною службой искупилъ,
И я простилъ его.

Людовикъ.

Мнѣ дѣла нѣтъ
До вашего прощенья (*Обращаясь къ стражѣ.*)

Приказанье
Немедленно исполнить!

Ришелье.

Государь,
Вы, можетъ-быть, не знаете, что онъ
Сегодня спасъ мнѣ жизнь. Я васъ прошу
Уважить просьбу стараго слуги
И отмѣнить неправый приговоръ.

Людовикъ.

Настойчивость до дерзости доходитъ.
(*Стражѣ*) Что медлите?—исполните вашъ долгъ.

Ришелье.

Ты видишь, я напрасно унижался,
Не унижайся ты—иди, мой сынъ.

Францискъ (*обращаясь къ Мопра*).

Скажите, гдѣ депеша? Ваша жизнь
И жизнь враговъ отъ этого зависятъ.

Мопра.

Она въ рукахъ Нюге.

Францискъ.

Теперь надѣйтесь,
Мы васъ спасемъ; про все храните тайну.

Барадасъ (*въ сторону.*)

Ты разспросилъ его?

Францискъ.

Молчитъ упорно. (*Въ сторону*)
Такого слова нѣтъ, какъ неудача!
Надежда, дай мнѣ крылья! (*Уходитъ.*)

Ришелье (*гнѣвно.*)

Мѣсто, мѣсто!
Когда король съ своимъ министромъ занятъ,
Ему ничье вмѣшательство не нужно...

(*Придворные отступаютъ.*)

Людовикъ.

Что значитъ ложный слухъ о вашей смерти?

Ришелье.

Вы сердитесь, что я остался живъ?

Людовикъ.

Къ чему жъ обманъ?

Ришелье.

Онъ выдуманъ не мною!
Я только чудомъ спасся. Нынче ночью
Мой замокъ былъ убійцами наполненъ.

Барадасъ (*подходитъ.*)

Мы наказали ихъ. Нюге въ Бастиліи.
Мы приняли немедленно всѣ мѣры,
Чтобъ мстить за васъ.

Ришелье.

Скажите, Государь,
Съ которыхъ поръ вы раздѣлили власть
Съ придворными? Вы, графъ, схватили только
Наемщика простого. Не угодно ль,
Чтобъ я назвалъ зачинщика?

Людовикъ.

Опять
Вы принялись за старое; вездѣ

Вы видите убійцъ, чтобъ честолюбье
Могло вѣрнѣй соперниковъ губить.

Ришелье.

Соперниковъ въ служеньи Государству?
Такихъ я не имѣю. Пусть въ Европѣ
Вамъ скажетъ кто нибудь, что существуютъ
Соперники Арману Ришелье.

Людовикъ.

Какая горделивость! Не забудьте,
Кто миловалъ, тотъ можетъ и карать.

Ришелье.

Я знаю, Государь—въ минуту гнѣва
Вы можете лишить меня владѣній,
Приговорить къ изгнанью, но не властны
Затмить мои дѣянья. Слава ихъ
Принадлежитъ грядущимъ поколѣньямъ.

Людовикъ.

Намъ далѣе васъ слушать не угодно,
Оставьте насъ. Для совѣщаній—здѣсь
Не мѣсто и не время.

Ришелье.

Государь,
Для правосудья всякій уголъ—храмъ,
И всякая минута драгоцѣнна.
У васъ теперь прошу я правосудья...
Рѣшитесь ли мнѣ въ этомъ отказать?
Пятнадцать лѣтъ, что Франціей я правилъ,
Ничтожнѣйшій вассалъ, послѣдній нищій

Bayerische
Staatsbibliothek
München

Могъ требовать открыто правосудья,
Не ползая позорно на колѣняхъ,
Какъ челядь окружающая васъ,
А съ поднятымъ челомъ, какъ гражданинъ,
Котораго права неоспоримы.
Теперь и я проситель. Неужели
Вы не хотите выслушать меня,
Когда враги ужъ дѣйствуютъ и мнѣ
Грозитъ опасность.

Людовикъ.

Мнимая опасность!
Подъ разными предлогами вы всѣхъ,
Кого любилъ, въ изгнанье посылали,
Иль отдавали жертвой палачу...
Вокругъ меня все преданные люди;
Лишь потому они убійцы ваши,
Что мнѣ вѣрны и что я ихъ люблю.
Довольно заговоровъ и измѣнъ!
Оставьте насъ. Увѣренъ я, что ночь
Разгонитъ эти призраки.

Ришелье.

О, небо!
Терпѣнье мнѣ пошли! Вы не хотите
Внимать моимъ словамъ, а если буду
Просить пріема у подножья Трона,
Котораго могущество я создалъ,
Откажите ль вы просьбѣ старика,
Что далъ вамъ власть и молитъ о защитѣ?

Людовикъ.

Мы у подножья Трона приметъ васъ. (*Уходитъ.*)

Орлеанскій.

Бѣда прошла...

БАРАДАСЪ.

За то спасибо Юліи.

РИШЕЛЬЕ.

Графъ Барадасъ—у васъ прошу прощенья;
Вы мой преемникъ—дайте вашу руку.

БАРАДАСЪ (*въ сторону.*)

Что это значитъ?

РИШЕЛЬЕ.

Какъ она дрожитъ!
Рука, что управляетъ государствомъ
Должна бы тверже быть. Я васъ жалѣю.
И Францію жалѣю.

БАРАДАСЪ.

О, надменный! (*Уходитъ.*)

СЦЕНА ВТОРАЯ.

РИШЕЛЬЕ.

Ты слышалъ короля?

ІОСИФЪ.

Онъ не на шутку
Разгнѣвался, и вамъ грозитъ опасность;
Вы слишкомъ съ нимъ сурово обошлись.

РИШЕЛЬЕ.

Что жъ хочешь ты? чтобъ челядь говорила,
Что Ришелье унизился и струсилъ?
Повѣрь, за тѣмъ останется побѣда,
Кто не уступитъ.

Іосифъ.

Но...

Ришелье.

Теперь не время,
„Да“ „но“ „и“ „если“. Дѣйствовать пора!
Я обличу враговъ. Францискъ покажетъ,
Что Барадасъ ему вручилъ депешу
Къ Бульону и сказалъ ему, что въ ней
И жизнь и смерть.

Іосифъ.

Франциску не повѣрятъ;
Онъ вашъ слуга. Васъ только осмѣютъ,
Ихъ обличить одна депеша можетъ.

Ришелье.

Сходи къ Марьонъ.

Іосифъ.

Я только что оттуда!
Она въ тюрьмѣ по приказанью графа.

Ришелье.

Мой край родной! Когда ты погибаешь,
Возможно ль, чтобъ меня лишился ты!
Тебѣ враги кинжалъ вонзили въ сердце,
Дай вынуть мнѣ его, и я умру
Утѣшенъ и счастливъ.

(*Входитъ Юлія.*)

Юлія.

Солгали мнѣ:
Не могъ бы ты бездѣйствовать, когда
Гроза шумитъ.

Ришелье.

Что дѣлаешь ты здѣсь?
Спѣши домой.

Юлія.

Домой? Но развѣ тамъ
Найду я Адріана? Ты молчишь?
Уста твои дрожатъ. Такъ это правда?
Его въ твоемъ присутствіи схватили
И отвели въ Бастилью? Гдѣ мой мужъ?
Онъ спасъ тебя—ты допустить не можешь,
Чтобъ онъ погибъ.

Ришелье.

Дитя, уйми волненье.
Прійди въ себя.

Юлія.

Я больше не дитя,
Я женщина. Надежда и страданья,
Страданья и любовь—вотъ сила женщинъ,
Вотъ ихъ величье. Гдѣ мой Адріанъ?

Ришелье (*обращаясь къ Іосифу.*)

Ты молодость провелъ безъ увлеченій,
Ты не любилъ—открой всю правду ей.

Іосифъ (*запинаясь.*)

Мы съ королемъ поладить не могли,
Онъ приказалъ...

Юлія (*обращаясь къ Ришелье.*)

Отецъ, скажи мнѣ правду.
Моя судьба и счастіе, и жизнь
Отъ словъ твоихъ зависятъ. Гдѣ мой мужъ?
Я правды жду.

Ришелье.

Услышь ее безъ страха;
Жена и дочь солдата не должна
Бояться правды. Хочешь знать, гдѣ мужъ?
Онъ тамъ, гдѣ никогда не свѣтитъ солнце,
Гдѣ кажутся мрачнѣе облака—
Въ Бастиліи.

Юлія.

Благодарю, отецъ,
Ты видишь, я спокойна. Пусть Господь
Тебѣ проститъ, что ты его покинулъ.

Ришелье.

Куда идешь?

Юлія.

Куда мнѣ долгъ велитъ;
Мой мужъ въ тюрьмѣ; въ тюрьму пойду за нимъ;
Ты воспиталъ меня, онъ вправѣ думать,
Что я его, какъ ты, могу покинуть.

Ришелье.

Я много жертвъ въ Бастилью посылалъ
Измѣнниковъ отчизны, и они
Имѣли жизнь. Несчастное дитя,
Ты думаешь, что мрачная ограда
Открыта для любви! Когда любовь,
Какъ свѣтлый лучъ, въ темницу проникаетъ,
И зазвучитъ прощальный поцѣлуй,
Послѣднее прости—готова плаха,
Палачъ стоитъ за дверью...

Юлія.

Сжалься, сжалься!
Отецъ, спаси его! Въ твоихъ рукахъ

Погибель и спасенье. Развѣ ты
Не кардиналъ-король, передъ которымъ
Склоняются всѣ ницъ?

Ришелье.

Вчера я былъ
Всесильнымъ властелиномъ, а сегодня
Лишь старецъ беззащитный и больной;
Что буду завтра, знаетъ только Богъ.

Юлія.

Я не могу понять его слова.
Но все въ душѣ надежда не воскресла
И на груди лежитъ тяжелый камень.

Іосифъ.

Великій кардиналъ теперь безсильнѣе
Послѣдняго лакея. (*Входитъ одинъ придворный.*

Придворный..

За графиней
Меня послалъ король. Онъ мнѣ велѣлъ
Искать ее повсюду и къ себѣ
Немедленно позвать.

Юлія (*бросаясь къ Ришелье.*)

Къ тебѣ взываю
О помощи. Ты поклялся отцу,
Когда онъ умиралъ, не покидать
Сиротку. Ты меня своею звалъ
И дѣтская улыбка разгоняла,
Не разъ твою тоску. Спаси меня.

Ришелье (*обращаясь къ придворному.*)

Назадъ къ тому, который васъ послалъ!
Скажите королю, что у меня
Невинное дитя нашло спасенье,
Свою главу на грудь мою склонивъ,
Какъ на алтарь; святыя крылья Рима
Охраною ей будутъ.

Придворный.

Кардиналъ,
Я преданъ вамъ и передать боюсь
Опасныя слова.

Ришелье.

Скорѣй погибну,
Чѣмъ допущу, чтобъ горе и невинность
Послѣдняго убѣжища лишились.
Отвѣтъ мой передайте королю.

Придворный (*уходя.*)

Себя погубитъ онъ.

Ришелье.

Дитя мое,
Не убивайся; Богъ поможетъ намъ...
Она меня не слышитъ; злая буря
Сразила и цвѣтокъ и мощный дубъ.
Съ ея отцомъ мы жили душа въ душу,
Я бѣдное дитя любилъ какъ дочь;
Она была надеждой и утѣхой
Моихъ преклонныхъ лѣтъ. Ея печаль
Мнѣ душу раздираетъ, давитъ грудь
И слезы изъ очей струятся.

Іосифъ.

Слезы
Не созданы для глазъ, которымъ надо
Лишь молніи бросать. Скорѣй за дѣло!
Своихъ шпіоновъ на ноги поставьте,
Немедленно всѣ средства въ ходъ пустите,
Чтобы добыть, хотя бъ цѣною крови,
Улику преступленья. Если медлить,
Грядущій день лучами освѣтитъ—
Паденье ваше.

Ришелье.

Смерть моя близка,
Несчастье пережить не буду въ силахъ;
Вокругъ меня все рушится; опоры
Ни въ комъ не нахожу. Моя звѣзда,
Какъ праздничная плошка, гаснетъ въ небѣ
И скатится на землю. Прахъ гиганта
Топтать пигмеи будутъ. Завтра! Завтра
Побѣда или смерть. Пойдемъ, дитя!

(*Входятъ Бериніенъ и Барадасъ*).

Барадасъ.

Король своимъ ушамъ не хочетъ вѣрить;
Вы не могли ослушаться его,
Забывъ свой долгъ, забывъ свою присягу.
Графиня, васъ король зоветъ къ себѣ,
Послѣдуйте за мной.

Юлія.

Отецъ, ты слышишь?

Ришелье.

Надъ нею власть безсильна короля,
Когда ея защитникъ Ришелье.

Барадасъ.

Располагать судьбою сироты
Вы права не имѣете.

Ришелье.

Отчизна
Ей замѣнила мать.

Барадасъ.

Король всесиленъ,
Его законы святы.

Ришелье.

Царство силы
Склоняется предъ свѣтлымъ царствомъ права
Вокругъ нея я проведу черту,
И освятится мѣсто, гдѣ она
Теперь стоитъ. Кто дерзкою ногою
Осмѣлится попрать святую землю,
Хотя бъ онъ былъ вѣнчанный властелинъ,
Того сразитъ проклятье Ватикана.

Барадасъ.

Противиться не смѣю; я хотѣлъ
Исполнить только волю короля;
Пеняйте на себя, когда за дерзость
Поплатитесь вы властью.

Ришелье.

Надо мной
Тебѣ глумиться рано, знай, что завтра
Иль Франціей ты будешь обладать,
Иль палачу достанешься въ удѣлъ.

Барадасъ (*въ сторону Берингену*).

Пакетъ не у него?

Берингенъ.

Навѣрно нѣтъ:
Ужъ онъ бы васъ давно къ тѣнямъ отправилъ.

Іосифъ (*обращаясь къ Ришелье*).

Терпѣнье вашъ удѣлъ.

Ришелье.

Молчи, монахъ!
Я не святой—оставь святымъ терпѣнье...
Дитя мое, иди въ мои объятья!
Тебя спасу и Францію. О, Боже,
Дай силу мнѣ нести тяжелый крестъ
И тяжкій трудъ исполнить для отчизны.
Увы! слабѣетъ духъ и гаснутъ силы,
Веди меня.

Барадасъ.

Онъ путается въ мысляхъ
И скоро кончитъ съ жизнью.

Ришелье (*который услыхалъ его слова*).

Если такъ—
Развалины твоей могилой будутъ...
Пока я живъ, съ тобою кончу счеты:
Топоръ блеснетъ, и плаха обагрится...
Какъ блѣденъ онъ! Господь, спаси отчизну!

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА 1-я,

Коридоръ въ Бастиліи; въ концѣ его видна одна изъ тюремъ.

Тюремщикъ.

Святой отецъ—извольте подождать
Я позову директора.

Іосифъ.

Депеша
Въ рукахъ Нюге: такъ мнѣ сказалъ Францискъ;
Мы все вернемъ, когда войти въ тюрьму
Удастся мнѣ. Великій кардиналъ
На ладанъ дышетъ; властью онъ живетъ;
Разстаться съ ней—ему въ могилу лечь.
Лѣкарства не помогутъ—лишь побѣда
Его спасетъ; во что бы то ни стало
Мнѣ надобно депешей завладѣть;
Высокій санъ наградою мнѣ будетъ.

(*Входитъ Директоръ Бастиліи*).

Директоръ.

Святой отецъ, обоихъ арестантовъ
Нюге и де-Мопра хотите видѣть?

Іосифъ.

Мнѣ кардиналъ велѣлъ ихъ посѣтить.

Директоръ.

Вы вѣрно ошибаетесь; Мопра
Здѣсь нѣтъ; онъ отведенъ въ дворецъ
По приказанью графа.

Іосифъ.

Но Нюге...

Директоръ.

Его казнятъ сегодня.

Іосифъ.

Жизнь земную
Окончитъ скоро онъ, и духовникъ
Его къ кончинѣ долженъ приготовить;
Скорѣй, скорѣй меня къ нему ведите!

Директоръ.

Монахъ—его никто не долженъ видѣть;
На этотъ счетъ такія приказанья.

Іосифъ.

Лишь воля Ришелье имѣетъ силу;
Его слова—законы.

Директоръ.

Онъ безсиленъ,
Когда Король приказываетъ самъ.
Гляди, монахъ—вотъ подпись и печать
Его величества. Подъ страхомъ смерти
Запрещено къ обоимъ арестантамъ
Входить въ тюрьму, и только графъ одинъ
Духовника къ нимъ можетъ допустить.
Просить напрасно будешь.

Іосифъ.

Кардиналъ
Вамъ отомститъ—его опасенъ гнѣвъ.

Директоръ.

Угрозъ я не боюсь; къ тому жъ всѣ знаютъ,
Что Ришелье не въ милости и скоро
Окончитъ жизнь свою. Колокола
О казнѣ возвѣщаютъ; все готово (*Слышенъ звонъ*)

Іосифъ.

Клянусь, что кардиналъ не умираетъ;
На мигъ одинъ меня къ Нюге впустите,
И вамъ вручу пять тысячъ золотыхъ.

Директоръ.

Солдата подкупать! какъ смѣешь ты
Позорить старика! Я цѣлый вѣкъ
Служилъ странѣ и вѣрою и правдой...
Уйди, бездѣльникъ!

Іосифъ.

Десять, десять тысячъ
Я предлагаю вамъ.

Директоръ.

Ко мнѣ, тюремщикъ!
Сейчасъ отсюда вытолкать монаха.

Іосифъ.

Во имя этихъ доблестныхъ сѣдинъ
Во имя знака службы безупречной,
(*указываетъ на орденъ св. Людовика*)
Который украшаетъ вашу грудь,

Во имя чести родины—прошу
Меня впустить къ Нюге.

Директоръ.

Напрасны просьбы!

Іосифъ.

Въ его рукахъ бумага, отъ которой
Зависитъ участь Франціи...

Директоръ.

Я знаю;
Такъ графъ мнѣ объяснилъ; онъ безъ сомнѣнья
Займется этимъ дѣломъ.

Іосифъ.

Если графъ
Возьметъ пакетъ, тогда прости надежда!
Вамъ долгъ велитъ...

Директоръ.

Монахъ! ни слова больше.
Въ урокахъ не нуждаюсь. Прочь отсюда!

Іосифъ (*въ сторону*).

Не знаю, что придумать! Я теряюсь,
И мысли мнѣ и силы измѣняютъ... (*директору*)
Законы церкви святы и предъ ними
Должны вы преклониться.

Директоръ.

Я останусь
Своей присягѣ вѣренъ и сумѣю
Исполнить приказанья короля.
Уйди, монахъ!

Іосифъ (*уходитъ*).

О, Боже, все пропало!

Директоръ.

Опасный интригантъ; мнѣ графъ велѣлъ
Его остерегаться.

Тюремщикъ.

Я надѣюсь
Обѣщанную плату получить
И за Мопра.

Директоръ.

Конечно; онъ сюда
Вернется скоро, велѣно казнить
Его сегодня вечеромъ. Ты счастливъ!
Тебѣ доставилъ графъ большой доходъ—
Двѣ казни въ день.

Тюремщикъ.

Дай Богъ ему здоровья!
Я доложить вамъ долженъ мимоходомъ,
Что сынъ Нюге опять пришелъ сюда;
Онъ горько, горько плачетъ, умоляя,
Чтобы ему позволили хоть разъ
Обнять отца...

Директоръ.

Мнѣ право жаль бѣдняжку.

(*Входитъ Бериненъ, сопровождаемый Франциском*ъ).

Беринженъ (*обращается къ Франциску*).

Пусти меня, пусти—не камень сердце,
И ты меня совсѣмъ разстроилъ.

Францискъ.

Нѣтъ!..
Они меня безъ васъ опять прогонятъ;
О, сжальтесь надо мной—позвольте мнѣ
Войти къ отцу и съ нимъ на вѣкъ проститься.

Берингенъ (*къ директору*).

Какъ можете, Мессиръ? мое почтенье!
Нюге прислалъ сказать, что передъ смертью,
Имѣя сообщить о важномъ дѣлѣ,
Желалъ бы видѣть графа Барадаса,
Но графъ не могъ оставить короля
И мнѣ велѣлъ съ Нюге поговорить.

Директоръ.

Что графъ велѣлъ, то свято.
(*Обращаясь къ Франциску*) Ты опять
Здѣсь вертишься—кто смѣлъ тебя впустить?

Берингенъ.

Позвольте за него одно словечко
Замолвить. Этотъ мальчикъ—сынъ Нюге,
Онъ знаетъ, что отца казнятъ сегодня,
И хочетъ съ нимъ проститься. Подождать
Ему позвольте здѣсь, пока вернусь.

Францискъ.

Меня съ собой возьмите.

Берингенъ.

Нѣтъ, голубчикъ,
Дѣла сперва; тобой займемся послѣ.

Директоръ.

Никто не можетъ видѣть арестанта
Безъ разрѣшенья графа.

Берингенъ.

Вотъ письмо
Его руки. Любезный мой Церберъ,
Вамъ нечего бояться; мой питомецъ
Не Геркулесъ; я за него ручаюсь.

Директоръ.

Какъ вамъ угодно; если онъ войдетъ
Въ тюрьму Нюге—я въ этомъ не виновенъ.

Берингенъ.

Отвѣтственность беру я на себя.
(*Входитъ въ тюрьму Нюге въ сопровожденіи тюремщика*).

Директоръ.

Мнѣ, право, жаль тебя; и я когда то
Имѣлъ отца. Твое понятно горе;
Я на тебя глядѣть сквозь пальцы буду; (*въ сторону*)
Нельзя къ нему быть строгимъ; бѣдный мальчикъ,
Онъ не чета докучному монаху
И опасаться нечего.

Тюремщикъ.

Я долженъ
Пройти въ другія тюрьмы. Буду здѣсь
Минутъ черезъ пятнадцать. Если раньше
Мессиръ допросъ окончитъ—мой совѣтъ
Немного подождать, а то, пожалуй,
Дороги не найдетъ. Проходовъ много,

Онъ до дверей не встрѣтитъ часовыхъ,
И можетъ заблудиться.

Францискъ.

Такъ ему
Я передамъ. (*Уходятъ директоръ и тюремщикъ.*)
Прекраснаго отца
Себѣ я отыскалъ; каковъ злодѣй,
Послалъ за графомъ. Вѣрно хочетъ онъ,
Чтобъ жизнь спасти, отдать ему депешу.
На волоскѣ виситъ моя надежда. (*Слушаетъ у двери*).
Что слышу?—крикъ,—въ тюрьмѣ идетъ борьба...
(*Смотритъ сквозь щель*).
Нюге обороняется съ трудомъ, (*хочетъ открыть дверь*)
Ему мѣшаютъ цѣпи защищаться.
Придворный побѣдилъ! Опять Нюге
Пакетомъ завладѣлъ; дерутся снова... (*отходитъ*).
Мы здѣсь одни—тюремщики далеко...
Одна минута—и...
(*Вынимаетъ кинжалъ и становится за дверью. Бериигенъ входитъ съ пакетомъ*).
Презрѣнный воръ!
Отдай пакетъ, отдай или умри!

Берингенъ.

Ко мнѣ, ко мнѣ!

Францискъ.

Побѣда или смерть (*борятся*).

СЦЕНА 2-я.

Кабинетъ короля въ Луврѣ. Видна анфилада комнатъ.

Барадасъ и герцогъ Орлеанскій.

Барадасъ.

Во всемъ успѣхъ; такъ боленъ кардиналъ,
Что доктора его спасти не могутъ,
И такъ король разгнѣванъ на него,
Что еслибъ, чудомъ, онъ остался живъ,
Все власти бы лишился. Намъ нельзя
На лаврахъ отдыхать, пока депешей
Не завладѣемъ снова; наша жизнь
Въ опасности, когда успѣлъ Мопра
Ее отдать—объ этомъ страшно думать.

Орлеанскій.

Велѣли вы разыскивать ее?

Барадасъ.

Кому повѣрить тайну? Только стоитъ
Кому нибудь депешу прочитать,—
И мы погибли. Ею завладѣть
Лишь я одинъ могу. За королемъ
И днемъ и ночью долженъ я слѣдить,
Чтобъ Ришелье къ нему не подослалъ
Своихъ шпіоновъ. Страшно отлучиться...

Орлеанскій.

Что жъ дѣлать намъ?

Барадасъ.

Я за Мопра послалъ.

Орлеанскій.

Нюге хотѣлъ васъ видѣть; можетъ быть,
Депеша у него.

Барадасъ.

Съ трудомъ повѣрю
Такому счастью. Съ нами былъ Нюге,
Когда гонцу мы отдали пакетъ—
Онъ просто хочетъ казнь свою отсрочить...
Для вѣрности я преданнаго друга
Къ нему послалъ. Король сюда идетъ. (*Входитъ король*).
Какъ вашему величеству угодно
Съ министромъ поступить?

Людовикъ.

Его отъ дѣлъ
Я удалилъ: онъ мнѣ во всемъ перечитъ.
Довольно управлялъ онъ государствомъ
И всѣхъ давилъ желѣзною рукой;
Теперь меня онъ хочетъ разлучить
Съ друзьями, съ братомъ, съ милою графиней...
Терпѣнью моему насталъ конецъ.
(*Быстро оборачивается къ Герцогу и Барадасу; обращаясь къ Герцогу Орлеанскому*).
Любезный братъ! тебѣ ввѣряю я
Начальство надъ войсками. Барадасъ,
Тебя въ министры жалую. Скажите,
Вы любите меня?

Гер. Орлеанскій.

О, Государь,
Какой вопросъ! (*въ сторону*) спасибо за войска.

БАРАДАСЪ.

Я заслужу довѣрье ваше (*въ сторону*) Скоро
Погибнетъ онъ. (*громко*) Одно осталось средство,
Чтобъ Юлію заставить развестись
И справиться съ Мопра.

ЛЮДОВИКЪ.

Какое средство?

БАРАДАСЪ.

Приговорить Мопра къ позорной плахѣ
И подписать немедля приговоръ;
Угроза, я увѣренъ, вамъ поможетъ
Достигнуть цѣли.

ЛЮДОВИКЪ.

Смертный приговоръ
Намъ въ дѣйствіе не надо приводить!

БАРАДАСЪ.

Конечно, нѣтъ, и такъ уладимъ дѣло. (*въ сторону*)
Какъ только приговоръ король подпишетъ,
Мопра пойдетъ на казнь. (*Входитъ придворный*).

ПРИДВОРНЫЙ.

Графиня Юлія
Пріема проситъ.

ЛЮДОВИКЪ.

А! вернулась къ намъ.
Обдумалась, должно быть. Мы готовы
Ее принять.

БАРАДАСЪ.

Она просить за мужа
Сюда пришла; какія вамъ угодно
Ей предложить условья?

Людовикъ.

Ты министръ
И за меня отвѣтить ей сумѣешь.
(*Въ то время, какъ Юлія входитъ, къ Барадасу подходитъ начальникъ стражи и шепчетъ*).
Мопра внизу.

Барадасъ (*въ сторону*).

Депешею займемся!(*Уходитъ съ начальникомъ стражи*).
(*Входитъ Юлія*).

Юлія.

За мною вы прислали, Государь,
И я пришла къ Помазаннику Божью...
Его престолъ—алтарь для Правосудья
И милости. Предъ нимъ, убита горемъ,
Склоняясь въ прахъ, пощады я прошу.

Людовикъ.

Пощада государственное дѣло,
Ты къ Ришелье должна бы обратиться.

Юлія.

Мнѣ помощь дать онъ болѣе не властенъ
И, можетъ быть, находится теперь
Передъ Судьей, которому отвѣтъ
Дадутъ и короли. О, Государь,
Не откажите просьбѣ сироты;
На васъ моя послѣдняя надежда. (*Входитъ Барадасъ*).

Барадасъ (*въ сторону*).

Я обыскалъ его, депеши нѣтъ;
Онъ передалъ ее!

Людовикъ (*ласково*)

О чемъ ты просишь?

Юлія.

Мильоны вѣрноподданныхъ предъ вами
Склоняются, вы мощный властелинъ,—
Что въ жизни вамъ лишь одного изъ нихъ?
Что одного помиловать вамъ стоитъ!
За мужа я прошу. Его судьба
Съ моей судьбою связана на вѣки;
Онъ для меня блаженство, рай, отчизна;
Его спасая, жизнь дадите мнѣ.

Людовикъ (*къ Барадасу*).

Поговори ты съ нею; я разстроенъ...

Барадасъ.

Король для правосудья слишкомъ мягокъ,
И власть суда министру предоставилъ.

(*Король отходитъ*).

Юлія.

Вы были другъ его.

Барадасъ.

Въ былое время,
Когда тебя я не любилъ.

Юлія.

О, Боже!

Барадасъ.

Я поклялся тобою обладать
И сталъ его врагомъ.

Юлія.

Я умъ теряю!
Господь, спаси меня!

Барадасъ.

Я родомъ знатенъ
И въ храбрости Мопра не уступлю,
Я молодъ и богатъ—имѣю власть;
Лишь я одинъ могу тебя спасти
Отъ короля, который мнѣ игрушка.
Отдайся мнѣ, пади въ мои объятья,
И я Мопра свободу возвращу.

Юлія.

Такъ королю не смѣешь говорить;
Я обличу тебя; дрожи, измѣнникъ.

Барадасъ.

Тебѣ онъ не повѣритъ; я скажу,
Что это бредъ пустой. Пока ты будешь
Ему передавать мои слова
И ползать, умоляя о пощадѣ, (*показываетъ пріаментъ*)
Я смертный приговоръ велю исполнить.

Юлія.

Что дѣлать мнѣ? (*бросается къ королю*).
О сжальтесь, государь!
Расторгните нашъ бракъ; къ тяжелой ссылкѣ
Приговорите мужа; въ монастырь
Велите мнѣ навѣки поступить,
Тамъ сердце умираетъ; тамъ могила
Людскихъ страстей, желаній и надеждъ.
Обильна дань для мщенія и злобы!
Но только жизнь спасите Адріану!...
Когда для Васъ настанетъ часъ суда,
За это Богъ вамъ многое отпуститъ!

Людовикъ (*въ сильномъ волненіи*).

Расторгни бракъ, за графа выйди замужъ,
Лишь для приличій; Юлія, ты знаешь,
Что я люблю тебя.

Юлія.

О, море срама
И ни одной звѣзды!

(*Король отходитъ въ сильномъ волненіи.*)

Барадасъ.

Одно изъ двухъ:
Иль жизнь со мной, иль плаха для него?

Юлія.

О, сжалься!

Барадасъ.

Жизнь его въ твоихъ рукахъ,
Клянися быть моею...

Юлія.

Лучше смерть!
Не искушай меня; я жизнь ему
Хотѣла сохранить, но не могу
Купить ее безчестьемъ. Эту землю,
Гдѣ столько мукъ, отчаянья и горя
Оставимъ мы и вмѣстѣ улетимъ
Въ страну любви, въ страну, гдѣ нѣтъ печали
И гдѣ разлуки нѣтъ.

Барадасъ.

Твой выборъ сдѣланъ!

(*Уходитъ, потомъ снова возвращается.*)

Послушай; я съ минуты первой встрѣчи
Тебя навѣкъ безумно полюбилъ...

Съ тобою сочеталъ свои надежды,
Тебя теряя, все теряю я...
Моя любовь тебѣ престолъ воздвигнетъ;
Судьба мнѣ улыбается и свѣтитъ,
Я вѣрю ей; она поможетъ мнѣ
Твое чело короной увѣнчать;
Моя звѣзда сіяетъ ярко въ небѣ,
Она твой путь лучами озаритъ.
Отдайся мнѣ. Скажи, что ты рѣшила?

Юлія.

Мнѣ измѣняетъ воля, духъ слабѣетъ...
Подумать дай...

Барадасъ

(*топаетъ ногой; Мопра показывается у двери въ сопровожденіи стражи*).

Твой мужъ идетъ на казнь,
А ты его могла спасти отъ смерти...

Юлія.

Скажи мнѣ, Адріанъ—ты хочешь жить?
Собою я пожертвовать готова,
Чтобы спасти тебя.

Мопра.

Хоть разъ еще
Тебя я вижу, это милость, графъ...
Ты знаешь другъ, не долговѣчна жизнь;
Одна любовь безсмертна.

Барадасъ.

Что рѣшила? (*Хочетъ поцѣловать ей руку.*)

Юлія.

Не подходи! тебя я презираю;
Нашъ выборъ—смерть.

Барадасъ (*обращаясь къ Мопра*).

Признайся: гдѣ депеша?
Ты можешь жизнь признаніемъ купить.

Мопра.

Ты не узнаешь тайны...

Барадасъ.

Бойся пытки!

Мопра.

Какая пытка съ совѣстью стравнится!
Она отмститъ злодѣю за меня.

Юлія.

Съ тобой умру.

Барадасъ (*подавая перламентъ начальнику стражи*).

Исполнить приговоръ!

(*Отворяются двери. Придворный лакей докладываетъ*: Его преосвященство, кардиналъ герцогъ Ришелье. *Входитъ Ришелье со свитой, пажи и проч. Онъ блѣденъ и слабъ, опирается на Іосифа. За нимъ слѣдуютъ 3 статсъ-секретаря съ помощниками, которые несутъ портфели*).

Юлія (*бросается къ нему*).

Отецъ, ты живъ—надежда не погибла.

Ришелье.

Старикъ за васъ заступится и будетъ
За васъ просить. Вы мой преемникъ, графъ!
И я у васъ теперь прошу, какъ милость,
Спасти Мопра.

Барадасъ.

Вы мнѣ сулили плаху,
И пощадить его я не могу. (*Входитъ король*).

Ришелье.

Я вѣкъ свой доживаю, государь...
Предупредить желая вашу волю,
Я васъ прошу меня отъ дѣлъ уволить...

Мопра.

Все кончено!

Юлія.

Погибли!

Ришелье.

Дни мои
Ужъ сочтены. Моей предсмертной просьбѣ
Молю не отказать (*указывая на Юлію и Мопра*),
Я ихъ люблю—
Отсрочьте казнь его, чтобы я могъ
Передъ концомъ дѣтей благословить.

Людовикъ.

Исполнить просьбу—милость небольшая.
Согласенъ я.

Ришелье.

Начальство надъ войсками
Вамъ брату своему угодно ввѣрить—
Пусть будетъ такъ. Вы графа Барадаса
Назначили министромъ; славный выборъ!
Я статсъ-секретарямъ велѣлъ собраться,
Чтобъ новому министру передать
Текущія дѣла. Позвольте имъ,

Въ присутствіи моемъ, въ послѣдній разъ
Заняться съ вами.

Людовикъ.

Я готовъ ихъ слушать!
Приблизьтесь, господа.

Ришелье.

Мнѣ дурно, дурно.

(*Іосифъ и придворный усаживаютъ его на диванъ, находящійся подлѣ окошка.*)

Ришелье (*обращаясь къ Мопра и Юліи.*)

Со мной побудьте, дѣти.

Барадасъ.

Онъ такъ слабъ,
Что еле говоритъ. Мы спасены.

Ришелье, Мопра, Юлія на колѣняхъ возлѣ кардинала; стража стоитъ позади Мопра, Іосифъ подлѣ кардинала слѣдитъ за королемъ. Барадасъ за кресломъ короля—разсѣянъ и озабоченъ. Герцогъ Орлеанскій въ нѣкоторомъ разстояніи—онъ веселъ и беззаботенъ. Статсъ-секретари. По мѣрѣ того, какъ каждый приближается къ королю—его товарищъ подаетъ ему портфель).

I-й статсъ-секретарь.

Изъ Португаліи важныя извѣстія
Дошли до насъ. Тому назадъ лишь мѣсяцъ
Браганца былъ простымъ бунтовщикомъ,
Измѣнникомъ отчизны.

Людовикъ.

Онъ казненъ?

I-Й СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЬ.

Нѣтъ, государь, измѣна удалась;
Его провозгласили королемъ.
Испанія грозитъ ему войною,
И помощи у васъ онъ проситъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Тщетно!
Измѣннику мы въ помощи откажемъ.
Не такъ ли, графъ?

БАРАДАСЪ.

Вамъ надо отказать.

I-Й СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЬ.

Но, государь, опаснѣйшій вашъ врагъ—
Испанія. Что мощь ее ослабитъ,
То Францію усилитъ. Кардиналъ
Послалъ бы помощь. (*Торжественно*) Этого хотятъ
Законы равновѣсія Европы.

ЛЮДОВИКЪ.

Европа! Кардиналъ! подумать надо.

БАРАДАСЪ.

Подумаемъ. (*Обращаясь къ секретарю*) Вы можете уйти.

I-Й СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЬ.

Что жъ, отвѣчать?

БАРАДАСЪ:

Уйдите.

ІОСИФЪ.

Просто смѣхъ!

2-Й СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЬ.

Немедленно заняться надо вамъ
Дѣлами Англіи. Стюартъ разбитъ
И подавить возстанія не въ силахъ;
У васъ онъ проситъ помощи и денегъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Его исполнимъ просьбы, такъ ли, графъ?

БАРАДАСЪ.

Исполнимъ непремѣнно. (*Въ сторону.*) Гдѣ депеша?

РИШЕЛЬЕ (*тихо, но очень внятно*).

Позвольте, государь, вамъ дать совѣтъ;
Напрасно вы порубите войска,
Напрасно вы истратите богатства,
Вамъ Карла не спасти. Его соперникъ
Всесильный человѣкъ. Въ главѣ народа
Кромвель непобѣдимъ. Подумать надо
Предъ тѣмъ, чтобъ дать отвѣтъ.

ЛЮДОВИКЪ.

Что, Барадасъ?

БАРАДАСЪ.

Подумать надо, государь.

ІОСИФЪ.

Умора!

ЛЮДОВИКЪ (*въ сторону*).

Преемника не будетъ кардиналу!
Вокругъ меня колеблются престолы,

Лишь Франція цѣла и невредима,
Подъ мощною охраной Ришелье.

Іосифъ (*обращаясь къ кардиналу*).

Вы видите, какъ сумраченъ король,
Онъ все безъ васъ не можетъ обойтись.
О, еслибъ мы могли схватить депешу.

Ришелье (*обращаясь къ Юліи*).

Тебя, дитя, хотѣлъ бы я утѣшить.
(*Входитъ придворный, который вызываетъ Іосифа.*)

Барадасъ (*обращаясь къ статсъ-секретарю*).

Вы можете уйти.

2-й статсъ-секретарь.

Какой отвѣтъ
Прикажете мнѣ дать?

Барадасъ.

Уйдите, сударь.

3-й статсъ-секретарь (*таинственно*).

Секретныя дѣла. Вамъ, государь,
Грозитъ опасность. Всюду заговоры
Вотъ рапорты шпіоновъ и доносы,
Угодно ль вамъ бумаги просмотрѣть?
(*Король разсматриваетъ документы. Входитъ Іосифъ съ Франциском, котораго платье въ крови. Францискъ, пря-чась за свиту кардинала и незамѣченный Барадасомъ, бросается къ ногамъ Ришелье*).

Францискъ.

Опять могу явиться къ вамъ.

Ришелье.

Ты раненъ?

Францискъ.

Такъ, ничего—царапина. Я счастливъ,
Что могъ исполнить долгъ и оправдать
Довѣрье ваше.
(*Отдаетъ пакетъ. Ришелье схватываетъ и читаетъ депешу*).

3-й статсъ-секретарь (*къ королю*).

Войско на границѣ
Усилили испанцы и готовы
Вступить въ походъ.

Ришелье.

По этому отдѣлу
Позвольте вамъ вручить одну бумагу;
Ее прочтите сами, государь,
Потомъ совѣтъ вы спросите у графа.
(*Входитъ Бериніенъ и быстро отводитъ въ сторону Барадаса. Ришелье подаетъ секретарю пергаментъ*).

Барадасъ.

Похитили депешу!

Іосифъ.

Твой чередъ!
Теперь уйди, но только не вернешься.

Барадасъ.

Онъ держитъ насъ!

Людовикъ (*читая*).

Депешу подписали
И Барадасъ и герцогъ Орлеанскій!

Союзъ съ врагами Франціи. Измѣна
Средь нашихъ войскъ; Бульонъ вести ихъ долженъ
Къ Парижу, завладѣть моей особой,
Меня съ престола свергнуть и регентомъ
Должны назначить брата. Силы неба!
Я могъ имъ довѣряться!
(*Барадасъ хочетъ скрыться; его удерживаютъ и арестуютъ. Герцогъ Орлеанскій старается прокрасться незамѣтно до двери, но замѣчаетъ, что Іосифъ слѣдитъ за нимъ и останавливается. Ришелье падаетъ въ изнеможеніи на диванъ*).

Іосифъ.

Кардиналъ
Лишился чувствъ. Скорѣй къ нему на помощь!

Барадасъ.

Онъ умира́етъ—все надежда есть;
Я короля сумѣю обмануть.

Людовикъ (*бросается къ Ришелье*).

Великій Ришелье! Прости меня!
Одинъ ты можешь Францію спасти.

Іосифъ.

Увы, съ нимъ дурно!

Людовикъ.

Царствуй, Ришелье!

Ришелье (*слабо*).

Съ неограниченною властью?

Людовикъ.

Да!
Тебѣ я отдаю бразды правленья;

Одинъ страною управляй и, если
Не для меня—для Франціи живи!

Ришелье.

О, Франція!

Людовикъ.

Ужасная измѣна!
Мой братъ, испанцы, армія, Бульонъ,
Что предпринять, какъ справиться съ врагами?

Ришелье (*вскакивая*).

У ногъ моихъ я ихъ заставлю ползать!
(*Обращ. къ 1 и 2 статсъ-секретарю.*)
Посланники сейчасъ отвѣтъ получатъ!
(*Обращ. къ 3 статсъ-секретарю.*)
Мое кольцо отдайте Шавиньи.
Пергамента не надо; онъ ужъ знаетъ,
Какъ дѣйствовать. Пусть ѣдетъ на границу
И арестуетъ герцога Бульона,
Въ виду всѣхъ войскъ. Я такъ повелѣваю,
Я, Ришелье. (*Обращ. къ Барадасу.*)
Презрѣнный Барадасъ!
Ты думалъ, что меня осилить можешь—
Тебя палачъ въ ошибкѣ разувѣритъ...
Иди на казнь!
(*Стража его уводитъ. Когда открываютъ двери, видна передняя, гдѣ придворные стоятъ въ 2 линіи. Барадасъ проходитъ мимо ихъ. Ришелье выхватываетъ смертный приговоръ Монра изъ рукъ начальника стражи и рветъ его на части*).

Ришелье (*обращ. къ Юліи*).

Вотъ смертный приговоръ
Несчастнаго Монра. Къ твоимъ ногамъ

Его клочки бросаю. Можешь съ мужемъ
Обняться. Васъ старикъ благословляетъ...

Юлія (*обнимаетъ мужа*).

Ты отданъ мнѣ. Ты живъ.

Мопра.

И насъ никто
Не можетъ разлучить.

Юлія.

Никто навѣки!

Людовикъ (*плаксиво обращается къ кардиналу*).

Какъ скоро къ вамъ вернулись силы!

Ришелье.

Въ меня вселилась мощь моей отчизны;
О, Франція, тебя я спасъ, и снова
Ты мнѣ принадлежишь; твой сладкій голосъ
Меня изъ гроба вызвалъ.

Людовикъ.

Я готовъ
Простить Мопра, но Юлью мнѣ оставьте,
Чтобы любить я могъ кого-нибудь...

Ришелье.

Любовь для королей пустая роскошь,
Лишь подданнымъ простительна она.
Но если, государь, любить вамъ надо
Кого-нибудь—любите Ришелье!

Людовикъ (*невольно улыбаясь*).

Въ утратѣ злой—плохое утѣшенье.

Ришелье.

Заступникомъ ихъ будетъ ваше сердце.

(*Обращ. къ Юліи и Монра.*)

Идите короля благодарить.

Юлія.

Мы плачемъ, государь, но эти слезы
Небесная роса.

Людовикъ (*поднимаетъ ихъ*).

Довольно, встаньте!
Я счастья вамъ желаю.

(*Ришелье смотритъ на Бериигена, который къ нему подходитъ.*)

Берингенъ (*съ дрожью въ голосѣ*).

Кардиналъ!
Позвольте мнѣ... съ успѣхомъ... васъ... поздравить...

Ришелье.

Вы блѣдны, милый Берингенъ, вамъ вреденъ
Парижскій воздухъ, я давно такъ думалъ;
Другую ночь вы здѣсь не проводите—
Такой даю совѣтъ, а то, пожалуй,
Вы жизнь свою поставите въ опасность...
Скорѣй покиньте Францію.

Берингенъ.

Успѣю
Передъ отъѣздомъ славно пообѣдать.

Ришелье (*обращаясь къ герцогу Орлеанскому*).

Чтобъ вымолить прощенье короля,
Должны во всемъ признаться и назвать
Измѣнниковъ. (*Къ Франциску.*)
Не бойся неудачъ!
Блестящій путь лежитъ передъ тобою. (*Къ Іосифу.*)
Скорѣй тебя епископомъ онъ будетъ.

Іосифъ.

Ахъ, кардиналъ!
Ахъ, бѣдный мой Іосифъ!
(*Обращаяь къ королю.*)
Пускай кругомъ раздоры и измѣна,
Пускай съ ножомъ встаетъ на брата братъ
И жаждетъ крови—все рѣкою свѣтлой
Струится человѣческое счастье.

Людовикъ.

Мы и за это должны благодарить
Великаго министра?

Ришелье.

Нѣтъ, сознаюсь,
Безсильна наша власть и умъ безсиленъ
Предъ волею Того, который правитъ
Судьбою міра. Наша власть и слава
Колеблются межъ небомъ и землей,
Какъ облака, которыхъ гонитъ вѣтеръ.
И облака, про то не зная сами,
Приносятъ пользу, землю орошая;
Подобно имъ и мы вокругъ себя
Порою счастье льемъ. Промчится туча,
А все цвѣтокъ ее благословляетъ.

ПЕРИКЛЪ.

Драма Шекспира въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ПЕРИКЛЪ.

Драма Шекспира въ 5-ти дѣйствіяхъ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Антіохъ, царь Антіохіи.
Периклъ, принцъ тирскій.
Геликанъ, } тирскіе сановники.
Эсканъ, }
Симонидъ, царь Пентаполиса.
Клеонъ, правитель Тарза.
Лизимахъ, правитель Митиленъ.
Церимонъ, эфесскій вельможа.
Тальярдъ, антіохійскій вельможа.
Филемонъ, слуга Церимона.
Леонидъ, слуга Діониссы.
Маршалъ.
Содержатель притона.
Болтъ, его слуга.
Дочь Антіоха.
Діонисса, жена Клеона.
Таиса, дочь Симонида.
Морина, дочь Перикла и Таисы.
Лихорида, няня Морины.
Діана.
Говеръ, какъ хоръ.
Вельможи, дамы, рыцари, моряки, пираты, рыбаки и гонцы.

Дѣйствіе происходитъ въ разныхъ странахъ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

(Передъ дворцомъ Антіоха).

Говеръ. (*Входитъ*).

Чтобъ пѣсню спѣть минувшихъ лѣтъ,
Явился Говеръ вновь на свѣтъ;
Въ немъ пробудился прежній духъ,
Чтобъ глазъ плѣнять и тѣшить слухъ;
Не разъ на пиршествахъ гостей
Онъ пѣснью забавлялъ своей;
О прошлыхъ дняхъ его разсказъ
Вельможъ и дамъ плѣнялъ не разъ.
Онъ исправлять людей надѣясь
(Et bonum quo antiquius, eo melius),
Свои стихи порой писалъ
И, научая, забавлялъ.
Коль старецъ древній, вновь явясь,
Любовь къ себѣ пробудитъ въ васъ,
Онъ будетъ радъ, добру уча,
Сгорѣть предъ вами, какъ свѣча.
Теперь прошу идти со мной
Въ Антіохію, градъ большой,
Что Антіохъ построилъ встарь;
Его столицей сдѣлалъ царь;
Какъ лѣтописцы говорятъ,
То лучшій былъ сирійскій градъ.
Жену взялъ царь; она жила
Недолго съ нимъ и умерла,
Оставивъ дочь, что красотой
Плѣняла. Щедрою рукой
Ей небеса повергли въ даръ
Всѣ обольщенья тайныхъ чаръ.
Отецъ къ ней страстью воспылалъ

И въ преступленье съ нею впалъ.
Коль дочь скверна, отецъ сквернѣй,
Рѣшившись съ дочерью своей
Кровосмѣшенье совершить;
Но не порвать привычки нить:
Они забыли, средь утѣхъ,
Что совершаютъ гнусный грѣхъ.
О красотѣ ея проникъ
Повсюду слухъ. Прелестный ликъ
Преступной дѣвы всѣхъ плѣнялъ,
И витязь не одинъ искалъ
Ея руки. Чтобъ отогнать
Всѣхъ жениховъ и дочь не дать,
Преступной страстью увлеченъ,
Царь Антіохъ издалъ законъ,
Что тотъ, кто хочетъ въ жены брать
Принцессу, долженъ отгадать
Загадку. Кто же не поймет
Ея значенья, смерть найдетъ.
И многихъ принцевъ уже нѣтъ;
Здѣсь желтый черепъ, тамъ скелетъ...
Но я теперь разстанусь съ вами;
Что впереди—узнайте сами (*уходитъ*).

СЦЕНА I.

Антіохія. Комната во дворцѣ. Входятъ Антіохъ, Периклъ и свита.

Антіохъ.

О, юный тирскій принцъ! тебѣ открылъ я
Опасность замышляемаго дѣла.

Периклъ.

Да, Антіохъ; но смерть мнѣ не страшна
При мысли о величіи награды,
Что я могу со славою стяжать.

Антіохъ.

Введите дочь мою въ вѣнчальномъ платьѣ,
Достойномъ даже Зевса самого,
Когда бъ онъ ей раскрылъ свои объятья.
При самомъ ужъ зачатіи ея,
Когда еще жива была Луцина,
Природа ей въ приданое дала
Красу, распространяющую радость,
И всѣ планеты въ ней соединили
Рѣдчайшія достоинства свои.

(*Входитъ дочь Антіоха*).

Периклъ.

Она идетъ—весною убрана;
Ей граціи дары свои подносятъ;
Ея душа—незыблемое царство
Всѣхъ доблестей, что смертныхъ украшаютъ;
Ея лицо—скрижаль хвалебныхъ гимновъ,
Лишь счастью и отрадѣ посвященныхъ,
Которымъ горе чуждо. Лютый гнѣвъ
Сопутствовать не можетъ добротѣ,
Что дышетъ въ ней. О, праведные боги,
Создавшіе меня рабомъ любви,
Въ груди моей зажегшіе желанье
Вкусить плодовъ отъ древа неземного
Иль пасть въ борьбѣ тяжелой и неровной,
Взываю къ вамъ! И васъ прошу помочь
Поклоннику и сыну вашей воли
Достигнуть безграничнаго блаженства.

Антіохъ.

О, принцъ Периклъ!

Периклъ.

Онъ сыномъ Антіоха
Назваться бы хотѣлъ.

Антіохъ.

Передъ тобою
Садъ Гесперидъ съ плодами золотыми,
Что грозные драконы охраняютъ,
А потому коснуться ихъ опасно.
Ея прекрасный ликъ, какъ сводъ небесъ,
Тебя влечетъ къ нѣмому созерцанью
Ея безсчетныхъ прелестей; но ты
Ихъ обладанье долженъ заслужить;
Попытка не удастся—и пощады
Себѣ не жди. Не мало славныхъ принцевъ
Погибло здѣсь. Ихъ привлекла молва,
Ихъ страсть воспламеняла; но, увы!
Сраженные въ бою съ любовнымъ богомъ,
Они, какъ жертвы, пали. Только звѣзды
Покровомъ служатъ имъ. Взгляни на нихъ:
Безгласными устами блѣдныхъ лицъ
Они тебѣ совѣтуютъ бѣжать
Отъ гибельныхъ тенетъ грозящей смерти.

Периклъ.

Благодарю, что ты мнѣ далъ понять
Ничтожество земного бытія,
Что плоть мою ты къ смерти приготовилъ
Ужаснымъ этимъ зрѣлищемъ; быть можетъ,
Такая же меня постигнетъ участь.
О смерти мысль, какъ зеркало, должна
Насъ пріучать къ тому, что жизнь лишь вздохъ,
Что на нее разсчитывать безумно;

А потому оставлю завѣщанье,
Беря примѣръ съ опаснаго больного,
Что знаетъ свѣтъ и небеса прозрѣлъ:
Объятый смертной мукой, онъ, какъ прежде,
Не дорожитъ утѣхами земными.
Тебѣ и добрымъ людямъ завѣщаю
Отрадный миръ, властителямъ пріятный;
Сокровища свои—тому народу,
Что мнѣ ихъ даровалъ.

(*Обращаясь къ дочери Антіоха*).

Тебѣ жъ одной—
Моей любви святой и чистый пламень!
Готовый въ путь къ погибели иль славѣ,
И худшее перенести сумѣю.

Антіохъ.

Ты пренебрегъ совѣтами моими,
Прочти жъ загадку; если не поймешь
Того, что скрыто въ ней, клянуся я,
Умрешь, какъ тѣ, что пали до тебя.

Дочь.

Во всемъ тебѣ желаю я успѣха,
За исключеньемъ этого; и счастья
Во всемъ тебѣ желаю, но не въ этомъ.

Периклъ.

Какъ рыцарь, презирающій опасность,
Вступаю въ бой и внемлю лишь совѣтамъ,
Что мнѣ даютъ отвага и любовь. (*Читаетъ загадку*)
„Хоть я на свѣтъ не родилась змѣей,
Питаюсь тѣломъ матери родной;
Какъ замужъ мнѣ идти пора пришла,

Въ своемъ отцѣ я мужа обрѣла.
Отца, супруга, сына вижу въ немъ;
Я мать, жена и дочь его при томъ.
Какъ это въ двухъ все можно сочетать,—
Чтобъ не погибнуть, надо отгадать".
Нѣмая смерть, тяжелое лѣкарство...
Скажите мнѣ, таинственныя силы,
Что небеса усѣяли очами
Безчисленныхъ свѣтилъ, чтобъ созерцать
Дѣянія людей, какъ вы могли
Ихъ не завѣсить мрачной пеленою,
Коль правда то, что я прочелъ, блѣднѣя?

(*Беретъ принцессу за руку и обращается къ ней*)

Ты, какъ хрусталь, бросаешь чудный свѣтъ;
Я шелъ къ тебѣ, святымъ огнемъ согрѣтъ;
Любовь къ тебѣ казалась свѣтлымъ сномъ;
Но ты—ларецъ роскошный, полный зломъ;
Я возмущенъ. Въ томъ чести нѣтъ, повѣрь,
Кто, видя грѣхъ, къ нему стучится въ дверь.
Ты—дивный альтъ волшебнаго искусства;
Въ его струнахъ свои ты скрыла чувства;
Когда бы въ ладъ его раздался звонъ,
И небо, и боговъ плѣнилъ бы онъ;
Но до него коснулись тлѣнья руки—
И подъ его разстроенные звуки
Лишь пляшетъ адъ; я шелъ къ тебѣ, любя;
Но я теперь ужъ не ищу тебя.

Антіохъ.

О, принцъ Периклъ, подъ страхомъ лютой смерти
Не прикасайся къ ней. Законы наши
Опасностью и въ этомъ угрожаютъ.

Прошелъ ужъ срокъ, назначенный тебѣ:
Иль отгадай, иль къ смерти приготовься.

Периклъ.

Великій царь, не многимъ слушать лестно
О тѣхъ грѣхахъ, что любятъ совершать;
Тебя я оскорбилъ бы, все сказавъ,
Что отгадалъ. Имѣющему книгу,
Гдѣ внесены всѣ царскія дѣянья,
Вѣрнѣй ее закрытою держать.
Порокъ подобенъ вѣтру, что несется,
Въ глаза бросая пыль. Промчится онъ,
И вновь глаза очистятся отъ пыли;
Но кто бы удержать его хотѣлъ,
Жестоко поплатился бъ за попытку.
Незрящій кротъ, приподнимая землю,
Показываетъ небу, какъ она
Придавлена людьми, и умираетъ
За этотъ подвигъ, жалкое созданье!
Цари—земные боги. Имъ законъ
Лишь волей ихъ, въ порокахъ, начерченъ.
Коль грѣшенъ Зевсъ, кто Зевса обвинитъ?
Благоразумье мнѣ молчать велитъ.
Достаточно ужъ высказался я;
Есть тайны, что боятся блеска дня;
А каждый плоть свою любить привыкъ:
Чтобъ голову спасти, сдержу языкъ.

Антіохъ (*въ сторону*).

Твоею головой владѣть хотѣлъ бы!
Онъ отгадалъ; прибѣгнуть надо къ ласкѣ.
(*Громко*).
О, юный тирскій принцъ! Хоть по закону

Ты казни подлежишь за то, что ложно
Ты разъяснилъ значеніе загадки,
Но, чествуя твое происхожденье,
Мы иначе рѣшились поступить.
Мы сорокъ дней тебѣ даемъ отсрочки;
Коль въ это время тайну отгадаешь,
Мы съ радостью тебя признаемъ сыномъ;
Судить о томъ по нашей ласкѣ можешь:
До той поры получишь содержанье,
Что будетъ соотвѣтствовать вполнѣ
Твоимъ правамъ и нашему величью.

(*Уходятъ всѣ, кромѣ Перикла*).

Периклъ.

Ты хочешь преступленье лаской скрыть;
Но лицемѣрье хорошо лишь съ виду;
Коль правда, что въ разгадкѣ я ошибся,
Не осквернился ты кровосмѣшеньемъ;
Но ты не можешь быть отцомъ и сыномъ
Въ одно и то же время, если ты
Не палъ въ объятья дочери своей,
Даря ей ласки мужа, не отца.
Она бъ не пожирала мать свою,
Когда бъ ея не оскверняла ложа.
Она и ты—чудовищныя змѣи,
Что лучшими питаются цвѣтами,
А извергаютъ ядъ. Чтобъ не погибнуть,
Я отъ тебя стремиться долженъ прочь.
Преступныя дѣла мрачны, какъ ночь;
Оглаской ихъ тревожится злодѣй.
Чтобъ скрыть одно отъ свѣта и людей,
Онъ и въ другомъ готовъ принять участье.
Къ убійству также близко сладострастье,

Какъ дымъ къ огню. Предательство и ядъ
Отъ срама и огласки грѣхъ хранятъ;
Они его и руки, и щиты.
Чтобъ скрыть позоръ, стараться будешь ты
Меня убить, коварный Антіохъ!
Спасусь, чтобъ цѣли ты достичь не могъ (*уходитъ*).

Антіохъ возвращается.

Антіохъ.

Загадку понялъ онъ, а потому
Онъ головою долженъ поплатиться.
Погибнетъ онъ, чтобъ тайною осталось
Нечестіе мое; чтобъ онъ не могъ
О тяжкомъ преступленьи Антіоха
Повѣдать міру. Каждое мгновенье
Мнѣ дорого. Должна свершиться месть;
Коль онъ умретъ, свою спасу я честь.
Ко мнѣ! Кто тамъ?

(*Входитъ Тальярдъ*).

Тальярдъ.

Что приказать изволишь?

Антіохъ.

Тальярдъ, ты облеченъ довѣрьемъ нашимъ;
Мы тайныя дѣла тебѣ ввѣряемъ.
За преданность награду ты получишь.
Гляди, Тальярдъ: вотъ золото, вотъ ядъ.
Мы ненависть питаемъ къ принцу Тира
И умертвить его повелѣваемъ;
Ты о причинахъ спрашивать не смѣй!
Причина та, что это наша воля.
Исполнишь ли приказъ?

Тальярдъ.

Исполню вѣрно.

Антіохъ.

Ни слова больше.

(*Входитъ гонецъ*).

Духъ переведи!
Съ какимъ извѣстьемъ спѣшнымъ ты примчался?

Гонецъ.

Принцъ Тира убѣжалъ (*уходитъ*).

Антіохъ.

Коль хочешь жить,
Ты устремись за принцемъ, какъ стрѣла,
Что попадаетъ въ цѣль; не смѣй вернуться,
Не возвѣстя, что онъ окончилъ вѣкъ.

Тальярдъ.

О, государь, когда къ нему сумѣю
Приблизиться на выстрѣлъ арбалета,
Не долго жить ему; затѣмъ, прости!

Антіохъ.

Прости, Тальярдъ. Пока онъ не умретъ,
Не сбросить мнѣ съ души боязни гнетъ! (*уходитъ*).

СЦЕНА II.

Тиръ. Комната во дворцѣ.

Входитъ Периклъ.

Периклъ (*обращаясь къ находящимся извнѣ*).

Покоя моего не нарушайте!
Зачѣмъ меня гнетутъ своимъ наплывомъ

Тревожныя мечты? Обычной гостьей
Унылая подруга дней моихъ,
Нѣмая скорбь, является ко мнѣ.
Ни свѣтлый день, ни мирный отдыхъ ночи,
Могила, гдѣ страданье засыпаетъ,
Не могутъ мнѣ дарить успокоенья.
Меня развлечь стараются напрасно;
Въ утѣхахъ для меня отрады нѣтъ;
Опасность, что грозила мнѣ, исчезла:
Отъ Антіоха такъ я удаленъ,
Что онъ меня настигнуть здѣсь не можетъ;
И что жъ? меня томятъ увеселенья
И не даритъ покоя отдаленность.
Предчувствія грядущихъ испытаній
Тревожатъ духъ невольнымъ опасеньемъ;
И страхъ того, что можетъ приключиться,
Старѣя, превращается въ заботу
О томъ, чтобъ не нагрянула бѣда.
Я не могу бороться съ Антіохомъ;
Такъ силенъ онъ, что всякое желанье
Ему легко осуществить. Онъ можетъ
Бояться оглашенья страшной тайны,
Хотя бъ я обѣщалъ ему молчать.
Моимъ онъ не повѣритъ увѣреньямъ
Въ любви и уваженьи, зная вѣрно,
Что я могу принесть ему безчестье.
Чтобъ скрыть позоръ, къ насилью онъ прибѣгнетъ.
Онъ наводнитъ страну враждебнымъ войскомъ
И такъ надъ нею грозно пронесется,
Что, подданныхъ моихъ лишивъ отваги,
Ихъ побѣдитъ, не встрѣтивъ и отпора,—
И бѣдные невинно пострадаютъ.
Я лишь за нихъ боюсь, не за себя.

Цари сходны съ верхушками деревъ,
Что корни защищаютъ и хранятъ.
Я удрученъ заботою тяжелой
О подданныхъ моихъ—и потому
Я истомленъ и тѣломъ, и душою.

(*Входятъ Геликанъ и другіе сановники*).

I-й сановникъ.

Да поселятся радость и покой
Въ твоей душѣ!

2-й сановникъ.

Вкуси, вернувшись къ намъ,
Отраду и спокойствіе!

Геликанъ.

Довольно!
Пусть наставленье опыта раздастся...
Тотъ врагъ царя, кто хочетъ льстить ему.
Отъ лести раздуваются пороки,
Какъ пламя отъ мѣховъ. Кто внемлетъ ей,
Становится лишь искрой, что пылаетъ,
Бросая свѣтъ, какъ на нее подуютъ.
Правдивые и честные совѣты
Нужны царямъ; они, вѣдь, тоже люди,
А потому способны заблуждаться.
Когда угодникъ жалкій льститъ тебѣ,
Опасенъ онъ; за дерзкое сужденье
Простить иль покарать имѣешь власть.
Склоняясь въ прахъ, могу ль я ниже пасть?

Периклъ.

Оставьте насъ однихъ; идите въ гавань,

Чтобъ корабли и грузы осмотрѣть.
Затѣмъ сюда вернитесь. (*Сановники уходятъ*)
Геликанъ,
Ты разсердилъ меня. Что видишь ты
Въ моихъ очахъ?

Геликанъ.

Я въ нихъ читаю гнѣвъ.

Периклъ.

Опасенъ гнѣвъ царя. Своею рѣчью
Какъ смѣлъ его ты вызвать?

Геликанъ.

Какъ растенья
Дерзаютъ иногда взглянуть на небо,
Что пищу имъ даетъ.

Периклъ.

Тебѣ извѣстно,
Что жизни я могу тебя лишить.

Геликанъ.

Я наточилъ топоръ: рази, коль хочешь.

Периклъ.

Возстань и сядь. Я вижу—ты не льстецъ;
Благодарю за то. Избави небо,
Чтобъ о винахъ своихъ цари внимали,
Завѣсивъ уши. Тотъ лишь другъ царя
И преданный служитель, кто умѣетъ
Его заставить мудростью своею
Совѣтамъ внять и подчиниться имъ.
По твоему, что жъ надо дѣлать мнѣ?

Геликанъ.

Переносить съ терпѣніемъ то горе,
Что на себя накликиваешь самъ.

Периклъ.

О, Геликанъ, ты дѣлаешь, какъ врачъ,
Что, прописавъ лѣкарство, самъ не хочетъ
Испробовать его. Внимай же мнѣ.
Я былъ у Антіоха и, какъ знаешь,
Опасности тяжелой подвергаясь,
Искалъ руки красавицы отмѣнной,
Что мнѣ могла бъ потомство принести.
Потомство укрѣпляетъ власть царей
И подданнымъ приноситъ миръ и радость.
Ея лицо, красой, достойно неба;
Она жъ сама,—я шепотомъ скажу,—
Черна, какъ любострастье. Убѣдившись,
Что тайну я узналъ, отецъ преступный
Не сталъ карать, но къ ласкѣ обратился.
Когда тиранъ лобзаетъ, опасайся!
Усилился мой страхъ—и я бѣжалъ,
Благодаря покрову темной ночи.
Теперь я о послѣдствіяхъ забочусь.
Я знаю—онъ тиранъ, а страхъ тирановъ
Умѣриться не можетъ, а растетъ
Быстрѣй, чѣмъ ихъ года. Боясь, что я
Повѣдаю, какъ много славныхъ принцевъ
Погибло неповинно, чтобы скрыть,
Что ложе опозорено его,
Мою страну онъ наводнитъ войсками,
Ища предлогъ въ вредѣ мной нанесенномъ;
И по винѣ моей, коль я виновенъ,

Моя страна объята будетъ бранью,
Что не даетъ пощады и невиннымъ.
Ея дѣтей люблю я и тебя,
А ты меня за это укоряешь.

Геликанъ.

О, государь!

Периклъ.

Тяжелое раздумье
Меня беретъ, съ лица сгоняя краску.
Я сна совсѣмъ лишился. Эти думы
Во мнѣ вселяютъ тысячи сомнѣній
Въ возможности предотвратить грозу.
Своей странѣ не знаю—какъ помочь;
А потому томлюсь и день, и ночь.

Геликанъ.

Ты мнѣ позволилъ правду говорить,—
И потому я буду откровенъ.
Коль ты боязнь питаешь къ Антіоху
И въ правѣ ты тирана опасаться,
Который хочетъ дни твои пресѣчь
Иль тайною измѣной, иль войною,
Отправься путешествовать на время,
Пока его не укротится гнѣвъ
Иль не погибнетъ онъ по волѣ рока.
Кому нибудь правленье поручи;
Коль мнѣ, о царь, довѣришь должность эту,
Не будетъ день служить вѣрнѣе свѣту,
Чѣмъ я тебѣ.

Периклъ.

Я въ вѣрности твоей
Не сомнѣваюсь. Что предпримешь ты,

Коль на мои онъ посягнетъ права
Въ отсутствіи моемъ?

Геликанъ.

Тогда земля,
Что насъ вскормила съ лаской и любовью,
Упьется и его, и нашей кровью!

Периклъ.

Прощай же, Тиръ! свой путь направлю въ Тарзъ;
Тамъ буду ждать извѣстій отъ тебя.
По нимъ соображу, что надо дѣлать.
Судьбу страны родной тебѣ ввѣряю;
Того достойна опытность твоя.
Не надо клятвъ: и слову вѣрю я.
Кто слова своего сдержать не можетъ,
Въ томъ чести нѣтъ—и клятва не поможетъ.
Я убѣжденъ въ правдивости твоей,
И знаю, что ты вѣренъ будешь ей.
Себя не опозоришь ты измѣной;
Другъ въ другѣ не найдемъ мы перемѣны:
Ты будешь преданъ мнѣ, увѣренъ въ томъ,
А я останусь доблестнымъ царемъ! (*уходятъ*).

СЦЕНА III.

Тиръ. Передняя дворца.

(*Входитъ Тальярдъ*).

Тальярдъ.

Вотъ—Тиръ и его дворецъ. Я долженъ здѣсь убить царя Перикла; коль этого не сдѣлаю, я увѣренъ въ томъ, что меня повѣсятъ, когда я возвращусь во свояси. Это опасно.

Я замѣчаю по всему, что онъ человѣкъ весьма умный: поступилъ онъ осмотрительно, отказавшись узнать тайны царя, когда его спросили, чего онъ отъ него хочетъ. Я замѣчаю теперь, что онъ имѣлъ на то основательныя причины. Коль царь прикажетъ кому нибудь сдѣлаться негодяемъ, тотъ обязанъ сдѣлаться имъ вслѣдствіе принесенной присяги. Но, вотъ, идутъ сюда сановники Тира.

(*Входятъ Геликанъ, Эскань и другіе*).

Геликанъ.

Достойные товарищи мои,
Вамъ ничего я больше не могу
Повѣдать объ отъѣздѣ государя.
Уѣхалъ онъ; объ этомъ утверждаетъ
Та грамота, что онъ оставилъ мнѣ.

Тальярдъ (*въ сторону*).

Уѣхалъ царь!

Геликанъ.

Вамъ сообщить могу
Причину, что заставила его
Уѣхать, не простясь со всѣми вами.
Въ то время, какъ онъ былъ у Антіоха...

Тальярдъ.

Что скажетъ онъ?

Геликанъ.

Не знаю—почему,
Царя онъ въ гнѣвъ привелъ иль, можетъ быть,
Ему такъ показалось. Чтобъ загладить
Свою вину и доказать при этомъ,
Какъ онъ о ней глубоко сожалѣетъ,

Себѣ избралъ онъ долю моряка.
Который смерть ежеминутно видитъ.

Тальярдъ (*въ сторону*).

Прекрасно все устроилось: я вижу,
Что висѣлица мнѣ не угрожаетъ:
Отплытіе его меня спасетъ.
Узнавъ о томъ, нашъ царь не будетъ въ горѣ:
Онъ спасся здѣсь, за то погибнетъ въ морѣ.
Представлюсь имъ.

Миръ вамъ, вельможи Тира!

Геликанъ.

Привѣтствуемъ посла отъ Антіоха!

Тальярдъ.

Пріѣхалъ я съ письмомъ къ царю Периклу;
Но, такъ какъ онъ отправился въ дорогу
И цѣль его поѣздки неизвѣстна,
Я долженъ отвезти письмо обратно.

Геликанъ.

Ты правъ: намъ до письма и дѣла нѣтъ;
Оно не къ намъ, а къ нашему царю.
Но Тиръ глубоко преданъ Антіоху.
Позволь же намъ, страну твою любя,
Передъ отъѣздомъ угостить тебя! (*уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Тарзъ. Комната въ домѣ правителя.

Входятъ Клеонъ, Діонисса и свита.

Клеонъ.

О, Діонисса, здѣсь поищемъ отдыхъ;

Не облегчимъ ли собственнаго горя
Разсказами о бѣдствіяхъ другихъ...

Діонисса.

Несчастный другъ! то—тщетное старанье
Утѣшить скорбь: посредствомъ раздуванья
Ты не надѣйся пламя потушить!
Безуменъ тотъ, кто хочетъ гору срыть.
Коль цѣли онъ достигнетъ, трудъ теряя,
Повыше первой явится другая.
Такъ наша скорбь; растенье сходно съ ней:
Подстричь его--оно растетъ сильнѣй.

Клеонъ.

О, Діонисса, кто жъ, нуждаясь въ пищѣ,
Не скажетъ, что она необходима,
И до кончины голодъ утаитъ?
Пусть наши вопли воздухъ оглашаютъ;
Пускай изъ глазъ текутъ потоки слезъ,
Чтобъ до небесъ дошли моленья наши.
Коль небо спитъ, когда мы въ тяжкомъ горѣ,
Пусть раздаются стоны и рыданья,
Пока оно намъ помощи не явитъ;
Поэтому я буду говорить
О бѣдствіяхъ, переносимыхъ нами...
Не станетъ словъ, мнѣ помоги слезами!

Діонисса.

Твое дѣлю я горе.

Клеонъ.

Въ гордомъ Тарзѣ,
Которымъ правлю я, царилъ достатокъ;

Сокровища по улицамъ валялись,
Дивя собой пріѣзжихъ иноземцевъ;
Такъ высоко его вздымались башни,
Что крыши ихъ лобзали облака.
Такъ жители богато убирались,
Что каждый могъ бы зеркаломъ служить,
Чтобъ передъ нимъ въ наряды облекаться.
Накрытый столъ плѣнялъ убранствомъ глазъ.
Не столько для ѣды, какъ на показъ,
Онъ украшался щедрою рукой;
Безжалостно гнушались нищетой;
Накрыла гордость всѣхъ своимъ покровомъ,
И слово „помощь“ стало браннымъ словомъ.

Діонисса.

Какъ это правда!

Клеонъ.

Небо возмутилось
И покарало Тарзъ. Уста, что прежде
Ни море, ни земля, ни даже воздухъ
Не въ состояньи были ублажить,
Хоть щедрыя даянья приносили,—
Увяли отъ того, что пищи нѣтъ,
Какъ портятся дома, гдѣ нѣтъ жильцовъ.
Не болѣе двухъ лѣтъ съ тѣхъ поръ промчалось,
И тѣ жъ уста, что, полны пресыщенья,
Искали новыхъ яствъ, чтобъ тѣшить вкусъ,—
Теперь бы рады вымолить и хлѣба.
Тѣ матери, что золото бросали,
Чтобъ разряжать своихъ малютокъ милыхъ,
Готовы ихъ пожрать. Такъ страшенъ голодъ,
Что жены и мужья бросаютъ жребій—

Кому скорѣе пасть, чтобъ дни другого
Продлить немного. Въ ужасѣ страна.
Здѣсь вопли мужъ бросаетъ, тамъ жена;
Спасенья нѣтъ; повсюду плачъ и вой;
Въ страданьяхъ жертвы падаютъ толпой;
А у живыхъ недостаетъ и силы
Отъ голода погибшихъ класть въ могилы.
Не правда ль, что сказалъ я?

Діонисса.

Наши щеки
И тусклыя, безжизненныя очи
Твои слова безмолвно подтверждаютъ.

Клеонъ.

О, если бъ города, что пьютъ изъ чаши
Всѣхъ благъ земныхъ, обильемъ упиваясь,
Могли бы услыхать нашъ скорбный вопль!
И ихъ постигнуть можетъ та же доля!
Послать бѣду—небесъ святая воля...

Входитъ сановникъ.

Сановникъ.

Гдѣ мнѣ найти правителя?

Клеонъ.

Онъ здѣсь.
Какое горе хочешь сообщить?
На радость мы разсчитывать не смѣемъ.

Сановникъ.

Сюда плывутъ большіе корабли;
Отъ гавани они ужъ не далеко.

Клеонъ.

Я этого боялся. Никогда
Безъ спутника несчастье не приходитъ,
Готоваго наслѣдовать ему.
Какой-нибудь завистливый сосѣдъ,
Желая нашимъ горемъ поживиться,
Свои суда войсками нагрузилъ,
Чтобъ насъ сразить, сраженныхъ ужъ бѣдою,
И надо мной, несчастнымъ, одержать
Безславную побѣду.

Сановникъ.

Нѣтъ, не бойся!
Судя по бѣлымъ флагамъ, что мы видимъ,
Они несутъ намъ миръ—и къ намъ идутъ
Не какъ враги, а добрыми друзьями.

Клеонъ.

Ты говоришь, какъ тотъ, кто не слыхалъ,
Что, чѣмъ наружность лучше, тѣмъ она
Обманчивѣй бываетъ. Пусть они
Приносятъ, что желаютъ. Опасаться
Намъ нечего. Коль смерть они несутъ,
Могилы передъ нами ужъ отверсты;
Скажи ихъ предводителю, что мы
Его здѣсь ждемъ, чтобъ онъ повѣдалъ намъ,
Зачѣмъ сюда онъ прибылъ и откуда,
Какая цѣль его?

Сановникъ.

Сейчасъ отправлюсь.

Клеонъ.

Коль это миръ, мы шлемъ ему привѣтъ;
Коль брань, у насъ къ отпору силы нѣтъ!

Входитъ Периклъ со свитой.

Периклъ.

Правитель этихъ странъ! ты не подумай,
Что мы сюда прислали корабли,
Чтобъ ими устрашать. О вашемъ горѣ
Мы еще въ Тирѣ слышали и сами
Здѣсь, въ городѣ, со страхомъ увидали,
Какое васъ несчастіе постигло.
Мы къ вашимъ слезамъ скорби не прибавимъ,
А уменьшимъ ихъ горечь. Въ корабляхъ,
Какъ нѣкогда въ конѣ осады Трои,
Не скрыты, съ злостнымъ умысломъ, войска:
Всѣ корабли нагружены зерномъ,—
И мы страну отъ голода спасемъ.

Всѣ.

За это, боги Греціи, храните
Великаго царя; мы за него
Молиться будемъ имъ.

Периклъ.

Прошу васъ, встаньте!
Передо мной колѣна не склоняйте;
Я не ищу почета, а любви,
И жду гостепріимнаго пріема.

Клеонъ.

Коль кто-нибудь тебѣ откажетъ въ немъ
И за твои благодѣянья къ намъ
Тебѣ неблагодарностью заплатитъ,
Да разразитъ того проклятье неба!

Не вѣрю, чтобъ могло случиться это.
Теперь же я прошу тебя принять
Привѣтствія и города, и наши!

Периклъ.

Твои мнѣ пожеланія пріятны;
Я погостить хочу въ твоей странѣ,
Пока судьба не улыбнется мнѣ.

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Входитъ Говеръ.

Я двухъ царей представилъ вамъ;
Одинъ изъ нихъ, о, тяжкій срамъ!—
Кровосмѣшеньемъ очерненъ:
Въ грѣхѣ свой вѣкъ проводитъ онъ;
Другой—и доблестенъ, и смѣлъ;
Извѣстенъ правдой словъ и дѣлъ.
Его невзгоды злыя ждутъ;
Не бойтесь! бѣдствія пройдутъ.
Вамъ предстоитъ узнать теперь,
Какъ иногда, цѣной потерь,
Стяжать возможно благодать:
Песчинку бросивъ, гору взять.
Все въ Тарзѣ добрый царь живетъ;
Встрѣчаетъ онъ вездѣ почетъ;
Ему готовы всѣ внимать;
Чтобы достойно честь воздать
Его дѣламъ, его уму,
Воздвигли памятникъ ему.
Но мнѣ пора покинуть васъ--
И потому прерву разсказъ.

ПАНТОМИМА.

Входятъ, съ одной стороны, Периклъ, разговаривая съ Клеономъ; каждаго изъ нихъ сопровождаетъ свита. Съ противоположной стороны, входитъ го-

нецъ съ письмомъ къ Периклу, который даетъ его прочесть Клеону. Периклъ награждаетъ гонца и возводитъ его въ рыцари. Затѣмъ Периклъ и Клеонъ расходятся.

Говеръ.

Все въ Тирѣ Геликанъ живетъ;
Но онъ не ѣстъ, какъ трутень, медъ.
Добру уча, справляясь съ зломъ,
Онъ не живетъ чужимъ трудомъ.
Онъ свято чтитъ царя завѣтъ
И вотъ—прислалъ ему привѣтъ
И вѣсть о томъ, что въ Тирѣ былъ
Тальярдъ и смерть ему сулилъ,
А потому ему бъ вѣрнѣй
Разстаться съ Тарзомъ поскорѣй.
Царь принялъ мудрости совѣтъ;
Надеждой жизнь спасти согрѣтъ,
Онъ ввѣрилъ вновь волнамъ морскимъ
Свою судьбу; но тутъ надъ нимъ
Бѣда тяжелая стряслась;
Вскипѣли волны, грянулъ громъ,
Корабль и всѣ пловцы на немъ
Пошли ко дну; лишь царь одинъ,
Извѣдавъ гнѣвъ морскихъ пучинъ,
Спастися могъ; страданья полнъ,
Онъ долго былъ игрушкой волнъ;
Но, наконецъ, судьбой спасенъ—
На дальній берегъ вышелъ онъ.
Не разскажу вамъ продолженья;
Что дальше—дѣло представленья (*уходитъ*).

СЦЕНА I.

Пентаполисъ. Открытый берегъ моря.

(*Входитъ Периклъ, отряхая воду*).

ПЕРИКЛЪ.

О, гнѣвныя созвѣздья, укротитесь!
Бушующія волны, громъ и вѣтры,
Вы забывать напрасно не должны,
Что человѣкъ покоренъ вашей власти
И вынести борьбы не можетъ съ вами!
Меня сразили вы! На груды скалъ
Меня бросало море и носило
Изъ мѣста въ мѣсто; я въ живыхъ остался,
Чтобъ только о кончинѣ помышлять.
Къ несчастному явите состраданье!
Лишивъ меня друзей и достоянья,
Сдержите гнѣвъ. О, сжальтесь надо мной;
Я спасся отъ могилы водяной;
Но смерть моя, я знаю, неизбѣжна;
Хоть умереть мнѣ дайте безмятежно!

(*Входятъ 3 рыбака*).

1-Й РЫБАКЪ.

Иди сюда, простофиля.

2-Й РЫБАКЪ.

Приходи сюда и тащи за собой сѣти.

1-Й РЫБАКЪ.

Торопись же, оборванецъ.

3-Й РЫБАКЪ.

Что прикажешь, хозяинъ?

1-й рыбакъ.

Не мямли, а то отвѣдаешь багра.

3-й рыбакъ.

Я все сожалѣю о несчастныхъ, что волны поглотили всѣмъ у насъ въ виду.

1-й рыбакъ.

Меня совершенно разстроили крики о помощи этихъ бѣдныхъ людей, но мы сами еле-еле спаслись.

3-й рыбакъ.

Развѣ я не предсказывалъ, видя, какъ дельфинъ прыгалъ и носился по волнамъ, что случится недоброе? Они, какъ слышно, на половину рыба, на половину мясо. Будь они прокляты! Увидишь дельфина — такъ и знай, что придется покупаться. Удивляетъ меня, хозяинъ, какъ это рыбы жи-вутъ въ морѣ!..

1-й рыбакъ.

Да такъ же, какъ и люди на землѣ. Богатый скупецъ подобенъ акулѣ: она, плескаясь, гонитъ передъ собой цѣлую ватагу мелкой рыбы, а затѣмъ и набиваетъ себѣ ею полный ротъ и пожираетъ ее всю. Такія акулы встрѣчаются, какъ я слыхалъ, и на землѣ; онѣ все глотаютъ, пока не спрячутъ въ утробѣ и приходъ, и церковь, и колокольню, и колокола, словомъ—все.

Периклъ (*въ сторону*).

Не дурно нравоученье.

3-й рыбакъ.

Исполняй я должность звонаря, мнѣ было бы пріятно случиться на колокольнѣ въ этотъ день.

2-й рыбакъ.

Что такъ, любезный?

3-й рыбакъ.

Тогда бы и я угодилъ въ ея чрево и сталъ бы звонить, да такъ бы раззвонился, что она бы извергла и колокола, и колокольню, и приходъ, и церковь. Раздѣляй добрый царь Симонидъ мое мнѣнье...

Периклъ (*въ сторону*).

Симонидъ!

3-й рыбакъ.

Онъ бы очистилъ всю сторону отъ этихъ трутней, что поѣдаютъ весь медъ у пчелъ.

Периклъ (*въ сторону*).

Привычки рыбъ съ успѣхомъ изучая,
Они о человѣческихъ порокахъ
Невольно вспоминаютъ. Царство водъ
Наводитъ ихъ на все, что люди хвалятъ
Иль осуждаютъ. Честнымъ рыбакамъ
Въ трудахъ желаю счастья и успѣха!

2-й рыбакъ.

Что жъ, что мы честны? Какой изъ этого толкъ? Коль случится удачный день, вычеркни его изъ календаря и повѣрь, что никто не обратитъ на это вниманія.

Периклъ.

На берегъ вашъ меня извергло море.

2-й рыбакъ.

Какимъ же пьянымъ негодяемъ было море, если швырнуло тебя на нашу дорогу!..

Периклъ.

Бушуя на просторѣ, непогода
И яростныя волны, какъ мячомъ,
Играли мной. Страдальца пожалѣйте.
Васъ проситъ тотъ, кто еще просьбъ не вѣдалъ.

1-й рыбакъ.

Ты не умѣешь просить, любезный! Жаль: у насъ здѣсь, въ Греціи, несравненно больше добываютъ, прося милостыню, чѣмъ мы трудомъ.

2-й рыбакъ.

Не умѣешь ли, по крайней мѣрѣ, ловить рыбу?

Периклъ.

Никогда не пробовалъ.

2-й рыбакъ.

Плохо твое дѣло; умрешь съ голоду: здѣсь, если не сумѣешь самъ что-нибудь выудить, ничего не добудешь.

Периклъ.

Чѣмъ нѣкогда я былъ, того не помню;
Чѣмъ сталъ теперь, о томъ напоминаетъ
Жестокая нужда. Я весь дрожу
Отъ холода, и кровь застыла въ жилахъ;
Едва могу пошевелить языкъ,
О помощи взывая. Если вы
Не внемлете моленьямъ, мнѣ не жить;
Тогда прошу меня похоронить.

1-й рыбакъ.

Не зачѣмъ умирать; да спасутъ тебя отъ этого боги. Накинь мой плащъ и согрѣйся. Какой ты красивый ма-

лый! Мой домъ для тебя открытъ, пойдемъ; будетъ у насъ говядина для праздниковъ, рыба для постовъ, будутъ пироги и вафли; повѣрь, я гостю радъ.

Периклъ.

Отъ души благодарю.

2-й рыбакъ.

Ты сказалъ, любезный, что ты не въ состояньи нищенствовать?

Периклъ.

Могу только умолять.

2-й рыбакъ.

Только умолять? Такъ я самъ буду умолять и такимъ образомъ избѣгну розогъ.

Периклъ.

Возможно ль, что у васъ всѣхъ нищихъ порятъ?

2-й рыбакъ.

Нѣтъ, другъ, не всѣхъ, не всѣхъ. Если бы ихъ всѣхъ пороли, я бы съ радостью принялъ должность исправителя нравовъ. Надо пойти, однако, хозяинъ, вытаскивать сѣти. (*Уходитъ съ 3-мъ работникомъ*).

Периклъ (*въ сторону*).

Какъ этотъ честный смѣхъ ихъ краситъ трудъ!

1-й рыбакъ.

Знаешь ли ты, любезный, гдѣ находишься?

Периклъ.

Не хорошо.

1-й рыбакъ.

Такъ я скажу тебѣ: нашъ городъ носитъ имя Пентаполиса, а царь нашъ—добрый Симонидъ.

Периклъ.

Вы его называете добрымъ царемъ Симонидомъ?

1-й рыбакъ.

Да, и онъ вполнѣ заслужилъ это названье, благодаря мирному царствованію и хорошему управленію.

Периклъ.

Счастливъ этотъ царь, коль заслужилъ отъ подданныхъ названіе добраго за свое управленіе государствомъ. Въ какомъ разстояніи отъ этого прибрежья находится его дворецъ?

1-й рыбакъ.

До него не болѣе, какъ полдня пути. У нашего царя — красавица дочь; завтра день ея рожденья. Со всѣхъ концовъ свѣта съѣхались принцы и рыцари, чтобъ чествовать этотъ торжественный день турниромъ — и, добиваясь ея любви, ломать копья въ честь ея.

Периклъ.

Если бъ мое счастье могло равняться моимъ желаньямъ, какъ мнѣ было бы отрадно участвовать въ этомъ ристалищѣ.

1-й рыбакъ.

Надо только добиваться возможности; предоставь женской душѣ увлекаться несбыточными мечтами.

(*2-й и 3-й рыбакъ возвращаются, вытаскивая сѣть*).

Помоги, хозяинъ, помоги! такъ же трудно вытащить эту сѣть, какъ доказать законность правъ бѣдняка. Ну, нако-

нецъ, вытащили сѣть, и могу сказать, не безъ труда; и что жъ? ожидаемая рыба превратилась въ ржавую кольчугу.

Периклъ.

Кольчугу вы нашли? друзья, позвольте
Мнѣ на нее взглянуть; судьба мнѣ шлетъ
Возможность чѣмъ-нибудь вернуть потери!
Кольчуга эта мнѣ принадлежала;
Въ кончины часъ, отецъ съ такимъ наказомъ
Мнѣ передалъ ее: „Прошу тебя,
О, мой Периклъ, беречь ее и холить;
Она щитомъ отъ смерти мнѣ служила;
Храни ее, какъ память обо мнѣ;
Быть-можетъ, въ мигъ опасности и ты
Въ ней обрѣтешь охрану“. Съ этихъ поръ
Не разставались мы, и я, какъ друга,
Любилъ ее; но буря разразилась,—
И море, что не вѣдаетъ пощады,
Меня съ ней разлучило, хоть теперь
Добычу возвратило, укротясь,—
И я могу съ своимъ мириться горемъ
Съ тѣхъ поръ, какъ даръ отца мнѣ отданъ моремъ.

I-й рыбакъ.

Что жъ ты намѣренъ дѣлать?

Периклъ.

Васъ просить
Мнѣ уступить завѣтную кольчугу,
Что нѣкогда царю щитомъ служила;
По этому значку ее призналъ я.
Любимаго отца я память чту
И потому кольчуги добиваюсь.

Затѣмъ прошу мнѣ указать дорогу,
Ведущую къ дворцу; въ доспѣхахъ бранныхъ
Передъ царемъ, какъ рыцарь, я предстану.
Коль грозная судьба мнѣ улыбнется,
Я за добро вамъ отплачу добромъ;
А нѣтъ—останусь вашимъ должникомъ.

1-й рыбакъ.

Ты въ честь принцессы хочешь подвизаться?

Периклъ.

О, нѣтъ, хочу лишь доблесть показать.

1-й рыбакъ.

Возьми кольчугу—и да помогутъ тебѣ боги отличиться!

2-й рыбакъ.

Хорошо, любезный; но только помни, что, порвавъ сѣти, мы вытащили ихъ съ большимъ трудомъ; за это слѣдуетъ вознагражденіе. Коль тебѣ удастся поправить обстоятельства, надѣюсь, что ты не забудешь тѣхъ, которые тебѣ помогли въ этомъ!..

Периклъ.

Повѣрь, услуги вашей не забуду;
Вы дали мнѣ одежду, а коня,
Что зрителей плѣнитъ своей красою,
Добуду я за цѣнное кольцо,
Что море не могло съ руки сорвать.
Недостаетъ мнѣ только чепраковъ...

2-й рыбакъ.

И ихъ добудемъ; вырѣжи ихъ изъ моего лучшаго платья—
и самъ я тебя провожу до дворца.

Периклъ.

Во имя чести, имя я прославлю;
Возвышусь иль бѣду къ бѣдѣ прибавлю!

СЦЕНА II.

Платформа, ведущая къ ристалищу. Въ сторонѣ бесѣдки для царя, принцессы и вельможъ.

(*Входятъ Симонидъ, Таиса, вельможи и свита*).

Симонидъ.

Гдѣ жъ рыцари? пора начать ристанье!

I-й вельможа.

Всѣ собрались они; для представленья
Они лишь твоего прихода ждутъ.

Симонидъ.

Скажи, что мы готовы ихъ принять.
Устроили мы это торжество,
Чтобъ дочери отпраздновать рожденье;
Какъ чудо красоты, сидитъ она
И для того природой создана,
Чтобъ возбуждать восторгъ и удивленье.

Таиса.

Мой царственный отецъ, твои хваленья
Не въ мѣру льстятъ достоинствамъ моимъ.

Симонидъ.

Такъ слѣдуетъ: вѣдь, небо создаетъ
Земныхъ владыкъ подобными себѣ;
Въ пренебреженьи жемчугъ блескъ теряетъ;

Такъ и цари свою теряютъ силу,
Коль почестей имъ мало воздаютъ.
Когда предъ нами рыцари предстанутъ,
Ихъ помыслы должна ты объяснять
По выбраннымъ девизамъ.

Таиса.

Постараюсь,
Какъ слѣдуетъ, исполнить порученье.

(*Входитъ рыцарь; онъ проходитъ; его оруженосецъ представляетъ его щитъ принцессѣ*).

Симонидъ.

Кто первымъ предстаетъ?

Таиса.

Спартанскій рыцарь;
Онъ выбралъ щитъ, что носитъ Эфіопа,
Который длань протягиваетъ къ солнцу.
Его девизъ: Lux tua vita mihi [1]).

Симонидъ.

Кто жизнь готовъ отдать, тотъ крѣпко любитъ.

(*Второй рыцарь проходитъ*).

А кто второй?

Таиса.

То—македонскій принцъ.
Ему эмблемой служитъ: рыцарь въ латахъ,
Что дамой побѣжденъ; подъ этимъ подпись
Гласитъ: Piú por dulzùra que por forza [2]).

---

[1]) Твой свѣтъ—моя жизнь.
[2]) Нѣжностью больше, чѣмъ силой.

Симонидъ.

Кто третьимъ къ намъ пришелъ?

Таиса.

Сирійскій рыцарь;
Его девизъ—побѣдная награда
Съ словами: Pompoc me provéxit apex [1]).

Симонидъ.

Какой девизъ четвертаго щита?

Таиса.

Горящій факелъ, долу обращенный,
И подпись: Quod me alit, me extinguit [2]).

Симонидъ.

Онъ красоты провозглашаетъ власть;
Кто вѣренъ ей, тотъ съ честью можетъ пасть.

(*Пятый рыцарь проходитъ*).

Таиса.

На пятомъ нарисована рука,
Что держитъ въ тучѣ золота кусокъ
И золото на камнѣ испытуетъ.
Слова девиза: Sic spectanda fides [3]).

(*Шестой рыцарь* (*Перикль*) *проходитъ*).

Симонидъ.

Но кто шестой и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдній,
Что самъ такъ ловко щитъ тебѣ представилъ?

---

1) Достигъ вершины славы.
2) Что меня кормитъ, то и гаситъ.
3) Такимъ образомъ познается вѣрность.

Таиса.

Мнѣ кажется, онъ рыцарь иностранный;
Его эмблема--высохшая вѣтка
Съ верхушкой, что одна лишь зеленѣетъ.
Его девизъ гласитъ: in hac spe vivo.

Симонидъ.

Онъ горькій свой удѣлъ изобразилъ.
Въ его судьбѣ коль примешь ты участье,
Въ надеждѣ онъ извѣдать снова счастье.

1-й вельможа.

По внѣшности онъ мало обѣщаетъ:
Его доспѣхи ржавчиной покрыты,
И по всему замѣтно, что онъ лучше
Кнутомъ владѣть умѣетъ, чѣмъ оружьемъ.

2-й вельможа.

Онъ, можетъ-быть, и вправду иностранецъ;
Другой бы не осмѣлился прибыть
На торжество въ такихъ доспѣхахъ жалкихъ.

3-й вельможа.

Ихъ, можетъ-быть, не чистили нарочно
И ржавчину на нихъ приберегли,
Чтобъ самъ онъ могъ ихъ вычистить въ пыли.

Симонидъ.

Какая неразумная привычка
Лишь обращать вниманье на наружность!
Но рыцари готовы. Въ галлерею
И намъ пора идти.

(*Уходятъ; за сценой слышны громкіе крики: „О, жалкій рыцарь!“*).

СЦЕНА III.

Зала во дворцѣ. Накрытый столъ. (Входятъ Симонидъ, Таиса, дамы, вельможи, рыцари и свита).

Симонидъ.

О, рыцари, излишне говорить
О томъ, что мы вамъ рады. Я надѣюсь,
Что отъ меня вы перечня не ждали
Всѣхъ подвиговъ, что совершили вы;
Я не хочу служить листомъ заглавнымъ
Къ той книгѣ, что описываетъ ихъ;
Къ тому жъ оно напрасно: честь и доблесть
Умѣютъ сами выказать себя.
Прошу гостей готовиться къ веселью;
На пирѣ пусть оно намъ служитъ цѣлью!

Таиса.

Тебя жъ, мой гость и рыцарь, я царемъ
Провозглашаю съ нынѣшняго дня—
И подношу тебѣ вѣнокъ побѣды.

Периклъ.

Случайности я болѣе обязанъ
Въ успѣхѣ, чѣмъ достоинствамъ моимъ.

Симонидъ.

Суди, какъ хочешь; все жъ ты побѣдитель.
Завистниковъ межъ нами не найдешь.
Въ искусствѣ равныхъ нѣтъ; одинъ хорошъ,
А все другому долженъ уступить;
Всѣ доблестны они, а побѣдить
Лишь удалось тебѣ. Начнемте пиръ;
О, дочь моя, ты, празднества кумиръ,

Царицей же возсядь. Гостей моихъ
Разсадитъ маршалъ по заслугамъ ихъ.

Рыцари.

Благодаримъ за доброе вниманье.

Симонидъ.

Я честь люблю и радъ честнымъ гостямъ.
Кто чести врагъ, тотъ врагъ и небесамъ.

Маршалъ.

Вотъ мѣсто, что назначено тебѣ.

Периклъ.

Я этого отличья не достоинъ.

Маршалъ.

Не возражай; мы зависти не знаемъ
И высшихъ чтимъ; ихъ доблестямъ дивясь,
Не презираемъ тѣхъ, что ниже насъ.

Периклъ.

Благодарю за честь.

Симонидъ.

Садись, садись!
(*Тихо*) Клянуся Зевсомъ, богомъ размышленій,
Такъ мысль о немъ преслѣдуетъ меня,
Что въ ротъ нейдетъ кусокъ.

Таиса (*тихо*).

Клянусь Юноной,
Богиней браковъ, такъ желаю я,
Чтобъ этотъ витязь сталъ моею пищей,

Что не могу дотронуться до яствъ!
Онъ—рыцарь благородный и отважный.

Симонидъ (*тихо*)

Онъ просто деревенскій дворянинъ;
Переломавъ копье иль два,
Немногимъ предъ другими отличился
И занимать не долженъ больше насъ.

Таиса (*тихо*).

Онъ для меня, что предъ стекломъ алмазъ.

Периклъ (*тихо*).

Съ моимъ отцомъ какъ сходенъ этотъ царь!
Онъ также славенъ былъ и также принцы,
Какъ звѣзды, окружали тронъ его,—
И въ сонмѣ ихъ онъ всѣмъ казался солнцемъ.
Какъ меньшее свѣтило передъ большимъ,
Такъ передъ нимъ склонялися они.
А я свѣтлякъ, что блещетъ лишь въ тѣни
И меркнетъ, только день блеснетъ лучами.
Сѣдое время, ты царишь надъ нами!
Людей рождаешь ты и губишь ихъ,
И держишь ихъ судьбу въ рукахъ своихъ!

Симонидъ.

Не скучно ли вамъ, рыцари?

Всѣ.

Возможно ль
Въ присутствіи царя не веселиться!

Симонидъ.

По самый край я кубокъ наполняю
И, такъ какъ вы привыкли это дѣлать,

Когда красавицъ чествовать хотите,
Я, полной чашей, пью здоровье ваше.

Всѣ.

Премного благодарны!

Симонидъ.

Странно мнѣ,
Что рыцарь-побѣдитель что-то мраченъ,
Какъ будто пиръ, хоть онъ богатъ и пышенъ,
Не по нему. Какъ думаешь, Таиса?

Таиса.

Какое же до этого мнѣ дѣло?

Симонидъ.

О, дочь моя! ты помни, что рыцари
Должны и въ этомъ дѣйствовать, какъ боги,
Что осыпаютъ щедрыми дарами
Того, кто къ нимъ приходитъ на моленье.
Тотъ государь, что этому примѣру
Не слѣдуетъ, на комара похожъ:
Онъ все жужжитъ, а, коль его убьешь,
Ничтожностью своею поражаетъ.
А потому, чтобъ рыцаря потѣшить,
Скажи ему, что пью его здоровье.

Таиса.

О, мой отецъ, неловко съ незнакомцемъ
Такъ смѣло обращаться; онъ, пожалуй,
Мою любезность плохо объяснитъ:
Отъ женщины излишнее вниманье
Мужчина принимаетъ за признанье
И за нахальство.

Симонидъ.

Дѣлай, какъ велю,
Иль раздражишь меня.

Таиса (*въ сторону*).

Клянусь богами,
Его приказъ я съ радостью исполню.

Симонидъ.

Скажи затѣмъ, что я узнать желаю,
Откуда онъ и какъ его зовутъ.

Таиса.

Мой царственный отецъ, отважный рыцарь,
Твое здоровье пьетъ.

Периклъ.

Благодарю.

Таиса.

При этомъ онъ тебѣ желаетъ счастья.

Периклъ.

Ему я благодаренъ и тебѣ—
И въ вашу честь свой кубокъ осушаю.

Таиса.

Онъ мнѣ велѣлъ, при томъ, тебя спросить,
Откуда ты и какъ тебя зовутъ?

Периклъ.

Я тирскій дворянинъ; зовусь Перикломъ;
Военныя науки изучивъ,
Отправился искать я приключеній;

Но море, разразившись грозной бурей,
Меня судовъ и спутниковъ лишило
И бросило меня на этотъ берегъ.

Таиса.

Тебѣ онъ благодаренъ за привѣтъ;
Изъ Тира онъ; его зовутъ Периклом;
Онъ потерпѣлъ крушенье и, лишившись
Своихъ судовъ, сюда былъ брошенъ моремъ.

Симонидъ.

Я о его несчастьѣ сожалѣю
И прогоню печаль съ его лица.
Окончимъ пиръ. Мы долго засидѣлись,
Теряя только время понапрасну;
Пора искать другихъ увеселеній;
Прошу васъ поплясать въ доспѣхахъ бранныхъ;
Доспѣхи пляску рыцаря лишь красятъ;
Пусть мнѣ не говорятъ, что звонъ оружья
Не хорошо подѣйствуетъ на дамъ;
Всѣ дамы любятъ, что бы тамъ ни пѣли,
Мужчинъ въ оружьи также, какъ постели. (*Рыцари пляшутъ*).
Благодарю, отвѣтъ достоинъ просьбы;
Сюда, любезный рыцарь! здѣсь безъ дѣла
Скучаетъ дама; съ нею потанцуй;
Вѣдь, я слыхалъ, что рыцари изъ Тира
Умѣютъ ловко съ дамами справляться
И мастера ухаживать за ними.

Периклъ.

Да, государь, кто въ этомъ упражнялся.

Симонидъ.

Любезностью отдѣлаться не думай (*рыцари и дамы пляшутъ*).
Пора и кончить; всѣмъ я благодаренъ;

Всѣ отличились вы; (*Периклу*) ты больше всѣхъ;
Позвать пажей, чтобъ рыцарей они
Въ ихъ комнаты съ свѣчами проводили.
Тебѣ жъ покой близъ нашихъ отведенъ.

Периклъ.

Къ твоимъ услугамъ я.

Симонидъ.

Прощайте, принцы;
Пора и отдохнуть; за позднимъ часомъ
Любовные прервите разговоры,
Хоть вы отъ нихъ, пожалуй, и не прочь.
Вернетесь къ нимъ, когда промчится ночь (*уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Тиръ, комната въ домѣ правителя (входятъ Геликанъ и Эсканъ).

Геликанъ.

Эсканъ, узнай всю правду! Антіохъ
Свой гнусный вѣкъ мрачилъ кровосмѣшеньемъ,
И боги, не желая отложить
Возмездья за ужасный этотъ грѣхъ,
Его во всемъ величьи покарали.
Въ то время, какъ онъ съ дочерью своею
Въ роскошной колесницѣ возсѣдалъ,
На нихъ обоихъ палъ огонь небесный
И такъ ихъ изуродовалъ мгновенно,
Такъ разложилъ ихъ смрадныя тѣла,
Что даже тѣ, что ими восхищались,
Ихъ погребеньемъ рукъ не осквернили.

Эсканъ.

Какъ это страшно!

Геликанъ.

Нѣтъ, лишь правосудно;
Великъ былъ этотъ царь; но невозможно
Могуществомъ и волей отвратить
Боговъ всесильныхъ гнѣвные удары;
Тяжелый грѣхъ не могъ избѣгнуть кары.

Эсканъ.

Ты правъ вполнѣ.

(*Входятъ вельможи*).

1-й вельможа.

Никто такимъ довѣрьемъ
Не облеченъ, какъ честный Геликанъ;
Его совѣтамъ всѣ внимать готовы.

2-й вельможа.

Пора покончить съ тяжкимъ положеньемъ!

3-й вельможа.

Кто не поможетъ намъ, да будетъ проклятъ!

1-й вельможа.

Идите же за мной. О, Геликанъ,
Съ тобой поговорить желаемъ мы.

Геликанъ.

Со мною? очень радъ. Привѣтъ вельможамъ!

1-й вельможа.

Давно стоитъ предъ нами чаша горя;
Оно готово литься черезъ край.

Геликанъ.

Чѣмъ недовольны вы? Любя царя,
Ему вредить вы, вѣрно, не хотите.

1-й вельможа.

Ты самъ себѣ теперь вредить не долженъ.
Коль царь нашъ живъ, его хотимъ мы видѣть;
Хотимъ узнать, какое государство
Присутствіемъ своимъ онъ осчастливилъ;
Коль царь нашъ живъ, его отыщемъ мы;
Коль умеръ—мы найдемъ его могилу;
На свѣтѣ онъ—пусть нами управляетъ;
Погибъ—его кончину мы оплачемъ
И къ выбору свободному приступимъ.

2-й вельможа.

Всего вѣрнѣй, что онъ давно скончался;
А такъ какъ государство безъ главы
Обречено погибели, какъ домъ,
Что крыши не имѣетъ,—мы хотимъ
Къ тебѣ съ нижайшей просьбой обратиться:
Бразды правленья въ руки ты бери;
Тебя избрать желаемъ мы въ цари.

Всѣ.

Да здравствуетъ почтенный Геликанъ!

Геликанъ.

Чтобъ вѣрными присягѣ оставаться,
Повремените выборомъ своимъ;
Коль любите царя, повремените.
Когда исполню я желанье ваше,
Я окунусь въ клокочущее море,
Гдѣ человѣкъ за каждый свѣтлый мигъ
Часами скорби платитъ. Я прошу,
Чтобъ годъ еще царя вы подождали;
Коль срокъ пройдетъ, и не вернется царь,

Тогда я соглашусь съ терпѣньемъ старца
Нести правленья тяжкое ярмо.
Чтобъ доказать свою любовь къ царю,
Искать его по свѣту отправляйтесь,
Какъ подданнымъ хорошимъ подобаетъ;
Ни ревность, ни отвагу не щадите;
Коль вамъ его удастся отыскать
И возвратить сюда,—вы, какъ алмазы,
Заблещете среди его короны.

Всѣ.

Кто не внимаетъ мудрости совѣтамъ,
Въ томъ нѣтъ ума. Послушны Геликану,
Немедленно отправимся въ дорогу.

Геликанъ.

Пожмемъ другъ другу руки, заключая
Союзъ любви. Тотъ край не можетъ пасть,
Гдѣ миръ и честь поддерживаютъ власть.

СЦЕНА V.

Пентаполисъ. Комната во дворцѣ. (Входитъ Симонидъ, читая письмо. Рыцари встрѣчаютъ его).

Рыцари.

Привѣтствуемъ и славимъ Симонида!

Симонидъ.

Мнѣ поручила дочь вамъ передать,
Что раньше года замужъ выходить
Она не хочетъ. Тщетно я старался
Узнать причину этого рѣшенья;
Причина только ей одной извѣстна.

Рыцари.

Нельзя ль ее увидѣть?

Симонидъ.

Невозможно:
Она въ своихъ покояхъ заперлась;
Еще двѣнадцать мѣсяцевъ она
Діанѣ хочетъ вѣрной оставаться—
И поклялася въ томъ своею честью
И Цинтіи пресвѣтлыми очами.

Рыцари.

Хоть тяжело съ тобою разставаться,
Но время намъ откланяться тебѣ (*уходятъ*).

Симонидъ.

Какъ ловко я отдѣлался отъ нихъ!
Теперь примусь за дочери посланье.
Она мнѣ говоритъ, что выйдетъ замужъ
За рыцаря, что одержалъ побѣду,
Иль блеска дня ужъ больше не увидитъ.
Я, выборъ одобряя, радъ ему;
Но все жъ о томъ ей было неизвѣстно,
Какъ это я приму; но все равно—
Не затяну я дѣла. Вотъ—и онъ;
Притворствовать немного не мѣшаетъ.

Периклъ (*входитъ*).

Во всемъ желаю счастья Симониду.

Симонидъ.

Такимъ же я желаньемъ отвѣчаю.
Благодарю за чудную игру,
Которой насъ плѣнилъ ты прошлой ночью.

Я никогда еще не тѣшилъ слуха
Гармоніей такой.

Периклъ.

Меня ты хвалишь
По добротѣ, никакъ не по заслугамъ.

Симонидъ.

Ты музыки давать бы могъ уроки.

Периклъ.

Мнѣ въ пору только быть ученикомъ.

Симонидъ.

Позволь тебя спросить, любезный рыцарь,
Какъ думаешь о дочери моей?

Периклъ.

Принцесса—добродѣтелей палата.

Симонидъ.

При томъ она прекрасна!..

Периклъ.

Да, прекрасна,
Какъ чудный лѣтній день.

Симонидъ.

Въ ея глазахъ
И ты—достойный рыцарь; въ ученицы
Она къ тебѣ желаетъ поступить;
Ты долженъ это къ свѣдѣнью принять.

Периклъ.

Повѣрь, я не гожусь въ учителя.

Симонидъ.

Она не раздѣляетъ это мнѣнье.
Прочти ея письмо.

Периклъ (*въ сторону*).

Глазамъ не вѣрю!
Въ своей любви принцесса признается.
То замыселъ царя на жизнь мою.
(*Громко*)
О, государь, зачѣмъ запутать хочешь
Ты рыцаря, сраженнаго несчастьемъ,
Что къ дочери твоей лишь относился
Съ глубокимъ уваженьемъ, о любви
И помышлять не смѣя.

Симонидъ.

Негодяй,
Ты дочь мою къ себѣ приворожилъ.

Периклъ.

Клянусь, не заслужилъ твоихъ упрековъ.
Я никогда ничѣмъ не вызывалъ
Ея любви, и гнѣвъ напрасенъ твой.

Симонидъ.

Предатель, лжешь!

Периклъ.

Предатель?

Симонидъ.

Да, предатель.

Периклъ.

Лишь предъ царемъ склоняю я главу;
Другому отомстилъ бы за обиду.

Симонидъ.

Мнѣ нравится его неустрашимость.

Периклъ.

И помыслы, и дѣйствія мои
Полны и благородства, и отваги;
Во имя чести прибылъ я сюда,—
Не для того, чтобъ стать бунтовщикомъ.
Кто съ этимъ не согласенъ, бойся мести!
Я докажу мечемъ, что тотъ врагъ чести.

Симонидъ.

Отъ дочери я разъясненій жду.

(*входитъ Таиса*).

Периклъ.

Прекрасна ты и, вѣрно, правду любишь,
Разгнѣванъ твой отецъ; ему повѣдай,
Что о любви ни словомъ, ни письмомъ,
Тебѣ не намекалъ я никогда.

Таисa.

Будь это правда, въ чемъ же тутъ бѣда?
Меня не оскорбилъ бы ты участьемъ,
Когда его я почитаю счастьемъ.

Симонидъ.

Какое своеволье! (*въ сторону*)
Отъ души
Я радъ тому. (*громко*)
Смирить тебя сумѣю;
Покорности я выучу тебя;
За иноземца выйти собралась ты,
Не получивъ согласья моего! (*въ сторону*)

А этотъ незнакомецъ, я увѣренъ,
Мнѣ по рожденью равенъ. (*громко*)
Вамъ обоимъ
Даю совѣтъ не слишкомъ зазнаваться:
Коль подчиниться мнѣ вы не хотите,
Я сдѣлаю васъ мужемъ и женой.
Приблизьтесь. Вы союзъ должны скрѣпить
Пожатьемъ рукъ и нѣжнымъ поцѣлуемъ.
Соединяя васъ, надежды ваши
Разрушилъ я и, къ довершенью бѣдъ,
Васъ обвѣнчать даю теперь обѣтъ;
Желая счастья. Что жъ, довольны вы?

Таиса (*Периклу*).

Я счастлива, коль любишь ты меня.

Периклъ.

Люблю, какъ жизнь, какъ кровь, что въ жилахъ льется.

Симонидъ.

Согласны вы вѣнчаться?

Оба.

Государь,
Согласны, если такъ тебѣ угодно.

Симонидъ.

Скорѣе свадьбу надо намъ сыграть;
Затѣмъ, какъ только можно—и въ кровать.

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Говеръ (*входитъ*).

Оконченъ пиръ; все спитъ кругомъ;
Дворецъ объятъ глубокимъ сномъ;
Умолкли крики, всюду тишь;
Лишь сторожитъ глазами мышь,
Близъ норъ запрятавшійся, котъ.
Сверчокъ въ печуркѣ пѣснь поетъ;
Сыграли свадьбу, часъ пришелъ,—
И дѣву юную возвелъ
На ложе брака Гименей;
Въ ту ночь съ невинностью своей
Разсталась дѣва—и она,
Зачавъ, быть матерью должна.
Все недосказанное мной
Дополнить надо вамъ мечтой.
Но, вотъ—нѣмое представленье.
Вамъ разъясню его значенье.

Входятъ съ одной стороны Периклъ и Симонидъ со свитами. Къ нимъ идетъ на встрѣчу гонецъ, который склоняетъ колѣна предъ Перикломъ и вручаетъ ему письмо. Периклъ показываетъ письмо Симониду. Вельможи становятся на колѣни передъ Перикломъ. Входитъ беременная Таиса съ Лихоридой. Симонидъ даетъ дочери письмо; она радуется. Она и Периклъ прощаются съ царемъ и уходятъ съ Лихоридой и свитой. Послѣ этого уходятъ Симонидъ и остальные.

Повсюду посланы гонцы;
Они летятъ во всѣ концы;
Перикла ищутъ здѣсь и тамъ,
По отдаленнѣйшимъ странамъ,
И каждый уголокъ земли
Хотятъ извѣдать. Корабли
По всѣмъ морямъ за нимъ летятъ;
Ни силъ, ни денегъ не щадятъ.
И вотъ, какъ ужъ узнали вы,
Его по голосу молвы
Нашли,—и посланный гонецъ
Ему приноситъ во дворецъ
Письмо изъ Тира. Такъ гласитъ
Посланье: „Антіохъ убитъ
Огнемъ небесъ за тяжкій грѣхъ;
А въ Тирѣ, по желанью всѣхъ,
Возвесть хотѣли въ царскій санъ
Правителя; но Геликанъ,
Желая бунтъ предотвратить
Сказалъ, что согласится быть
Царемъ, но только черезъ годъ:
Перикла долженъ ждать народъ“.
Какъ эти вѣсти разнеслись,
Возликовалъ Пентаполисъ;
Въ восторгѣ всѣ; всѣмъ лестно знать,
Что вѣнценосецъ—царскій зять.
Рѣшили тотчасъ ѣхать въ Тиръ,
Чтобъ водворить въ немъ снова миръ.
Царица лишь беретъ съ собой
Свою кормилицу. Рѣкой
Струятся слезы изъ очей
Таисы. Съ родиной своей
Разстаться бѣдная должна;

Пускай беременна она;
Но мужа ей оставить жаль—
И вотъ корабль несетъ ихъ въ даль.
Корабль плыветъ, судьбой хранимъ.
Нептунъ сначала ласковъ къ нимъ;
До половины пройденъ путь.
Вдругъ вѣтеръ сталъ ревѣть и дуть,—
И вѣтеръ, мрачный и сѣдой,
Такою страшною грозой
Дохнулъ на море, гнѣва полнъ,
Что сталъ корабль, средь лютыхъ волнъ,
Нырять, какъ утка. Всѣ дрожатъ;
Со всѣхъ сторонъ и смерть, и адъ;
Царица такъ потрясена,
Что стала мучиться она
Родами. Здѣсь покину васъ,
И представленье мой разсказъ
Замѣнитъ вамъ. Внимайте снова;
Передаю актерамъ слово.

СЦЕНА I.

Входитъ Периклъ на палубу корабля.

Периклъ.

О, богъ морскихъ пучинъ, къ тебѣ взываю!
Бушующія волны укроти,
Что поглотить готовы адъ и небо.
А ты, что власть имѣешь надъ вѣтрами,
Изъ глуби вызвавъ ихъ, закуй ихъ въ цѣпи.
Довольно длилась буря. Пусть умолкнутъ
Раскаты оглушающаго грома—
И молніи сѣрнистыя угаснутъ!

О, Лихорида, какъ царица можетъ?
Ты хочешь, буря, въ яростныхъ порывахъ
Всю выхлестать себя. Сигналъ матроса
Не слышенъ, словно шепотъ въ ухо смерти.
Владычица пресвѣтлая, Луцина,
Что внемлешь ночью воплямъ и мольбамъ,
Спаси корабль, что утонуть готовъ,
И облегчи моей царицы муки!
(*Входитъ Лихорида съ ребенкомъ*).

Периклъ.

Что, Лихорида?

Лихорида.

Вотъ—тебѣ ребенокъ,
Что слишкомъ юнъ, чтобъ понимать опасность,
Которой намъ не суждено избѣгнуть.
Ребенокъ этотъ—даръ, послѣдній даръ
Скончавшейся царицы.

Периклъ.

Что я слышу!

Лихорида.

Тяжелую утрату, государь,
Перенеси съ терпѣньемъ. Грозной бурѣ
Не помогай проклятьями. Царица,
Оставивъ дочь-малютку, умерла.
Мужайся для нея и постарайся
Сдержать свое отчаянье.

Периклъ.

О, боги,
Зачѣмъ вы заставляете любить
Свои дары роскошные, когда

Такъ скоро ихъ уносите обратно?
Что мы даримъ, то не беремъ назадъ;
И въ этомъ человѣкъ достойнѣй васъ.

Лихорида.

Для дочери снеси съ терпѣньемъ горе.

Периклъ.

Пусть жизнь твоя промчится безмятежно
За то, что ты такъ бурно родилась!
Пусть будетъ нравъ твой кротокъ, потому
Что никогда на свѣтъ не появлялась
Съ такимъ привѣтомъ грубымъ дочь царя!
Пусть счастье осѣнитъ твою главу.
Огонь и воздухъ, небо и земля,
Разгнѣванныя волны,—всѣ стихіи
Слились, чтобъ возвѣстить съ зловѣщимъ ревомъ
О томъ, что родилась ты; не успѣла
Ты глазъ открыть, какъ понесла утрату,
Что замѣнить ничто не въ состояньи.
Надъ бѣдною малюткой сжальтесь, боги,
И съ милостью взгляните на нее!

(*Входятъ два матроса*).

I-й матросъ.

Мужайся, царь! Господь храни тебя!

Периклъ.

Отваженъ я и бури не боюсь;
Лишивъ меня всего, что я любилъ,
Она мнѣ зла не можетъ больше сдѣлать,
Лишь изъ любви къ несчастному младенцу,
Что обреченъ на плаванье съ рожденья,
Желаю я, чтобъ стихла злая буря.

1-й матросъ.

Одного только боюсь, что порвутся канаты; а то пусть себѣ злится и мечется буря.

2-й матросъ.

Только бы выбраться въ открытое море, а тамъ мнѣ все равно: взбаламученныя и покрытыя пѣной волны, лобзайтесь, если хотите, хоть съ мѣсяцемъ!

1-й матросъ.

Государь, надо выбросить трупъ царицы за бортъ: море такъ гнѣвно, вѣтеръ такъ злится, что они не угомонятся, пока на кораблѣ останется усопшая.

Периклъ.

Это одинъ предразсудокъ.

1-й матросъ.

Не сердись, государь, но мы всегда этого держимся и свято чтимъ этотъ обычай. Ты долженъ намъ уступить. Непремѣнно надо выбросить ея тѣло въ море.

Периклъ.

Пусть будетъ по-вашему; о, злосчастная царица!

Лихорида.

Тамъ, государь, тѣло ея.

Периклъ.

Подруга дорогая, для родовъ
Ужасное тебѣ досталось ложе:
Ни свѣта, ни огня. Тебя забыли
Враждебныя стихіи. Не могу я

Тебя похоронить въ землѣ святой:
Въ пучину водъ твой трупъ я долженъ бросить,
Едва твой гробъ заколотить успѣютъ;
Я не могу воздвигнуть мавзолея
Надъ милою и освѣтить его огнемъ
Неугасаемыхъ лампадъ;
Ты ляжешь между раковинъ простыхъ,—
И только волны съ ропотомъ и плескомъ
Да бьющіе фонтанами киты
Твое придавятъ тѣло! Лихорида,
Скажи, чтобъ Несторъ мнѣ сюда принесъ
Чернильницу, бумаги, ароматовъ
И ящикъ съ драгоцѣнностями; также
Пусть принесетъ Никандръ большой ларецъ.
Ребенка положите на подушку.
Я, между тѣмъ, прочту надъ ней молитвы
И съ ней прощусь навѣки. Торопись.

(*Уходитъ Лихорида*).

2-й матросъ.

Государь, у насъ подъ палубой находится совершенно готовый ящикъ: онъ осмоленъ и законопаченъ..

Периклъ.

Благодарю. Скажи мнѣ, морякъ, какой это берегъ?

2-й матросъ.

Мы невдалекѣ отъ Тарза.

Периклъ.

Такъ, вмѣсто Тира, въ Тарзъ направили путь;
Какъ скоро до него добраться можно?

2-й матросъ.

Къ разсвѣту, если только буря стихнетъ.

Периклъ.

Поѣдемъ въ Тарзъ. Клеона я увижу;
Съ младенцемъ мнѣ до Тира не доѣхать.
Его оставлю въ Тарзѣ; тамъ его
И выростятъ, и вскормятъ превосходно.
Ступай же. Тѣло вынесу сейчасъ.

СЦЕНА II.

Эфесъ. Комната въ домѣ Церимона. (Входятъ Церимонъ, слуга и нѣсколько человѣкъ, что потерпѣли кораблекрушеніе).

Церимонъ.

Эй, Филемонъ, сюда!

Филемонъ.

Меня ты позвалъ?

Церимонъ.

Немедленно ты разведи огонь
И накорми усталыхъ бѣдняковъ.
Всю эту ночь свирѣпствовала буря.

Слуга.

Я много бурь видалъ, но никогда
Такой не приходилось еще видѣть.

Церимонъ.

Твой господинъ свой вѣкъ окончитъ раньше,
Чѣмъ ты назадъ прійдешь. Я не могу
Ему помочь ничѣмъ (*Филемону*).

Сходи въ аптеку
И мой рецептъ отдай; потомъ мнѣ скажешь,
Какъ дѣйствуетъ лѣкарство на больного.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ Церимона. Входятъ два господина.*)

1-й господинъ.

Мое почтенье.

2-й господинъ.

Здравствуй, Церимонъ!

Церимонъ.

Чуть брезжетъ свѣтъ, а вы ужъ поднялись!

1-й господинъ:

На самомъ берегу жилища наши;
Дома во время бури колыхались,
Какъ при землетрясеньи. Все дрожало;
Казалось намъ, они готовы рухнуть.
Лишь страхъ одинъ меня изъ дома выгналъ.

2-й господинъ.

Другой причины нѣтъ, что мы такъ рано
Тебя побезпокоили.

Церимонъ.

Нисколько!

1-й господинъ.

Я удивленъ, что ты одѣтъ съ зари
И ужъ стряхнулъ съ себя отдохновенья
Оковы золотыя. Странно мнѣ,
Что безъ причинъ себя тревожишь ты.

Церимонъ.

Всегда считалъ я знаніе и доблесть
Дарами, что гораздо драгоцѣннѣй,
Чѣмъ знатное рожденье и богатство.
Растратить деньги, имя опозорить—
Распутному наслѣднику легко,
Тогда какъ добродѣтели и знанье
Къ безсмертію ведутъ и человѣка
Уподобляютъ Богу. Вамъ извѣстно,
Что жизнь я медицинѣ посвятилъ;
Я изучалъ по опыту и книгамъ
Науки этой тайны; я узналъ
Цѣлебныя особенности травъ,
Металловъ и камней и, изучивъ
Болѣзни, удручающія смертныхъ,
Врачую ихъ; я въ этомъ нахожу
Гораздо больше истиннаго счастья,
Чѣмъ въ суетныхъ отличьяхъ и въ погонѣ
За золотомъ, что смерть придетъ отнять.

2-й господинъ.

Ты по всему Эфесу расточалъ
Свои благодѣянія, и сотни
Тобою излѣченныхъ называютъ
Тебя своимъ спасителемъ. На помощь
Приходишь ты не только міромъ знаній
И личными трудами, но для бѣдныхъ
Всегда готовъ свой кошелекъ открыть.
Ты увѣнчалъ себя такою славой,
Что обезсмертилъ имя Церимона.

(*Входятъ 2 или 3 служителя съ ящикомъ.*)

1-й служитель.

Поставь его сюда.

Церимонъ.

Что это?

1-й служитель.

Ящикъ,
Что выбросило море; надо думать,
Что съ корабля разбитаго онъ брошенъ.

Церимонъ.

Разсмотримъ ящикъ.

2-й господинъ.

Онъ похожъ на гробъ.

Церимонъ.

Что бъ ни былъ онъ, а все тяжелъ ужасно.
Немедленно мы вскрыть его должны.
Коль чрево моря золотомъ полно,
Недурно, что оно его извергло
На берегъ нашъ.

2-й господинъ.

Конечно.

Церимонъ.

Этотъ ящикъ
Законопаченъ и облитъ смолой.
Ты говоришь, что выброшенъ онъ моремъ?

1-й служитель.

Онъ принесенъ огромною волной;
Я никогда такой еще не видѣлъ.

Церимонъ.

Съ него снимите крышку осторожно...
Какъ сладостно благоухаетъ онъ!

2-й господинъ.

Прекрасный запахъ!

Церимонъ.

Волны аромата
По воздуху несутся. Сбросьте крышку!..
О, боги! трупъ я вижу.

1-й господинъ.

Просто чудо

Церимонъ.

Завернутъ онъ парчею драгоцѣнной;
Бальзамами онъ облитъ и обложенъ
Мѣшками благовоній. Тутъ же свитокъ.
О, Аполлонъ! дай руку разобрать!
„Коль этотъ гробъ невѣдомой судьбою
На берегъ моря выброситъ волна,
Узнайте: въ немъ, утраченная мною,
Царемъ Перикломъ, милая жена.
Землѣ святой ея предайте тѣло;
Примите въ даръ, лежащій съ нею, кладъ,—
И пусть за это праведное дѣло
Сторицею васъ боги наградятъ“.
Коль живъ Периклъ, его разбито сердце.
А это нынче ночью приключилось.

2-й господинъ.

Весьма возможно.

Церимонъ.

Да, сегодня ночью:
Взгляни, какъ ликъ ея красивъ и свѣжъ.
Ее поторопились бросить въ море.
Раздуй огонь и принеси сюда
Изъ кабинета ящики съ лѣкарствомъ.
Порою смерть на многіе часы
Природу подавляетъ, но случалось,
Что жизни духъ одерживалъ побѣду
И рвалъ оковы смерти. Слышалъ я
Разсказъ объ египтянкѣ, что лежала,
Какъ бы объята смертью, въ продолженьи
Семи часовъ. Она затѣмъ воскресла,
Благодаря хорошему уходу.

(*Входитъ служитель съ ящиками, полотенцами и огнемъ.*)

Церимонъ.

Вотъ и бѣлье, лѣкарства и огонь;
У насъ здѣсь нѣтъ хорошихъ музыкантовъ,
Но пусть они играютъ. Дай мнѣ склянку,
Скорѣй, скорѣй! Пусть музыка играетъ;
Какъ можно больше воздуха ей надо!
Царица оживетъ—я въ томъ увѣренъ;
Она ужъ пробуждается: я слышу
Ея дыханье теплое. Не больше
Пяти часовъ она лежитъ безъ чувствъ,—
И жизни цвѣтъ къ ней снова возвратился.

I-й господинъ.

Черезъ тебя свершилось это чудо—
И ты на вѣкъ свое прославилъ имя.

Церимонъ.

Она жива; опущенныя вѣжды,
Хранилища утраченныхъ Периклом
Сокровищъ, начинаютъ раздвигать
Бахромки золотыя—и алмазы,
Воды чистѣйшей, скоро засверкаютъ,
Чтобъ міръ обогатить своей красою.
Живи, цвѣтокъ роскошный, и разсказомъ
Объ участи своей заставь насъ плакать!
Твоя судьба божественна, какъ ты.

(*Она дѣлаетъ движеніе*).

Таиса.

Діана, гдѣ же я? Кто эти люди?
Гдѣ мой супругъ?

1-й господинъ.

Я изумленъ.

2-й господинъ.

Я тоже.

Церимонъ.

Прошу молчать, любезные сосѣди;
Перенести ее мнѣ помогите
Въ покой сосѣдній; дайте мнѣ бѣлья.
Съ ней обходиться надо осторожно,
А иначе ее погибель ждетъ;
О, Эскулапъ, приди ко мнѣ на помощь!

(*Уходятъ, унося Таису*).

СЦЕНА III.

Тарзъ. Комната въ домѣ правителя. Входитъ Периклъ, Клеонъ, Діонисса и Лихорида съ Мориной на рукахъ.

Периклъ.

Клеонъ, я долженъ ѣхать: годъ прошелъ,
И въ Тирѣ ненадежно. На прощанье
Сердечную признательность мою
Я выразить вамъ долженъ. У боговъ
Прошу для васъ всѣхъ лучшихъ въ мірѣ благъ!

Клеонъ.

Тебя смертельно ранившія стрѣлы
Безжалостной судьбы—и насъ сразили.

Діонисса.

Я въ горѣ, что по волѣ злого рока
Прелестную царицу ты не могъ
Сюда привесть, чтобъ мой утѣшить взоръ.

Периклъ.

Невольно покориться надо небу.
Когда я могъ ревѣть и волноваться,
Какъ море, гдѣ покоится она,
Все тщетными остались бы усилья
Перемѣнить рѣшенія судьбы.
Я поручаю вашей добротѣ
Мою малютку милую, Морину.
Такое имя мною ей дано,
Такъ какъ она на морѣ родилась.
Ее заботамъ вашимъ довѣряя,
Прошу ее по-царски воспитать,
Какъ требуетъ того ея рожденье.

Клеонъ.

Объ этомъ, государь, не безпокойся!
Мою страну ты спасъ своимъ зерномъ;
За что народъ тебя доселѣ славитъ;
Мы доказать сумѣемъ благодарность
И дочери твоей. Когда бъ я могъ
Къ ней отнестись съ позорнымъ равнодушьемъ,
Народъ, тобой спасенный, заклеймилъ бы
Мою неблагодарность. Если только
Нуждаюсь я въ подобномъ побужденьи,
Да разразятъ меня за это боги,
Моихъ дѣтей и все мое потомство!

Периклъ.

Тебѣ я вѣрю. Честь твоя и доблесть
Безъ клятвъ—порукой въ томъ. Клянусь Діаной,
Которую мы чествуемъ и славимъ,
Что ножницы моихъ волосъ не тронутъ,
Пока не выйдетъ замужъ дочь моя,
Хотя бъ и зло могли увидѣть въ этомъ.
Затѣмъ прощаюсь съ вами. Діонисса,
Надѣюсь, что меня ты осчастливишь,
Заботливо малютку возращая.

Діонисса.

И у меня есть дочь, ее любить
Не буду больше я, чѣмъ дочь твою.

Периклъ.

Въ моихъ мольбахъ тебя я не забуду.

Клеонъ.

До берега тебя проводимъ мы
И тамъ твою судьбу Нептуну ввѣримъ,
Прося его защиты и покрова.

Периклъ.

Я принимаю ваше предложенье;
Пора идти. Не плачь, о, Лихорида;
Съ любовью ты малютку охраняй;
Твоихъ услугъ она не позабудетъ,
Когда большая станетъ. Время ѣхать!
(Уходятъ).

СЦЕНА IV.

Эфесъ; комната въ домѣ Церимона. Входятъ Церимонъ и Таиса

Церимонъ.

Съ тобой въ гробу сокровища лежали:
Они твои; письмо нашелъ я также.
Не знаешь ли, кѣмъ писано оно?

Таиса.

Моимъ супругомъ. Помню хорошо,
Что на корабль беременной я сѣла;
Но не могу навѣрное сказать,
Клянусь богами, тамъ ли разрѣшилась.
Увы! Перикла вновь я не увижу,
Любимаго супруга моего.
И потому одѣнусь я весталкой
И откажусь отъ радостей земныхъ.

Церимонъ.

Царица, если такъ рѣшила ты,
Недалеко отсюда храмъ Діаны,
Гдѣ можешь поселиться навсегда.
Коль хочешь, я племянницу свою
Тебѣ пришлю, чтобъ за тобой ходила.

Таиса.

Могу лишь благодарностью платить
За щедрыя твои благодѣянья:
Утративъ все, дарю одни желанья.

ДѢЙСТВІЕ ЧЕТВЕРТОЕ.

(*Входитъ*) Говеръ.

Периклъ безъ бѣдъ пріѣхалъ въ Тиръ;
Тамъ онъ нашелъ любовь и миръ;
Убѣжищемъ Діаны храмъ
Его жена избрала. Тамъ
Она, убитая тоской,
Живетъ. Къ Моринѣ молодой
Вернемся въ Тарзъ. Красы полна,
Собой плѣняетъ всѣхъ она;
Ея встрѣчаетъ хоръ похвалъ;
Ее на славу воспиталъ
Клеонъ; но зависть бдитъ въ тѣни,
Ея пресѣчь желая дни.
У Діониссы дочь растетъ;
Она во всемъ примѣръ беретъ
Съ Морины; ловкостью своей
Она сравниться хочетъ съ ней;
Но это тщетная мечта:
Ей Филомена не чета.
Во всемъ Морина верхъ беретъ.
Коль шелкъ она порой плететъ
Рукою, что бѣла какъ снѣгъ,—
Ея работа лучше всѣхъ;

Иглой ли ранитъ полотно,
Плотнѣй становится оно;
Поетъ ли съ лютнею своей,
Въ лѣсу смолкаетъ соловей;
Діанѣ пишетъ ли привѣтъ—
И въ этомъ ей соперницъ нѣтъ;
Голубка Пафоса бѣла;
Ужель сравниться бъ съ ней могла
Ворона? Такъ Клеона дочь
Съ Мориной точно день и ночь.
Хвалы, какъ долгъ, а не какъ даръ,
Моринѣ шлются. Злой ударъ
Готовитъ Діонисса ей,
Чтобы она красой своей—
Не затемняла дочь. И вотъ
Ея убійца стережетъ.
Въ живыхъ ужъ Лихориды нѣтъ—
И легче скрыть убійства слѣдъ.
Года летятъ; въ хромыхъ стихахъ
Я разсказалъ вамъ о дѣлахъ
Минувшихъ лѣтъ. Когда бъ со мной
Вы не пошли одной тропой,
Затмиться могъ бы мой разсказъ.
Пора мнѣ вновь покинуть васъ;
Вотъ Діонисса; рядомъ съ ней
Стоитъ подкупленный злодѣй.
Оставлю васъ: чрезъ представленье
Узнать должны вы продолженье (*уходитъ*).

СЦЕНА I.

Тарзъ. Берегъ моря. (Входятъ Діонисса и Леонинъ).

Діонисса.

Давъ клятву, ты ее исполнить долженъ;
Никто не будетъ вѣдать объ убійствѣ;
Свершивъ его, обогатишься разомъ;
Отбрось совѣты совѣсти холодной,
Которая разнѣжить можетъ сердце,
Въ него любовь вливая. Состраданью
Вели молчать; оно, какъ это видишь,
Отвергнуто и женщиной. Будь твердъ
И доверши задуманное дѣло.

Леонинъ.

Я буду твердъ, но все жъ она прекрасна.

Діонисса.

Тѣмъ болѣе она боговъ достойна.
Она сюда свой направляетъ путь,
Оплакивая смерть любимой няни.
Рѣшился ль на убійство?

Леонинъ.

Да, рѣшился.

(*Входитъ Морина съ корзиной цвѣтовъ*).

Морина.

Я Теллу обездолю, чтобъ цвѣтами
Покрыть твою могилу. Какъ ковромъ,
Все лѣто застилать ее я буду
Цвѣтами всевозможныхъ очертаній
И всевозможныхъ красокъ. Горе мнѣ,

Несчастной дѣвѣ! Въ бурю родилась я,
Въ тотъ часъ, когда моя скончалась мать,—
И съ дня рожденья только бури вижу,
Что отъ меня друзей моихъ уносятъ.

Діонисса.

Что жъ ты одна, Морина? Какъ случилось,
Что нѣтъ съ тобою дочери моей?
Не изнуряй себя напраснымъ горемъ;
Я няню замѣню тебѣ вполнѣ.
О, боги, какъ лицо твое поблекло
Отъ скорби безполезной! Дай цвѣты;
Отъ волнъ морскихъ они увянутъ скоро;
Здѣсь воздухъ свѣжъ. Ты можешь съ Леониномъ
По берегу пройтись. Тебя, прогулка
Навѣрно освѣжитъ. (*Леонину*).
Дай руку ей
И съ нею погуляй.

Морина.

Я не хочу
Лишить тебя служителя.

Діонисса.

Ты знаешь,
Что тебя и твоего отца
Люблю, какъ родныхъ. Онъ скоро будетъ
И, коль свое сокровище найдетъ
Увядшимъ и больнымъ, жалѣть онъ станетъ,
Что долго такъ отсутствовалъ. На насъ
Вознегодуетъ онъ за то, что мы
Не сберегли тебя. Пройдись немного
И прежнюю веселость не теряй;
Старайся сохранить свою красу,

Что стариковъ и юношей плѣняетъ.
Прошу, не безпокойся обо мнѣ:
Я и одна могу домой вернуться.

Морина.

Изволь, я погуляю, если хочешь;
Но этого совсѣмъ я не желаю.

Діонисса.

Тебѣ прогулка пользу принесетъ: (*Леонину*)
Не меньше получаса съ ней гуляй
И не забудь, что я тебѣ сказала.

Леонинъ.

Не безпокойся, я приказъ исполню.

Діонисса.

Тебя я оставляю не надолго;
Не утомляй себя ходьбою быстрой:
Вѣдь, о тебѣ заботиться должна я.

Морина.

Благодарю. (*Діонисса уходитъ*).
Не западный ли вѣтеръ
Здѣсь дуетъ?

Леонинъ.

Юго-западный.

Морина.

Когда
Я родилась, онъ съ сѣвера стремился.

Леонинъ.

Какъ это знать ты можешь?

Морина.

По разсказамъ
Моей старухи-няни. Мой отецъ,
Отваги полнъ, одушевлялъ матросовъ
Своимъ примѣромъ. Царственныя руки
Онъ не жалѣлъ, канаты напрягая.
Держась за мачту, съ моремъ онъ боролся,
Что палубу почти совсѣмъ разбило.

Леонинъ.

Когда жъ случилось то?

Морина.

Какъ родилась я;
Ужасная свирѣпствовала буря.
Матроса, что спрявлялся съ парусами,
Снесло волною въ море. Всѣ смутились
И бросились къ кормѣ, покинувъ снасти.
Одинъ свисталъ; другой кричалъ безъ цѣли—
И всѣ пришли въ смятенье.

Леонинъ.

Брось разсказъ;
Читай свои молитвы.

Морина.

Что жъ ты хочешь?

Леонинъ.

Я помолиться время дамъ тебѣ,
Но торопись. Тебя услышатъ боги;
Я жъ поклялся съ тобой мгновенно кончить!..

Морина.

Зачѣмъ меня ты хочешь умертвить?

Леонинъ.

Я госпожи своей исполню волю.

Морина.

Скажи, зачѣмъ нужна ей смерть моя?
Клянусь, я никогда не оскорбляла
Ее ничѣмъ, ей угождать стараясь.
Ни одному живому существу
Я въ жизни зла не дѣлала. Повѣрь—
Ни мыши я, ни мухи не убила
И если разъ я раздавила червя,
То плакала о томъ. Какой обидой
Могла я заслужить ея вражду?
Чѣмъ смерть моя ей можетъ быть полезна
И жизнь моя опасна?

Леонинъ.

Разсужденій
Не требуютъ моихъ; лишь приказанье
Исполнить долженъ я.

Морина.

О, невозможно,
Чтобъ ты его исполнилъ. По глазамъ
Я вижу, что ты добрый человѣкъ;
Недавно, объ опасности забывъ
И ранамъ подвергаясь, рознялъ ты
Двухъ дравшихся. То было благородно.
Ты и теперь не иначе поступишь.
Коль Діонисса мнѣ сулитъ погибель,

Стань между ней и мной и пощади
Слабѣйшую изъ двухъ.

Леонинъ.

Я клятву далъ
И въ жертву принести тебя я долженъ.

(*Входятъ пираты; Морина борется съ ними*).

1-й пиратъ.

Остановись, негодяй!

2-й пиратъ.

Добыча! добыча!

3-й пиратъ.

Раздѣлимъ ее пополамъ, друзья, пополамъ. Тащи ее немедленно на судно.

(*Уходятъ пираты съ Мориной*).

Леонинъ.

Разбойники похитили Морину;
Они изъ шайки грознаго Вальдеса.
Желаю ей счастливаго пути.
Она ужъ не вернется. Поклянусь,
Что я ее убилъ и въ море бросилъ;
Но подождать я долженъ: можетъ быть,
Они хотятъ потѣшиться лишь ею
И не возьмутъ съ собой. Когда вернется,
Похищенную мнѣ убить прійдется.

(*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Гарзъ. Комната въ домѣ правителя. (Входятъ Клеонъ и Діонисса).

Діонисса.

Что сдѣлано, то сдѣлано. Напрасно выходишь изъ себя.

Клеонъ.

О, Діонисса,
Ни солнце, ни луна еще досель
Такого злодѣянья не видали.

Діонисса.

Ты, кажется, впадаешь снова въ дѣтство.

Клеонъ.

Владѣй я цѣлымъ міромъ, я бы отдалъ
Вселенную, чтобъ только уничтожить
Ужасное злодѣйство. О, Морина,
Ты чудной добродѣтелью своей
Рожденье превышала, хоть оно
Ни одному царю не уступало.
Жена, ты Леонина отравила;
Какъ жаль, что съ нимъ не выпила ты яда!
Достойную ты казнь бы понесла.
Что скажешь благородному Периклу,
Когда онъ дочь потребуетъ свою?

Діонисса.

Скажу ему, что умерла она.
Вѣдь парки не приставлены, какъ няньки,
Чтобъ смертныхъ охранять. Скажу, что ночью
Она скончалась. Кто жъ опроверженье
Мнѣ можетъ дать, коль самъ не прокричишь,

Желая добродѣтельнымъ прослыть,
Что вѣкъ ея убійство прекратило?

Клеонъ.

Ты совершила страшное злодѣйство.
Его ужаснѣй нѣтъ.

Діонисса.

Коль хочешь, думай,
Что птички Тарза выпорхнутъ отсюда,
Чтобъ обо всемъ Периклу разсказать.
Позоришь ты свое происхожденье
Подобнымъ малодушьемъ.

Клеонъ.

Гнусенъ тотъ,
Кто можетъ одобрять злодѣйство это,
Хотя бы въ немъ не принималъ участья.

Діонисса.

По твоему пусть будетъ; но никто
Съ тѣхъ поръ, какъ Леонинъ окончилъ дни,
Не знаетъ и не можетъ даже знать,
Какъ умерла она. На дочь мою
Она съ пренебреженіемъ глядѣла
И между ней и счастьемъ становилась.
Никто на Филомену не смотрѣлъ;
Всѣ взоры на Морину обращались,
И наша дочь во мракѣ обрѣталась,
Какъ истуканъ, не стоющій вниманья.
Меня томило это—и, хоть ты,
Не любящій ребенка своего,
Считаешь и чудовищнымъ и гнуснымъ

Поступокъ мой,—его я совершила,
Лишь дочь свою единую любя.

Клеонъ.

О, да простятъ тебѣ убійство боги!

Діонисса.

Периклу никогда о немъ не вѣдать.
Мы плакали, ее сопровождая
Къ послѣднему жилищу; мы донынѣ
По ней все носимъ трауръ; скоро будетъ
Готовъ ея надгробный монументъ;
Онъ говоритъ словами золотыми,
Блестящей эпитафіей о томъ,
Какъ много въ ней скрывалось рѣдкихъ качествъ;
А также и о заботливости нашей,
Воздвигнувшей ей памятникъ богатый.

Клеонъ.

Ты съ Гарпіей сходна; она плѣняетъ
Лицомъ, достойнымъ ангела, въ то время,
Когда сердце рветъ орлиными когтями.

Діонисса.

А ты похожъ на тѣхъ, что слезно ропщутъ
На то, что мухъ во время стужи нѣтъ;
Я знаю—ты исполнишь мой совѣтъ. (*Уходятъ*).

(*Входитъ Говеръ*).

(Памятникъ Моріны въ Тарзѣ).

Говеръ.

Мы укращаемъ времени теченье;
Моря переплываемъ мы порой

И часто, на крылахъ воображенья,
Изъ края одного летимъ въ другой.
Я васъ водилъ по разнымъ странамъ свѣта,
Но все одинъ языкъ употреблялъ;
Въ томъ нѣтъ бѣды; и вы простите это,
Чтобъ начатый разсказъ я продожалъ.
Покинувъ Тиръ, Периклъ пустился въ море,
Сановниками, свитой окруженъ;
Ничѣмъ не можетъ онъ утѣшить горе
И вотъ—увидѣть дочь желаетъ онъ.
Старикъ Эсканъ правителемъ остался;
Съ Перикломъ же поѣхалъ Геликанъ;
Корабль летитъ; попутный вѣтеръ поднялся
И ихъ несетъ подъ небо дальнихъ странъ.
Предъ ними Тарзъ; оконченъ путь далекій;
Царь хочетъ взять съ собою дочь свою,—
Но ужъ ее сразилъ ударъ жестокій.
Я ихъ на мигъ, какъ тѣни, вамъ явлю.

Съ одной стороны входитъ Периклъ со свитой; съ другой Клеонъ и Діонисса. Клеонъ показываетъ Периклу памятникъ Морины. Периклъ выражаетъ глубокую скорбь, надѣваетъ траурное платье и уѣзжаетъ, сраженный горемъ.

Затѣмъ уходятъ Клеонъ и Діонисса.

Говеръ.

Обманъ и ложь отъ честныхъ взоровъ скрыты;
Не уличить притворную печаль!
Периклъ всему повѣрилъ и, убитый
Отчаяньемъ, свой путь направилъ въ даль.
Въ его душѣ не свѣтитъ лучъ надежды;
Онъ поклялся не стричь своихъ волосъ,
Не мыть лица и траурной одежды
Не покидать; его корабль понесъ
Въ обратный путь; вскипѣли вновь пучины;

Но спасся царь. Теперь прошу—со мной
Прочтите эпитафію Морины,
Произведенье Діониссы злой:
„Морина здѣсь лежитъ, принцесса Тира;
Ее сгубила смерть во цвѣтѣ лѣтъ.
Сливались въ ней всѣ совершенства міра;
Подобной ей и не было и нѣтъ.
Ѳетида, возгордясь ея рожденьемъ,
Край свѣта поглотить дала волнамъ;
Чтобъ вновь не подвергаться наводненьямъ,
Земля ее вернула небесамъ.
На землю разсердясь, въ порывѣ горя,
Ѳетида поклялась за дочь отмстить;
Съ тѣхъ поръ она кремнистый берегъ моря
Старается волнами затопить“.
Коварству часто лесть оплотомъ служитъ.
Периклъ несется въ даль, судьбой гонимъ;
О дочери все плачетъ онъ и тужитъ;
На время мы должны разстаться съ нимъ.
Познавъ судьбы печальныя измѣны,
Въ неволѣ тяжкой дочь его живетъ.
Судьба ея ужасна. Въ Митилены,
Чтобъ съ ней побыть, направимъ свой полетъ.

(*Уходитъ*).

ДѢЙСТВІЕ ПЯТОЕ.

Входитъ Говеръ.

Морина, покидая домъ разврата,
У честныхъ женъ нашла себѣ пріютъ;
Поетъ ли, вдохновеніемъ объята,
Всѣ думаютъ: безсмертные поютъ;
Танцуетъ ли—богиней выступаетъ,
Плѣняя всѣхъ волшебною игрой;
Она умомъ ученыхъ поражаетъ;
Съ природою соперничать иглой
Старается она; шитьемъ выводитъ
Цвѣты и вѣтки, птицы и плоды,
И роза рукъ ея вполнѣ походитъ
На розу клумбъ; она на всѣ лады
Умѣетъ шить—и шерстью и шелками,
Что, подъ ея искусною рукой,
Съ красивой спѣлой вишней близнецами
Становятся. Ученики толпой
Стремятся къ ней. Работой ли, урокомъ
Добудетъ денегъ,—своднѣ ихъ несетъ.
Къ отцу ея вернусь; гонимый рокомъ
И бурями, онъ къ брегу пристаетъ,
Гдѣ дочь его влачитъ въ борьбѣ безплодной
Свой грустный вѣкъ, узнавъ тяжелый плѣнъ.

Въ тотъ день Нептуна праздникъ ежегодный
Справляетъ населенье Митиленъ.
Периклъ, скорбя о горестной потерѣ,
На кораблѣ повѣсилъ черный флагъ;
Въ своей, роскошно убранной, галерѣ
Къ нему плыветъ на встрѣчу Лизимахъ.
Войдемте на корабль; воображеньемъ
Дополните, что скроется отъ глазъ,
И дѣйствіе послужитъ продолженьемъ
Того, что вамъ повѣдалъ мой разсказъ. (*Уходитъ*).

СЦЕНА I.

Палуба Периклова корабля, близъ Митиленъ. На ней бесѣдка, завѣшенная занавѣсями. Въ ней Периклъ, возлегающій на ложѣ. Подлѣ корабля галера. Входятъ 2 матроса: одинъ изъ нихъ принадлежитъ экипажу тирскаго корабля, другой съ галеры. За ними входитъ Геликанъ.

I-Й МАТРОСЪ.

Гдѣ жъ Геликанъ? Одинъ онъ только можетъ
Рѣшить вопросъ. Да, вотъ, онъ самъ идетъ.
Изъ Митиленъ пристала къ намъ галера;
Въ ней Лизимахъ, правитель; онъ желаетъ
Корабль нашъ посѣтить. Какъ ты прикажешь?

ГЕЛИКАНЪ.

Угодное ему мы можемъ сдѣлать.
Пусть явятся вельможи.

I-Й МАТРОСЪ.

Господа,
Пожаловать васъ проситъ Геликанъ.

(*Входятъ 2 или 3 вельможъ*).

I-й вельможа.

Ты пожелалъ насъ видѣть?

Геликанъ.

Нашъ корабль
Желаетъ посѣтить сановникъ важный;
Прошу его принять съ большимъ почетомъ.

(*Вельможи и матросы спускаются въ галеру. Входятъ Лизимахъ со свитой, вельможи и 2 матроса*).

Тирскій матросъ.

Вотъ тотъ, который здѣсь повелѣваетъ.

Лизимахъ.

Привѣтствую тебя, почтенный старецъ;
Желаю, чтобъ тебя хранили боги!

Геликанъ.

Желаю, чтобъ и ты могъ пережить
Мои года и жизнь бы увѣнчалъ
Счастливою кончиной.

Лизимахъ.

Благодаренъ
За пожеланья добрыя. Нептуна
Мы чествуемъ сегодня. Увидавъ
Роскошный вашъ корабль, я поспѣшилъ
Прибыть, чтобы спросить—откуда вы?

Геликанъ.

Позволь узнать, кто ты?

Лизимахъ.

Я Лизимахъ,
Правитель этихъ мѣстъ.

Геликанъ.

Корабль нашъ тирскій;
На немъ нашъ царь. Три мѣсяца ни слова
Онъ не сказалъ и пищу принимаетъ
Лишь для продленья горя своего.

Лизимахъ.

Не знаешь ли причинъ его унынья?

Геликанъ.

Мнѣ тяжело объ этомъ говорить.
Онъ сталъ такимъ съ тѣхъ поръ, какъ потерялъ
Жену и дочь.

Лизимахъ.

Могу ль его увидѣть?

Геликанъ.

Напрасно ты свиданья ищешь съ нимъ:
Онъ говорить не станетъ.

Лизимахъ.

Разрѣши
Исполнить мнѣ желанье.

Геликанъ.

Я согласенъ.

(*Отдергиваетъ занавѣсъ; виденъ Периклъ*).

Нашъ царь былъ и величественъ, и статенъ
До той ужасной ночи, что его
Такъ потрясла глубоко.

Лизимахъ.

Государь,
Привѣтствуя тебя, прошу боговъ

О ниспосланіи царственному гостю
Душевнаго спокойствія и здравія.

Геликанъ.

Привѣтъ напрасенъ твой: онъ не отвѣтитъ.

1-й сопутствующій Лизимаху.

Есть дѣва въ Митиленахъ, что навѣрно
Сумѣла бы уста его разверзнуть.

Лизимахъ.

Прекрасно ты придумалъ: я увѣренъ,
Что, безъ вопросовъ, голосомъ волшебнымъ
И чуднымъ обаяньемъ чаръ своихъ,
Она его расшевелить сумѣетъ
И въ немъ пробудитъ чувства, что заглохли
Отъ тяжкаго страданья, лучше всѣхъ.
Она теперь съ подругами гуляетъ
Близъ острова, въ тѣни прохладной рощи.
(*Шепчется съ однимъ изъ своихъ спутниковъ, который отплываетъ въ галеру*).

Геликанъ.

Напрасно все, я въ этомъ убѣжденъ;
Но мы ничѣмъ пренебрегать не смѣемъ,
Что можетъ принести хоть долю пользы.
На доброту твою располагаясь,
Позволь мнѣ разрѣшенія просить
На золото купить у васъ припасовъ—
Не потому, чтобъ въ нихъ нуждались мы,
Но потому, что порча ихъ коснулась.

Лизимахъ.

Когда отказъ послѣдуетъ на просьбу,
Какъ кару, могутъ праведные боги

Послать на наши жатвы саранчу
И цѣлую страну привесть въ унынье.
Позволь полюбопытствовать еще,
О чемъ скорбитъ вашъ царь?

Геликанъ.

Присядь сюда—
И обо всемъ я разскажу тебѣ.
Но, видишь, мнѣ мѣшаютъ.

(*Входитъ одинъ изъ сопутствующихъ Лизимаху съ Мориной и ея подругой*).

Лизимахъ.

Вотъ она,
Та дѣва, за которой я послалъ.
Привѣтъ тебѣ, красавица. Не правда ль,
Камъ хороша она?

Геликанъ.

Вполнѣ прекрасна.

Лизимахъ.

Когда бъ я зналъ, что древенъ родъ ея,
Не пожелалъ бы лучшей я подруги
И съ нею бракъ—я счастьемъ бы считалъ.

(*обращаясь къ Моринѣ*).

Щедротами тебя осыплетъ царь,
Коль отъ тебя получитъ облегченье,
Коль дивными дарами ты сумѣешь
Его заставить вновь заговорить:
Въ награду за лѣкарство ты получишь
Все то, что можешь только пожелать.

Морина.

Употребить всѣ средства постараюсь,
Чтобы ему помочь. Съ моей подругой

Къ нему я подойду. Пусть остальные
Оставятъ насъ.

Лизимахъ.

Исполнимъ ихъ желанье—
И боги да помогутъ предпріятью.

(*Морина поетъ*).

Лизимахъ.

На пѣнье обратилъ ли онъ вниманье?

Морина.

Онъ даже на меня и не взглянулъ.

Лизимахъ.

Съ нимъ рѣчь она заводитъ.

Морина

Государь,
Вонми моимъ моленьямъ.

Периклъ.

Что я слышу!

Морина.

Я дѣвушка стыдливая; всегда
Пройти я незамѣченной стараюсь,
А на меня, какъ на комету, смотрятъ.
Страданья наши взвѣсь и, можетъ-быть,
Мое не уступаетъ твоему.
Подавлена я злобною судьбою,
А все происхожу отъ предковъ славныхъ,
Что спорили могуществомъ съ царями.
Родителей моихъ на свѣтѣ нѣтъ—
И стала я рабою жалкой міра
И жертвой злыхъ случайностей.

(*въ сторону*) Хотѣла бъ
Я бросить предпріятіе свое;
Но краска выступаетъ на ланиты
И что то шепчетъ мнѣ: „не уходи,
Пока съ тобой онъ въ разговоръ не вступитъ“.

Периклъ.

О родѣ знаменитомъ... о страданьяхъ,
Испытанныхъ тобой, ты говорила,
Страданьяхъ, что моимъ не уступаютъ?

Морина.

Когда бъ ты зналъ мое происхожденье,
Не сталъ бы ты, о, царь, гнушаться мной.

Периклъ.

Тебѣ готовъ я вѣрить; на меня,
Прошу, взгляни. Какой то чудный образъ
Твои черты напоминаютъ мнѣ.
Гдѣ родина твоя? Скажи—не здѣсь ли?

Морина.

Не на землѣ я обрѣла отчизну,
Однако родилась на свѣтъ, какъ всѣ,
И правды я притворствомъ не скрываю.

Периклъ.

Я преисполненъ горя и сдержать
Рыданій я не въ силахъ. Эта дѣва
Сходна съ моею милою женою;
Такою же была бы дочь моя.
Да, сходство поразительно; у ней
Открытое чело моей царицы
И тотъ же ростъ. Она стройна, какъ стебель;

Ея прелестный голосъ серебристъ;
Глаза блестятъ, какъ чудные алмазы
Въ оправѣ драгоцѣнной; какъ Юнона,
Идетъ она; чѣмъ больше говоритъ,
Тѣмъ больше ей хотѣлось бы внимать—
И ей нельзя отрадными рѣчами
Вполнѣ насытить слухъ. Гдѣ ты живешь?

Морина.

Я призрѣна чужими: ты отсюда
Увидѣть можешь домъ, гдѣ обитаю.

Периклъ.

Скажи, гдѣ воспитанье получила?
И гдѣ пріобрѣла тѣ дарованья,
Которыя собою украшаешь?

Морина.

Такъ странны похожденія мои,
Что можетъ показаться жалкой ложью
Разсказъ о нихъ.

Периклъ.

Открой мнѣ жизнь свою,
Не вѣдая притворства; ты скромна,
Какъ истина святая; я увѣренъ,
Что ты—дворецъ, гдѣ правда обитаетъ.
Ту женщину, что я любилъ глубоко,
Напоминаешь ты, а потому
Тебѣ повѣрю я; заставлю чувства
Увѣровать и въ то, что даже можетъ
Несбыточнымъ и ложнымъ показаться.
Кто близкіе твои? Ты мнѣ сказала,
Что я съ тобой сурово обошелся,
Хоть знатнаго ты рода.

Морина.

Это правда.

Периклъ.

Повѣдай же, откуда происходишь?
Ты говорила, кажется, что много
Невзгодъ и скорби въ жизни повстрѣчала,
И что тобой испытанное горе
Съ моимъ сравниться можетъ.

Морина.

Вѣроятнымъ
Мнѣ кажется предположенье это.

Периклъ.

О, разскажи исторію свою.
Коль тысячную часть ты испытала
Того, что вынесъ я, ты—твердый мужъ,
А я страдалъ, какъ женщина. Съ терпѣньемъ,
Взирающимъ на царскія могилы,
Имѣешь сходство ты, скрывая горе
Улыбками. Прошу тебя назвать
Своихъ друзей; какъ потеряла ихъ?
О, милая, свое повѣдай имя;
Подсядь ко мнѣ.

Морина.

Меня зовутъ Мориной.

Периклъ.

Насмѣшка злая! вѣрно гнѣвный богъ
Прислалъ тебя сюда, чтобъ надо мною
Смѣялся цѣлый свѣтъ.

Морина.

О, успокойся,
Иль болѣе ни слова не скажу.

Периклъ.

Сдержу себя, но ты не можешь знать,
Какъ именемъ Морины я глубоко
Былъ потрясенъ.

Морина.

Мнѣ это имя далъ
Мой царственный отецъ.

Периклъ.

Ты дочь царя—
И названа Мориной?

Морина.

Мнѣ повѣрить
Ты обѣщалъ. Я продолжать не стану,
Чтобъ твоего покоя не нарушить.

Периклъ.

Не духъ ли ты безплотный и безкровный,
Не призракъ ли волшебный? Продолжай.
Гдѣ родина твоя—и почему
Тебя зовутъ Мориной?

Морина.

Родилась я
На кораблѣ, что плылъ по волнамъ моря;
Вотъ отчего мнѣ дали это имя.

Периклъ.

Кто мать твоя?

Морина.

Ея отецъ былъ царь;
Она въ тотъ мигъ скончалась, какъ меня
Произвела на свѣтъ. Объ этомъ часто
Мнѣ говорила няня Лихорида,
Горючими слезами обливаясь.

Периклъ.

На мигъ прерви разсказъ. Я жертва сна,
Что мнѣ послалъ волшебное видѣнье,
Чтобъ надъ глупцомъ несчастнымъ издѣваться.
Не можетъ это быть; вѣдь, дочь моя
Въ могилѣ спитъ. Тебѣ, дрожа, я внемлю;
Кто воспиталъ тебя? Я буду слушать
Разсказъ твой до конца, безъ перерывовъ.

Морина.

Ты повѣсти моей съ трудомъ повѣришь;
Не лучше ль мнѣ ее не продолжать?

Периклъ.

Чтобъ ни сказала ты, всему повѣрю;
Но какъ же ты могла сюда попасть
И гдѣ ты воспитанье получила?

Морина.

Меня оставилъ въ Тарзѣ царь-отецъ,
И злой Клеонъ съ преступницей-женою
Задумали меня со свѣта сжить;
Убійца ими былъ подговоренъ,
Чтобъ умертвить меня; онъ собирался
Исполнить гнусный замыселъ, когда
Нагрянули пираты и меня

Съ собою въ Митилены увезли...
О, добрый царь, о чемъ ты слезы льешь?
Ты думаешь, быть-можетъ, что тебя
Обманываю я; о, нѣтъ, клянусь:
Я дочь царя Перикла, если только
На свѣтѣ существуетъ царь Периклъ.

Периклъ.

Приблизься, Геликанъ.

Геликанъ.

Меня ты позвалъ?

Периклъ.

Совѣтникъ ты и мудрый, и правдивый:
Не можешь ли сказать, кто эта дѣва,
Что такъ меня заставила рыдать.

Геликанъ.

Не знаю, но правитель Митиленъ
Ей воздаетъ обильныя хвалы.

Лизимахъ.

Она отъ всѣхъ скрывала постоянно
Свое происхожденье и, когда
Объ этомъ ей вопросы предлагали,
Молчаньемъ и слезами отвѣчала.

Периклъ.

О, Геликанъ, ударь меня иль рану
Мнѣ нанеси, дай чувствовать мнѣ боль,
Чтобъ море мной извѣданнаго счастья
Не потопило смертности моей,
Чтобъ въ сладости его не утонулъ я.

Иди ко мнѣ. Ты возвратила жизнь
Тому, кто произвелъ тебя на свѣтъ!
Иди ко мнѣ, рожденная на морѣ,
Почившая близъ Тарза и опять
На морѣ обрѣтенная чудесно!
О, Геликанъ, колѣни преклони
И голосомъ, что силой равенъ грому,
Благодари боговъ: Морина это.

(*обращается къ Мориѣ*)

Еще вопросъ: какъ звали мать твою?
Не безполезно правду подтверждать,
Хотя сомнѣнья спятъ.

Морина.

Скажи мнѣ прежде,
Какъ звать тебя?

Периклъ.

Я тирскій царь Периклъ.
Теперь, прошу тебя, скажи мнѣ имя
Моей царицы, въ морѣ утонувшей.
Все правда, что досель ты говорила.
И будешь ты наслѣдницей престола
И ты отца въ Периклѣ обрѣтешь.

Морина.

Чтобы назваться дочерью твоею,
Ужель сказать лишь надо, что Таисой
Звалася мать Морины? Да, Таисой;
И умерла она, мнѣ жизнь даруя.

Периклъ.

Прими благословенія мои!
Возстань, ты—дочь моя. Одежды скорби

Съ себя хочу я сбросить. Геликанъ,
Я дочь обрѣлъ. Она не пала въ Тарзѣ,
Какъ этого хотѣлъ злодѣй Клеонъ;
Она сама тебѣ разскажетъ все,
Когда предъ ней склонишься ты во прахъ,
Въ ней дочь царя Перикла признавая.
А это кто?

Геликанъ.

Правитель Митиленъ;
Узнавъ, что ты въ унынье погруженъ,
Онъ прибылъ, чтобъ привѣтствовать тебя.

Периклъ.

Прими мое лобзанье. Дайте мнѣ
Другое платье. Въ траурной одеждѣ
Я мраченъ и унылъ. О, небеса!
Благословите дочь. Но что я слышу?
Какіе-то божественные звуки
Нисходятъ съ неба! Милая Морина,
Все разскажи дословно Геликану,
Чтобы его сомнѣнія разсѣять.
Опять я слышу сладостные звуки!

Геликанъ.

Я ничего не слышу.

Периклъ.

Ничего?
То музыка небесъ. Морина, слушай!

Лизимахъ.

Не слѣдуетъ ему противорѣчить;
Не возражай.

Периклъ.

Божественные звуки!..
Ты слышишь ихъ?

Лизимахъ.

Я слышу, государь. (*Музыка*).

Периклъ.

О, музыка волшебная! Хотѣлъ бы
Я ей внимать; но сонъ рукой тяжелой
Мои сжимаетъ вѣжды. Я усну. (*Засыпаетъ*).

Лизимахъ.

Подушку подложите вы ему
Подъ голову. Затѣмъ его оставимъ;
Коль сбудутся мои предположенья,
Товарищи-друзья, васъ не забуду.

(*Вси уходятъ, кромѣ Перикла. Является Діана*).

Діана.

Мой храмъ стоитъ въ Эфесѣ. Съ приношеньемъ
Спѣши туда. Предъ свѣтлою толпой
Моихъ невинныхъ жрицъ, ты съ умиленьемъ
Повѣдай, какъ утрачена тобой
Любимая супруга въ волнахъ моря.
Ее разсказомъ къ жизни призовешь.
Ослушаешься—выпьешь чашу горя;
Коль нѣтъ—ты снова счастье обрѣтешь.
Клянусь въ томъ! Отбрось свои сомнѣнья,
Проснись и разскажи свое видѣнье! (*Діана исчезаетъ*).

Периклъ.

Богиня сребpоносная, Діана,
Исполню твой приказъ. О, Геликанъ!

(*Входятъ Геликанъ, Лизимахъ, Морина и пр.*).

Геликанъ.

Что, государь?

Периклъ.

Я думаю ѣхать въ Тарзъ,
Чтобъ наказать презрѣннаго Клеона;
Но прежде совершу другое дѣло:
Къ Эфесу я хочу направить путь.
Потомъ я вамъ открою цѣль поѣздки.

(*Обращаясь къ Лизимаху*).

Позволишь ли твой городъ посѣтить
И, отдохнувъ немного, запастись
Припасами, что намъ необходимы?

Лизимахъ.

Отъ всей души. Когда на берегъ выйдешь,
И у меня есть просьба до тебя.

Периклъ.

Отказа не получишь, если бъ даже
За дочь мою посвататься хотѣлъ бы;
Ты, кажется, къ ней съ лаской относился.

Лизимахъ.

Дай руку, государь.

Периклъ.

Идемъ, Морина. (*Уходятъ*).

(*Входитъ Говеръ. Храмъ Діаны въ Эфесѣ*).

Говеръ.

Разсказъ кончаю я; песокъ
Въ моихъ часахъ почти истекъ.
Чтобъ до конца довесть разсказъ,
Я васъ прошу, въ послѣдній разъ,
Мечтой игривою своей

Мнѣ помощь дать. Ввѣряясь ей,
Считаю лишнимъ разсказать
Какъ сталъ Перикла угощать
Въ своей столицѣ Лизимахъ.
О представленьяхъ, о пирахъ,
Что въ честь царя давалъ онъ тамъ,
Излишній трудъ повѣдать вамъ.
Онъ, словомъ, такъ дѣла повелъ,
Что друга вѣрнаго нашелъ
Въ царѣ и скоро женихомъ
Морины сдѣлался. Царемъ
Отложенъ бракъ до той поры,
Когда богатые дары
Онъ въ храмъ Діаны принесетъ.
Корабль опять пустился въ ходъ;
Опять сталъ вѣтръ попутный дуть;
Но я не опишу ихъ путь.
И вотъ предъ вами славный храмъ;
Периклъ со спутниками тамъ;
Чтобъ онъ прибыть такъ скоро могъ,
Мнѣ добрый слушатель помогъ
Черезъ игру воображенья;
Разсказъ дополнитъ представленье. (*Уходитъ*).

СЦЕНА II.

Храмъ Діаны. Таиса стоитъ подлѣ алтаря въ санѣ главной жрицы. По обѣимъ сторонамъ алтаря стоятъ дѣвы. Въ храмѣ находятся Церимонъ и другіе обыватели.

(*Входятъ Периклъ со свитой, Лизимахъ, Геликанъ, Морина и одна дама*).

ПЕРИКЛЪ.

Хвала тебѣ, Діана; исполняя
Велѣніе твое, я объявляю,

Что я властитель Тира. Я покинулъ
Свою страну, чтобъ смерти избѣжать;
Въ Пентаполисѣ брачными узами
Я сочетался съ дивною Таисой.
На кораблѣ скончалася она,
Родивши дочь, что назвали Мориной,
Которая доселѣ, о, богиня,
Вѣрна твоимъ покровамъ серебристымъ.
На воспитанье отдалъ я ее
Клеону въ Тарзъ. Четырнадцати лѣтъ
Ее со свѣта сжить задумалъ онъ.
Благодаря созвѣздьямъ благодатнымъ,
Она нашла спасенье въ Митиленахъ.
Затѣмъ на мой корабль она попала,
Что къ берегу пригнала злоба моря,
И ясныя ея воспоминанья
Мнѣ помогли въ ней дочь свою признать.

Таиса.

Его лицо и голосъ! Царь Периклъ!

(*падаетъ въ обморокъ.*)

Периклъ.

Что говоритъ она? Минута смерти
Настала для нея. Помочь ей надо.

Церимонъ.

О, государь, коль правду ты сказалъ
Предъ алтаремъ Діаны, эта жрица—
Твоя жена.

Периклъ.

Не можетъ это быть:
Я самъ ее, какъ помню, ввергнулъ въ море.

Церимонъ.

Недалеко отъ этихъ береговъ?

Периклъ.

Такъ именно.

Церимонъ.

Ты на нее взгляни;
Отъ радости она лишилась чувствъ.
Ее на этотъ берегъ, бурнымъ утромъ,
Извергли волны. Гробъ ея открылъ я
И въ немъ нашелъ богатые уборы;
Ее вернулъ я къ жизни и затѣмъ
Въ храмъ Діаны помѣстилъ.

Периклъ.

Могу ль увидѣть
Сокровища, что ты тогда нашелъ?

Церимонъ.

Ихъ принесутъ тебѣ въ мое жилище,
Куда тебя зову. Смотри, Таиса
Пришла въ себя.

Таиса.

Его хочу увидѣть!
Когда бъ моимъ онъ не былъ, святость жрицы
Сумѣла бы сдержать порывы чувства
И призраку въ обманъ бы не далась.
О, государь! Признайся: ты—Периклъ;
Какъ онъ, ты говоришь и сходенъ съ нимъ:
Не вспоминалъ ли ты о грозной бурѣ,
О смерти и рожденьи?

Периклъ.

Слышу голосъ
Моей Таисы мертвой.

Таиса.

Я Таиса,
Что только чудомъ смерти избѣжала.

Периклъ.

Безсмертная Діана!

Таиса.

Я теперь
Тебя совсѣмъ признала. Вотъ кольцо,
Что мой отецъ тебѣ на память далъ,
Когда въ слезахъ мы разставались съ нимъ.
(*Указываетъ на кольцо.*)

Периклъ.

Оно, оно! Благодарю васъ, боги;
Щедротами я вашими осыпанъ
И забываю бѣдствія былыя.
Хотѣлъ бы я, коснувшись устъ любимыхъ,
Растаять и незримымъ духомъ стать!
Иди ко мнѣ, желанная подруга,
И схоронись опять въ моихъ объятьяхъ.

Морина.

Душою рвусь я къ матери своей.
(*Становится на колѣни передъ Таисой.*)

Периклъ.

Гляди, кто предъ тобою на колѣняхъ!
То дочь твоя Морина. Это имя
Дано ей потому, что въ злую бурю
Она тобой на морѣ рождена.

Таиса.

Тебя благословляю, дочь моя!

Геликанъ.

Привѣтствую тебя, моя царица!

Таиса.

Не знаю я тебя.

Периклъ.

Бѣжавъ изъ Тира,
Намѣстнику я передалъ правленье;
Не можешь ли его припомнить имя;
Его не разъ я называлъ тебѣ.

Таиса.

Ты часто говорилъ о Геликанѣ.

Периклъ.

Вотъ—подтвержденье новое! Онъ самъ
Передъ тобой. О, обними его,
Таиса дорогая. Я теперь
Хочу узнать, какъ обрѣли тебя,
Какъ къ жизни возвратили и кого,
Опричъ боговъ, благодарить я долженъ
За чудное спасеніе твое.

Таиса.

Привѣтствуй Церимона; чрезъ него
Могущество явили боги;
Онъ можетъ разсказать тебѣ подробно,
Какъ воскресилъ меня.

Периклъ.

Почтенный мужъ,
Служа богамъ, ты ликомъ имъ подобенъ.
Повѣдай мнѣ, какъ къ жизни ты вернулъ
Почившую царицу.

Церимонъ.

Все узнаешь.
Но ты сначала домъ мой посѣти;
Тамъ покажу тебѣ тѣ украшенья,
Что я нашелъ при ней, и объясню,
Какъ въ храмъ она попала. Отъ тебя
Не ускользнетъ малѣйшая подробность.

Периклъ.

Хвала тебѣ, о, чистая Діана,
За чудный сонъ, что ты послала мнѣ!
Таиса, этотъ принцъ—женихъ Морины.
Въ Пентаполисѣ свадьбу ихъ сыграемъ.
Я волосы теперь могу обстричь,
Что мнѣ даютъ такой суровый видъ,
И бороду, къ которой столько лѣтъ
Не прикасалась бритва, я обрѣю,
Чтобъ бракъ счастливый чествовать.

Таиса.

Увы!
До Церимона вѣрныя извѣстья
Дошли о томъ, что мой отецъ скончался.

Периклъ.

Да станетъ онъ звѣздою свѣтлой въ небѣ!
А все же тамъ отпразднуемъ ихъ свадьбу,
А сами въ этомъ царствѣ проведемъ
Остатокъ нашихъ дней. А сынъ и дочь
Пусть на престолѣ Тира возсѣдаютъ!
Обѣщанное сдержитъ Церимонъ
И, что не знаемъ мы, доскажетъ онъ (*Уходятъ.*)

Входитъ Говеръ.

Наказанъ Антіохъ; всегда злодѣйства
Караетъ справедливо божество.
Въ Периклѣ и въ судьбѣ его семейства
Я показалъ вамъ правды торжество.
Коль рокъ ее преслѣдуетъ, участье
Въ богахъ она находитъ; перенесъ
Не мало мукъ Периклъ, но ласку счастья
Ему опять извѣдать довелось.
Вамъ Геликанъ и вѣрности и чести
Явилъ примѣръ, а славный Церимонъ
Вамъ образецъ того, кто, чуждый лести,
Творитъ добро и въ мудрость погруженъ.
Когда народъ узналъ о злодѣяньи,
Что совершилъ Клеонъ, его онъ сжегъ
Въ дворцѣ со всѣмъ отродьемъ. Наказанья
И этотъ извергъ избѣжать не могъ.
Такъ покарали боги преступленье,
Что довершить не могъ вполнѣ злодѣй.
На этомъ я окончу представленье—
И съ вами распрощусь до лучшихъ дней.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

HOUN LIBRARY.

ЮЛІЙ ЦЕЗАРЬ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Юлій Цезарь.
Октавій Цезарь,
Маркъ Антоній,
Маркъ Эмилій Лепидъ, } тріумвиры по смерти Цезаря.
Цицеронъ, Публій и Попилій Лена, сенаторы;
Маркъ Брутъ,
Кассій,
Каска,
Требоній,
Лигарій,
Децій Брутъ,
Метеллъ Цимберъ,
Цинна. } заговорщики противъ Юлія Цезаря.
Флавій и Марулл, трибуны.
Артемидоръ, софистъ книдосскій.
Цинна, стихотворецъ.
Другой стихотворецъ.
Предсказатель.
Люциній, Титиній, Мессала, Катонъ, Волюмній, друзья Брута и Кассія.
Варонъ, Клитъ, Клавдій, Стратонъ, Луцій, Дарданій, служители Брута.
Пиндаръ, служитель Кассія.
Кальфурнія, жена Цезаря.
Порція, жена Брута.
Сенаторы, граждане, стража, служители и проч.

Мѣсто дѣйствія въ Римѣ, а потомъ въ Сардахъ и, наконецъ, при Филиппахъ.

ДѢЙСТВІЕ I.

СЦЕНА I.

Римъ.—Улица.

(Входятъ Флавій, Маруллъ и толпа гражданъ).

ФЛАВІЙ.

Домой, лѣнтяи! развѣ нынче праздникъ?
Скажите мнѣ, не знаете вы что ли,
Что въ будни вамъ, мастеровымъ, нельзя
Ходить безъ внѣшнихъ знаковъ ремесла?
Ты кто такой?

I-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Я, сударь, плотникъ.

МАРУЛЛЪ.

Такъ гдѣ жъ отвѣсъ и кожаный передникъ?
Зачѣмъ идешь ты въ праздничномъ нарядѣ?
Вы, сударь, ваше ремесло какое?

2-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Правду сказать, сударь, я ремесленникъ не важный, если сравнить меня съ хорошимъ мастеровымъ.

МАРУЛЛЪ.

Твое ремесло? Отвѣчай прямо.

2-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Ремесло, сударь, надѣюсь, такое, что могу имъ заниматься безъ угрызенья совѣсти: я починяю грѣхи *).

МАРУЛЛЪ.

Какое жъ ремесло? Ты, плутъ шутливый, ремесло какое?

*) Здѣсь у Шекспира игра въ созвучьи словъ: sole—подошва и soul—душа.

2-й гражданинъ.

Нѣтъ, пожалуйста, сударь, не гнѣвайтесь, не надрывайтесь. Впрочемъ, если надорветесь, я вамъ помогу.

Маруллъ.

Что? ты поможешь мнѣ, грубіянъ?

2-й гражданинъ.

Ну, да! подкину вамъ подметки.

Маруллъ.

Такъ ты, значитъ, чеботарь?

2-й гражданинъ.

Да! только и живу шиломъ. И только шиломъ вмѣшиваюсь въ дѣла торговцевъ и женщинъ. Я, по правдѣ, врачъ старой обуви. Когда она въ опасности, я ее выручаю изъ бѣды. Самыхъ лучшихъ людей, когда либо ходившихъ на воловьей шкурѣ, мнѣ случалось ставить на ноги, благодаря своему ремеслу.

Флавій.

Зачѣмъ же ты теперь не за работой,—
По улицамъ ихъ водишь за собой?

2-й гражданинъ.

Я для того таскаю ихъ за собою, чтобы они скорѣе износили свою обувь; такимъ образомъ я добуду побольше работы. Шутки въ сторону: мы сегодня празднуемъ, чтобъ видѣть Цезаря и выразить свой восторгъ по случаю его торжества.

Маруллъ.

Съ чего восторгъ? Съ какимъ завоеваньемъ
Вернулся онъ въ отчизну? Гдѣ они,

Тѣ данники, что онъ привелъ въ цѣпяхъ,
Чтобы свою украсить колесницу?
Вы—камни, вы—безчувственныя твари!
Суровыя сердца жестокихъ римлянъ
Забыли ужъ Помпея. Сколько разъ
Взлѣзали вы на стѣны и на башни,
На окна, даже на вершины трубъ,
Держа дѣтей въ рукахъ; и цѣлый день
Сидѣли вы, съ терпѣньемъ ожидая,
Когда начнется шествіе Помпея
По улицамъ ликующаго Рима!
Когда его являлась колесница,
Восторженные клики раздавались;
Они съ такою силою звучали,
Что самый Тибръ въ волненье приходилъ
Среди своихъ отвѣсныхъ береговъ,
Гдѣ ваши крики эхомъ повторялись.
Зачѣмъ же вы такъ пышно разрядились
И новый праздникъ создали, цвѣтами
Безумно усыпая путь того,
Кто пролилъ кровь великаго Помпея!
Скорѣй домой спѣшите! На колѣни
Падите предъ богами, ихъ молите,
Чтобъ отвратили страшную ту кару,
Которую навѣрное накличетъ
Неблагодарность ваша.

Флавій.

Да, уйдите,
Почтенные сограждане. Вамъ надо
Тяжелый свой проступокъ искупить.
Сберитесь, бѣдные, на берегъ Тибра.
Пусть ваши слезы капаютъ въ него,

Пока вода и въ самомъ мелкомъ мѣстѣ,
Его высокій берегъ не затопитъ. (*Граждане расходятся*).
Расплавился подлѣйшій изъ металловъ:
Они ушли, сознавъ свою вину...
Ты путь свой къ Капитолію направь,
А я другою улицей пойду,
Срывая украшенья и трофеи
Вездѣ, гдѣ только встрѣтятся они.

Марулль.

Но можно ль это сдѣлать? Вѣдь сегодня,
Какъ это знаешь, праздникъ Луперкалій.

Флавій.

О, ничего! Нигдѣ не оставляй
Ты Цезаря трофеевъ. По домамъ
Я буду чернь повсюду разгонять.
Примѣру моему и ты послѣдуй!
Мы Цезаря полетъ должны умѣрить,
Изъ крылъ его выщипывая перья;
Не то онъ такъ подымется высоко,
Что скроется изъ глазъ людскихъ совсѣмъ
И окуетъ всѣхъ рабскою боязнью.

Сцена II-я.

Площадь. — Шествіе съ музыкой. — Цезарь. Антоній (для участія въ бѣгѣ), Кальфурнія. Порція, Цицеронъ. Брутъ, Кассій и Каска, за ними густая толпа, среди которой предсказатель.

Цезарь.

Кальфурнія!

Каска.

Пусть всѣ умолкнутъ: Цезарь говоритъ! (*Музыка перестаетъ*).

Цезарь.

Кальфурнія!

Кальфурнія.

Я здѣсь.

Цезарь.

Когда Антоній
Начнетъ свой бѣгъ, стань на его дорогѣ.
Антоній!

Антоній.

Что тебѣ угодно, Цезарь?

Цезарь.

Ты не забудь коснуться на бѣгу
Кальфурніи. Намъ старцы говорятъ,
Что будто бы безплодныя рождаютъ,
Когда въ бѣгу священномъ ихъ коснутся.

Антоній.

Могу ль забыть? Твои приказы, Цезарь,
Немедленно всегда я исполняю.

Цезарь.

Не прерывайте шествія; при этомъ
Обычные обряды соблюдайте.

Предсказатель.

О, Цезарь!

Цезарь.

Кто зоветъ?

Каска.

Молчите снова! (*Музыка умолкаетъ*).

Цезарь.

Кто изъ толпы сейчасъ ко мнѣ взывалъ?
Чей это голосъ, музыку покрывшій,
Звалъ Цезаря? Ему внимать готовъ я.

Предсказатель.

Тебѣ грозятъ бѣдою иды марта.

Цезарь.

Кто этотъ человѣкъ?

Брутъ.

Онъ предсказатель,
Тебѣ совѣтъ дающій опасаться
Идъ марта.

Цезарь.

Пусть приблизится ко мнѣ!
Его въ лицо хочу я увидать.

Кассій.

Пріятель, выйди изъ толпы скорѣе
И къ Цезарю приблизься.

Цезарь.

Что сказалъ ты?
Свои слова ты повтори при мнѣ.

Предсказатель.

Тебѣ грозятъ бѣдою иды марта!

Цезарь.

Онъ бредитъ. Бросимте его. Пойдемъ.

(*Музыка. Всѣ уходятъ, кромѣ Брута и Кассія*).

Кассій.

Ты развѣ не пойдешь смотрѣть на бѣгъ?

Брутъ.

Охоты нѣтъ.

Кассій.

Прошу, пойдемъ со мною.

Брутъ.

Я не любитель игръ; мнѣ не хватаетъ
Веселости Антонія. Тебѣ
Помѣхой быть я не желаю, Кассій,
И потому уйду.

Кассій.

Послушай, Брутъ!
Я съ нѣкоторыхъ поръ не замѣчаю
Въ твоихъ глазахъ той нѣжности, той дружбы,
Къ которымъ я привыкъ. Ты съ лучшимъ другомъ
И скрытенъ сталъ, и холоденъ.

Брутъ.

О, Кассій,
Повѣрь, ты ошибаешься. Мой взоръ,
Быть-можетъ, омрачился, но тому
Причиной служитъ внутренній разладъ.
Я жертвой сталъ тревожныхъ, мрачныхъ думъ,
Что межъ собою въ вѣчномъ разногласьи.
Тѣ думы лишь касаются меня
И могутъ, для меня и незамѣтно,
Вліять на обращеніе мое.
Моимъ друзьямъ не надо огорчаться,—
А въ ихъ числѣ и Кассія считаю:
Моя холодность только знакъ того,

Что бѣдный Брутъ, въ борьбѣ съ самимъ собою,
Невольно забываетъ выражать
Свою любовь къ другимъ.

Кассій.

Теперь я вижу,
Что дурно изъяснилъ твою холодность,
Благодаря которой я скрывалъ
На днѣ души не мало важныхъ мыслей,
Достойныхъ обсужденія. Скажи,
Ты можешь ли свое лицо увидѣть?

Брутъ.

Не иначе, какъ черезъ отраженье
Другихъ предметовъ.

Кассій.

Жаль, что нѣтъ зеркалъ,
Способныхъ твоему представить взору
Сокрытыя достоинства твои,
Чтобъ ты свое могъ видѣть отраженье!
Не разъ жалѣли лучшіе изъ римлянъ,
За исключеньемъ Цезаря, что Брутъ
Не хочетъ глазъ открыть, когда повсюду
Насиліе царитъ и произволъ.

Брутъ.

Меня вовлечь въ опасность хочешь ты,
Во мнѣ стараясь мысли пробудить,
Которыхъ не имѣлъ я.

Кассій.

Слушай, Брутъ!
Посредствомъ отраженья только можно

Себя увидѣть; зеркаломъ твоимъ
Я буду и съ смиреньемъ предъ тобою
Раскрою то, что о себѣ не знаешь.
Во мнѣ не сомнѣвайся, милый Брутъ:
Я не изъ тѣхъ, что съ вѣчною насмѣшкой
Глядятъ на жизнь. Я не изъ тѣхъ, что дружбу
Позорятъ, передъ каждымъ расточая
Пустыя увѣренія въ любви.
Въ глаза не льщу я людямъ, чтобъ затѣмъ
Ихъ поносить; пировъ я избѣгаю,
И дружбы съ недостойными людьми
Не завожу, а потому ты можешь
Довѣриться мнѣ смѣло. (*Слышны возгласы*).

Брутъ.

Что за крики?
Боюся я, что Цезаря народъ
Провозгласитъ царемъ.

Кассій.

Боишься ты,—
Такъ, вѣрно, этого ты не желаешь?

Брутъ.

О, нѣтъ, хоть крѣпко я люблю его...
Но ты зачѣмъ меня такъ долго держишь?
Скажи ты мнѣ, что сообщить хотѣлъ...
Коль рѣчь твоя общественнаго благо
Коснется, и ты выборъ мнѣ предложишь
Межъ честью или смерть,—выборъ мой,
Повѣрь, не долго ждать себя заставитъ:
Я честь люблю, то знаете вы, боги,
И къ ней любовь сильнѣе страха смерти!

Кассій.

Я знаю, Брутъ, что эта добродѣтель
Въ твоей душѣ, и потому о чести
Съ тобою я бесѣду поведу.
Не знаю я, какъ думаютъ другіе
И ты объ этой жизни, но по мнѣ
Отраднѣе не жить, чѣмъ трепетать
Предъ существомъ, что вамъ во всемъ подобно.
Мы родились свободными, какъ Цезарь;
Мы одинаково вскормлены; какъ онъ,
Переносить мы можемъ зимній холодъ.
Мнѣ помнится, однажды въ бурный день,
Когда ревущій Тибръ, покрытый пѣной,
Изъ береговъ рвался въ остервенѣньи,
Мнѣ Цезарь такъ сказалъ: „Дерзнешь ли, Кассій,
Ты броситься въ клокочущія волны
И плыть со мной къ условленному мѣсту?“
Ни слова не сказавъ, совсѣмъ одѣтый,
Я бросился въ бушующую рѣку
И крикнулъ, чтобъ онъ слѣдовалъ за мною.
Поплылъ и онъ. Ревѣлъ и злился Тибръ.
Мы мощными руками разсѣкали
Клубящіяся волны, отъ себя
Отбрасывая ихъ въ борьбѣ тяжелой.
Вдругъ гордый Цезарь, цѣли не достигнувъ,
Мнѣ закричалъ: „О, Кассій, помоги!
Иль я пойду ко дну“. Къ нему подплылъ я
И Цезаря, что выбился изъ силъ,
Я вытащилъ изъ волнъ ревущихъ Тибра,
Какъ нѣкогда великій предокъ нашъ,
Эней, изъ Трои вынесъ на плечахъ
Анхиза престарѣлаго. Теперь

Онъ богомъ сталъ, и жалкій Кассій долженъ
Сгибаться передъ нимъ, когда небрежно
Ему кивнуть угодно головой.
Въ Испаніи, когда онъ въ лихорадкѣ
Лежалъ, во время приступовъ ея
Онъ весь дрожалъ; да, этотъ богъ дрожалъ!
Съ его трусливыхъ губъ сбѣжала краска,
И взоръ, что цѣлый міръ приводитъ въ трепетъ,
Совсѣмъ померкъ. Я слышалъ, какъ онъ охалъ;
Его уста, которыхъ изреченья
Записываютъ римляне, шептали
Такъ жалобно, какъ дѣвочка больная:
„Титиній, дай мнѣ пить“. Я удивляюсь,
О, боги, что такой тщедушный смертный
Повелѣваетъ міромъ и одинъ
Надъ всѣми первенствуетъ.

Брутъ.

Снова крики!
Въ нихъ вижу доказательство того,
Что почестями новыми народъ
Осыпалъ Цезаря.

Кассій.

Онъ, какъ колоссъ,
Загромоздилъ нашъ узкій міръ собою,
А мы, созданья жалкія, снуемъ
Межъ ногъ его громадныхъ и пугливо,
Глядя кругомъ, могилъ безславныхъ ищемъ!..
Повѣрь мнѣ, Брутъ, что можетъ человѣкъ
Располагать судьбой, какъ хочетъ.
Не въ звѣздахъ, нѣтъ, а въ насъ самихъ ищи
Причину, что ничтожны мы и слабы.
Поставимъ рядомъ Цезаря и Брута--

Что жъ въ Цезарѣ особеннаго есть?
Зачѣмъ, ты объясни мнѣ, это имя
Должны мы слышать чаще твоего?
Ихъ рядомъ напиши—они другъ другу
Въ красѣ не уступаютъ; рядомъ ихъ
Произнеси—и оба благозвучны;
Коль взвѣсишь ихъ—и оба полновѣсны.
Ты ими заклинай—и такъ же сильно
Подѣйствуетъ на чувства имя Брута,
Какъ имя Цезаря. Скажите, боги,
Какою же невѣдомою пищей
Питается нашъ Цезарь, что такъ скоро
И такъ ужасно выросъ? Жалкій вѣкъ!
Ты опозоренъ, Римъ! Утратилъ ты
Способность создавать мужей великихъ!
Случалось ли хоть разъ, отъ дней потопа,
Чтобъ поколѣнье цѣлое людей
Прославилось однимъ лишь человѣкомъ?
До сей поры сказалъ ли кто-нибудь,
Что одного лишь мужа славный Римъ
Въ стѣнахъ своихъ обширныхъ заключаетъ?
Теперь же—это истина. О, Римъ!
Имѣя одного лишь человѣка,
Ты опустѣлъ! А отъ отцовъ и дѣдовъ
Слыхали мы, что жилъ когда-то Брутъ,
Который, словно чорта, властелина
Не потерпѣлъ бы въ Римѣ.

Брутъ.

Я нисколько
Въ твоей любви не сомнѣваюсь, Кассій.
Отчасти я угадываю то,
Къ чему ты хочешь приготовить...

Что думаю о нашемъ положеньи—
Я сообщу тебѣ въ другое время;
Теперь же не разстраивай меня!
Обдумаю, что сказано тобою,
И выслушать готовъ, что остается
Тебѣ сказать. Чтобъ говорить о дѣлѣ,
Удобнѣе должны мы выбрать время.
А до того довольствуйся и этимъ.
Такіе мы переживаемъ дни
И столько бѣдъ мнѣ видится въ грядущемъ,
Что мнѣ отраднѣй было бъ превратиться
Въ простого селянина, чѣмъ носить
Названье сына Рима!

Кассій.

Счастливъ я,
Что слабыми словами могъ извлечь
Хоть искру изъ души великой Брута.

Брутъ.

Окончен бѣгъ; идетъ обратно Цезарь.

Кассій.

Когда онъ будетъ мимо проходить
Со свитой, Каску дерни за рукавъ—
И онъ съ обычной желчностью разскажетъ
Все то, что было важнаго сегодня.

(*Цезарь со свитой возвращается*).

Брутъ.

Такъ сдѣлаю. На Цезаря взгляни:
Его чело и пасмурно, и гнѣвно;
А остальные идутъ, какъ рабы,
Что выговоръ тяжелый получили.

Кальфурнія блѣдна, и Цицеронъ
Такія искры мечетъ изъ очей,
Какъ это мы видали въ Капитольи,
Когда ему противорѣчить смѣетъ
Какой-нибудь сенаторъ.

Кассій.

Это все
Намъ Каска разъяснитъ.

Цезарь.

Антоній!

Антоній.

Здѣсь я.

Цезарь.

Вокругъ себя желаю я имѣть
Людей лишь тучныхъ, что веселье любятъ
И спятъ спокойно ночью. Посмотри,
Какъ худъ и желченъ Кассій. Эти люди
Опасны.

Антоній.

Ты его не бойся, Цезарь:
Онъ благороденъ и благонамѣренъ.

Цезарь.

Желалъ бы я, чтобъ онъ тучнѣе былъ;
Но не боюсь его. Когда бъ со страхомъ
Я былъ знакомъ, никто не могъ бы мнѣ
Казаться такъ опаснымъ, какъ сухой
И злобный Кассій. Много онъ читаетъ
И любитъ наблюдать. Въ сердца людей
Онъ взоромъ проникаетъ и умѣетъ

Угадывать ихъ тайныя желанья.
Не любитъ игръ онъ, вотъ какъ ты, Антоній,
И музыку онъ слушать не охотникъ;
Онъ рѣдко улыбается и, если
Порою улыбнется, то какъ будто
Смѣется надъ собой иль негодуетъ
На то, что въ немъ улыбка пробудилась.
Такіе люди вѣчно недовольны,
Когда есть человѣкъ, что выше ихъ,
И потому они весьма опасны.
Я говорю, чего бояться должно;
Но самъ я не боюсь—я вѣчно Цезарь!
Направо перейди,—на это ухо
Я совершенно глухъ,—и мнѣ скажи,
Что ты, по правдѣ, думаешь о немъ.

(*Цезарь и его свита уходятъ. Каска остается.*)

Каска.

Ты дернулъ меня за плащъ: ты, вѣрно, хочешь поговорить со мной?

Брутъ.

Да, Каска, разскажи намъ, что случилось сегодня — и почему Цезарь такъ не въ духѣ.

Каска.

Зачѣмъ? Вѣдь вы были съ нимъ. Развѣ нѣтъ?

Брутъ.

Еслибъ былъ я съ Цезаремъ, я не спрашивалъ бы тебя, что случилось.

Каска.

Ему предложили вѣнецъ, и, когда онъ былъ ему предложенъ, Цезарь оттолкнулъ его рукою—вотъ такъ, и народъ сталъ выражать свою радость восторженными возгласами.

Брутъ.

Почему раздались эти крики во второй разъ?

Каска.

По той же причинѣ.

Кассій.

Возгласы раздались трижды. По какому случаю слышались они въ послѣдній разъ?

Каска.

Все по тому же.

Брутъ.

Развѣ три раза предлагали ему вѣнецъ?

Каска.

Да, три раза, и каждый разъ онъ все тише и тише отталкивалъ его, и при всякомъ отталкиваньи мои честные сосѣди оглашали воздухъ радостными криками.

Кассій.

Кто же предлагалъ ему вѣнецъ?

Каска.

Антоній.

Брутъ.

Любезный Каска, разскажи намъ обо всемъ этомъ подробно.

Каска.

Хоть повѣсьте меня, но всѣхъ подробностей не могу припомнить. Я знаю только, что это была пустѣйшая комедія, на которую я не обратилъ особаго вниманія. Я видѣлъ, что Антоній поднесъ ему вѣнецъ, и не совсѣмъ вѣнецъ—а вѣнецъ въ уменьшенномъ видѣ. Какъ я уже сказалъ, онъ оттолкнулъ его; но мнѣ показалось при этомъ, что онъ

это дѣлаетъ не безъ сожалѣнья. Антоній во второй разъ предложилъ ему вѣнецъ; на этотъ разъ мнѣ показалось, что онъ съ трудомъ отдѣлялъ отъ него свои пальцы. Послѣ этого Антоній и въ третій разъ поднесъ ему вѣнецъ, и въ третій разъ онъ отказался отъ него. Послѣ каждаго отказа толпа выражала свою радость неистовыми криками, хлопала своими мозолистыми руками, бросала вверхъ засаленныя шапки и такъ заразила воздухъ своимъ зловоннымъ дыханьемъ, по случаю того, что Цезарь отказывается отъ вѣнца, что Цезарь почти задохся: онъ лишился чувствъ и упалъ. Что касается до меня, я не смѣялся только отъ того, что боялся надышаться зараженнымъ воздухомъ, если открою ротъ.

Кассій.

Ты говоришь, что съ Цезаремъ сдѣлалось дурно?

Каска.

Да, онъ упалъ на площади съ пѣною у рта, и у него отнялся языкъ.

Брутъ.

Это весьма возможно: онъ подверженъ припадкамъ падучей болѣзни.

Кассій.

Нѣтъ этой болѣзни у Цезаря; но мы всѣ — и ты, и я, и честный Каска, подвержены ей.

Каска.

Я не знаю, что ты хочешь этимъ сказать: но я увѣренъ въ томъ, что Цезарь упалъ. И я тебя урѣзяю, что чернь рукоплескала ему и шикала совершенно такъ, какъ она это дѣлаетъ съ актерами въ театрѣ, смотря по тому, какъ ей нравилась его игра.

Брутъ.

Что онъ сказалъ, очнувшись?

Каска.

Еще до паденья, когда онъ замѣтилъ, что народъ радуется его отказамъ, онъ раскрылъ воротъ своего платья и предложилъ перерѣзать ему горло. Будь я ремесленникомъ, я скорѣе бы согласился отправиться въ адъ со всякими злодѣями, чѣмъ не исполнить немедленно его предложенья. Потомъ онъ упалъ. Когда онъ пришелъ въ себя, онъ попросилъ прощенья у высокаго собранья, если сказалъ или сдѣлалъ что нибудь неприличное, надѣясь, что оно припишетъ это его болѣзни. Три или четыре шлюхи, что стояли подлѣ меня, воскликнули: „О, добрая душа“, и простили его отъ всего сердца. Но это еще не имѣетъ большаго значенія, такъ какъ онѣ сдѣлали бы тоже самое, если бы даже Цезарь умертвилъ и матерей ихъ.

Брутъ.

И онъ затѣмъ оставилъ игры въ гнѣвѣ?

Каска.

Да.

Кассій.

Не говорилъ ли Цицеронъ?

Каска.

Да, но только по-гречески.

Кассій.

По какому же случаю?

Каска.

Этого я ужъ никакъ не могъ объяснить; но тѣ, которые понимали его, улыбались, покачивая головами; для меня же

это было чисто по-гречески. Вотъ еще новость: Маруллу и Флавію рты зажали за то, что они срывали украшенья съ изображеній Цезаря. Я бы могъ сообщить еще много глупаго, что было тамъ надѣлано, да всего не припомнишь.

Кассій.

Не хочешь ли поужинать со мной сегодня ночью, Каска?

Каска.

Нѣтъ, не могу—я отозванъ въ другое мѣсто.

Кассій.

Такъ не придешь ли завтра къ обѣду?

Каска.

Изволь, если буду живъ; но закажи такой обѣдъ, которымъ бы стоило позаняться.

Кассій.

Такъ я буду ждать тебя завтра.

Каска.

Хорошо. Простите оба. (*Уходитъ*).

Брутъ.

Какъ неуклюжъ онъ сталъ; а помнишь, въ школѣ
Какой онъ былъ живой и шустрый малый?

Кассій.

Таковъ онъ и теперь, когда участье
Онъ въ благородномъ дѣлѣ принимаетъ.
А эту неуклюжесть на себя
Накидываетъ только; въ ней приправа

Къ его остротамъ желчнымъ; съ нею легче
Его слова переваришь порою. .

Брутъ.

Быть-можетъ, такъ. Прощай. Коль хочешь, завтра
Къ тебѣ приду, чтобъ говорить о дѣлѣ.
Иль ты приди; я буду ждать тебя.

Кассій.

Приду къ тебѣ. А ты о томъ подумай,
Какъ жалокъ свѣтъ (*Брутъ уходитъ*).
Ты благороденъ, Брутъ,
Но и тебя возможно отклонить
Отъ твоего прямого назначенья;
Поэтому-то честнымъ людямъ надо
Сближаться лишь съ подобными себѣ.
Кто столько твердъ, что выше обольщеній?
Меня не терпитъ Цезарь. Будь я Брутомъ,
А мною—онъ, не могъ бы онъ меня
На свой настроить ладъ. Я въ окна Брута
Хочу подбросить нѣсколько записокъ,
Написанныхъ различно, чтобъ онъ думалъ
Что разные ихъ граждане прислали.
Во всѣхъ упомяну я о надеждахъ,
Что возлагаетъ Римъ на имя Брута,
Съ намеками неясными на то,
Какъ властолюбье Цезаря опасно!
Мы ждемъ, о, Цезарь! гибели твоей,
Иль сами доживемъ до худшихъ дней!

СЦЕНА III.

(Улица. Громъ и молнія. Съ разныхъ сторонъ входятъ Цицеронъ и Каска съ обнаженнымъ мечемъ).

Цицеронъ.

А, добрый вечеръ, Каска. Проводилъ ли
Ты Цезаря домой? Но отчего
Такъ трудно дышешь ты, дрожишь отъ страха?

Каска.

А развѣ ты спокойнымъ остаешься,
Когда земля колеблется, какъ море?
О, Цицеронъ! Порой видалъ я бури,
Когда ревущій вихрь валилъ на землю
Столѣтніе дубы; видалъ порою,
Какъ гордый океанъ, вздымаясь гнѣвно,
Старался доплеснуть до грозныхъ тучъ
Дымящуюся пѣну волнъ своихъ;
Но никогда, до этой страшной ночи,
Я огненнаго вихря не видалъ.
Иль небеса въ войнѣ междоусобной,
Иль хотятъ разгнѣванные боги
Разрушить міръ за всѣ его неправды!

Цицеронъ.

Что видѣлъ ты чудеснаго?

Каска.

Недавно
Какой-то рабъ,—его въ лицо ты знаешь,—
Вверхъ поднялъ руку лѣвую свою;
Она съ такою силой запылала,
Какъ если бъ двадцать факеловъ горѣло;

И что жъ—рука осталась невредимой.
На льва наткнулся я, близъ Капитолья
(Съ тѣхъ поръ меча не вкладывалъ въ ножны);
Онъ на меня взглянулъ и удалился,
Меня не тронувъ. Тутъ наткнулся я
На сотню женщинъ блѣдныхъ, искаженныхъ
Отъ ужаса. Онѣ столпились въ кучу.
Клялися мнѣ, что видѣли людей,
Огнемъ одѣтыхъ съ ногъ до головы,
Что мимо нихъ по улицамъ сновали.
Вчера ночная птица въ самый полдень
На площади усѣлась, оглашая
Окрестности своимъ зловѣщимъ крикомъ.
Когда такъ много видится чудесъ,
Нельзя сказать: „естественны они“.
Увѣренъ я, что горе предвѣщаютъ
Они мѣстамъ, въ которыхъ проявились.

Цицеронъ.

Дѣйствительно, все это очень странно;
Но люди, объясняя иногда
По своему явленія природы,
Въ нихъ видятъ то, чего въ нихъ вовсе нѣтъ.
Придетъ ли завтра Цезарь въ Капитолій?

Каска.

Придетъ. Онъ даже поручилъ Антонью
Тебѣ сказать, что будетъ.

Цицеронъ.

Доброй ночи!
Гулять нельзя, когда такъ грозно небо...
Прости. (*Цицеронъ уходитъ*).

(*Входитъ Кассій*).

Кассій.

Кто здѣсь?

Каска.

Сынъ Рима.

Кассій.

Мнѣ сдается,
Что этотъ голосъ—Каски.

Каска.

Слухъ твой вѣренъ.
Какая ночь, о, Кассій!

Кассій.

Людямъ честнымъ
Она пріятна.

Каска.

Кто предвидѣть могъ бы,
Что небеса такъ гнѣвомъ воспылаютъ!

Кассій.

Предвидѣть могъ бы тотъ, кому извѣстно
На сколько міръ нечестьемъ переполненъ.
Что до меня касается, ходилъ я
По улицамъ и подвергалъ себя
Опасностямъ ужасной этой ночи.
Ты видишь, Каска, грудь я обнажилъ
И подставлялъ ее ударамъ грома,
Когда, синѣя, молніи сверкали
И разверзали небо.

Каска.

О, зачѣмъ
Испытывать ты хочешь небеса?

Живущіе должны склоняться въ страхѣ
И трепетать, когда ихъ поражаютъ
Предвѣстьемъ бѣдъ разгнѣванные боги.

Кассій.

Ты духомъ палъ; въ тебѣ нѣтъ свѣтлыхъ чувствъ,
Что римлянинъ носить въ груди бы долженъ,
Иль ты скрываешь ихъ? Ты поблѣднѣлъ—
Дрожишь и ужасаешься, глядя
На странное негодованье неба.
Но если бъ ты добрался до причинъ
Всѣхъ этихъ сверхъестественныхъ явленій,—
Блуждающихъ огней, бродящихъ духовъ,
Тѣхъ перемѣнъ, что въ нравахъ замѣчаемъ,
Звѣрей и птицъ, тѣхъ странныхъ прорицаній,
Что дѣлаютъ безумцы, старики
И даже дѣти; грозныхъ измѣненій
Законовъ, что природой управляютъ,—
Ты понялъ бы, что небо шлетъ угрозы
Тревожными явленьями своими
Какой-нибудь чудовищной странѣ.
Тебѣ назвать могу я человѣка,
Который схожъ съ ужасной этой ночью:
Онъ молніей сверкаетъ, разражаясь
Громовыми ударами; могилы
Онъ разверзаетъ и рычитъ, какъ левъ,
Что въ Капитольи. Этотъ человѣкъ
Ничѣмъ другихъ людей не превосходитъ,
Но сдѣлался такъ силенъ и такъ грозенъ,
Что сталъ страшнѣй явленій этой ночи.

Каска.

О Цезарѣ ты, вѣрно, говоришь?

Кассій.

Не въ этомъ дѣло. Съ предками своими
Теперешніе римляне сходны
Сложеньемъ и лицомъ, но духъ отцовъ
Въ нихъ не горитъ и духомъ матерей
Онъ замѣнился. Въ гнетѣ ненавистномъ,
Что давитъ насъ, видна женоподобность,
Благодаря которой терпѣливо
Мы все выносимъ.

Каска.

Я отъ многихъ слышалъ,
Что Цезаря провозгласить царемъ
Сенаторы хотятъ, собравшись завтра.
Вѣнецъ царя вездѣ носить онъ будетъ,
Но только не въ Италіи.

Кассій.

Я знаю:
Будь правда это, гдѣ кинжалъ мой будетъ?
Отъ рабства Кассій Кассія избавитъ.
О, боги! съ этимъ слабый полонъ силъ!
О, боги! этимъ деспотовъ свергаютъ!
Ни каменныя башни, ни ограды,
Ни душныя темницы, ни оковы
Не могутъ силу духа обуздать...
И человѣкъ, коль цѣпи слишкомъ тяжки,
Всегда отъ нихъ освободиться можетъ.
Пусть знаетъ цѣлый міръ, какъ я то знаю,
Что рабства грузъ, гнетущій жизнь мою,
Когда хочу, всегда могу я свергнуть.

Каска.

Могу и я; и самый жалкій рабъ
Имѣетъ власть порвать свои оковы.

Кассій.

Зачѣмъ же Цезарь хочетъ быть тираномъ?
О, бѣдный! Онъ не могъ бы волкомъ быть,
Когда бъ не зналъ, что римляне бараны;
Не сталъ бы львомъ, будь римляне не серны;
Кто хочетъ развести большой огонь,
Сначала жжетъ солому. Жалокъ Римъ
И гнусенъ, если служитъ матерьяломъ,
Чтобъ освѣщать ничтожество такое,
Какъ Цезарь! Замолчи, о, голосъ скорби!
Я, можетъ быть, все это говорю
Передъ рабомъ, что цѣпь свою цѣлуетъ;
Тогда я за слова свои отвѣчу.
Но я вооруженъ и съ равнодушьемъ
Взираю на опасность.

Каска.

Не забудь,
Что съ Каской говоришь ты, съ человѣкомъ,
Что на доносъ всегда смотрѣлъ съ презрѣньемъ;
Какъ другъ, тебѣ протягиваю руку;
Сбирай людей, чтобъ отвратить бѣду,
И знай: никто такъ не пойдетъ далеко,
Какъ я.

Кассій.

Союзъ мы можемъ заключить.
Я уже много римлянъ благородныхъ
Склонилъ на предпріятье, что опасно,
Но вмѣстѣ съ этимъ славно. Всѣ они
Подъ портикомъ Помпея ждутъ меня.
Въ такую ночь ужасную нельзя
По улицамъ ходить, когда стихіи

И пламенны, и грозны, и кровавы,
Какъ дѣло, что хотимъ мы совершать.

Каска.

Остерегись, къ намъ идутъ.

Кассій.

Эти Цинна—
Я по походкѣ узнаю его.
Его бояться нечего—онъ другъ.

(*Входитъ Цинна*).

Куда спѣшишь ты, Цинна?

Цинна.

Я тебя
Вездѣ ищу. Съ тобою, вѣрно, Цимберъ?

Кассій.

Нѣтъ, это Каска. Онъ въ союзѣ съ нами.

Цинна.

Весьма доволенъ этимъ. Что за ночь!
Двоимъ или троимъ изъ насъ случилось
Свидѣтелями быть явленій страшныхъ.

Кассій.

Что, ждутъ меня?

Цинна.

Да, Кассій. Какъ бы надо
Уговорить и Брута къ намъ примкнуть!

Кассій.

Объ этомъ не заботься, добрый Цинна.
Вотъ эту ты записку положи

На преторское кресло, чтобы Брутъ
Ее найти бы могъ. Другую брось
Въ его окно; а эту прилѣпи
Ты воскомъ къ Брута стараго статуѣ.
Затѣмъ приди въ условленное мѣсто,
Гдѣ насъ найдешь. Скажи, Требоній тамъ ли
И Децій Брутъ?

Цинна.

Всѣ въ сборѣ, только нѣтъ
Метелла, что послали за тобой.
Сейчасъ твои записки отнесу.

Кассій.

Исполнивши, спѣши въ театръ Помпея.

(*Цинна уходитъ*)

Мы до разсвѣта Брута посѣтимъ,
Три четверти его ужъ въ нашей власти;
Еще одно свиданье—и онъ нашъ.

Каска.

Его народъ глубоко уважаетъ:
Участіе его въ союзѣ нашемъ
Подѣйствуетъ, какъ бы волшебный жезлъ,
Мгновенно обращая въ добродѣтель,
Что въ насъ могло бы казаться преступленьемъ.

Кассій.

Ты хорошо его значенье понялъ:
Мы безъ него не можемъ обойтись...
Пойдемъ. Мы до зари разбудимъ Брута,
Чтобы его совсѣмъ уговорить. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ II.

СЦЕНА I.

Римъ.—Садъ Брута.

(*Входитъ Брутъ*).

Проснися, Люцій! По теченью звѣздъ
Я не могу узнать, какъ близокъ свѣтъ:
Проснися, Люцій. Какъ хотѣлъ бы я
Такъ крѣпко спать! Эй, Люцій! Эй, проснись!

(*Входитъ Люцій*).

Люцій.

Ты звалъ меня?

Брутъ.

Въ рабочій мой покой
Поставь свѣтильникъ и, когда зажжешь,
То приходи сказать.

Люцій.

Приказъ исполню. (*Уходитъ.*)

Брутъ.

Мы съ нимъ должны покончить непремѣнно...
Не для меня нужна его погибель,—
Для блага всѣхъ она необходима...
Вѣнца онъ добивается. На сколько
Его измѣнитъ онъ—лишь въ томъ вопросъ...

При блескѣ дня ехидна выползаетъ,—
И потому мы ходимъ осторожно...
Вѣнчать его? И что жъ?—увѣренъ я,
Что мы его снабдимъ опаснымъ жаломъ,
Съ которымъ онъ вредить по волѣ будетъ...
Опасна власть, когда съ ней совѣсть въ ссорѣ;
А цезарь, если правду говорить,
Разсудку никогда не подчинялъ
Своихъ страстей. Смиренье, какъ извѣстно,
Лишь лѣстница для юныхъ честолюбій;
Кто вверхъ идетъ, лицо къ ней обращаетъ;
Но лишь достигнетъ цѣли, къ ней спиной
Становится и смотритъ въ облака,
Съ презрѣньемъ обращаясь къ тѣмъ ступенямъ,
Что помогли ему на верхъ взобраться.
Такъ Цезарь можетъ сдѣлать; чтобъ не могъ—
Мы это зло должны предотвратить...
Опасности теперь не вижу я;
Но, если мы его усилимъ власть,
Изъ крайности одной въ другую крайность
Онъ бросится. А потому смотрѣть
Мы на него должны, какъ на змѣю,
Что изъ яйца не вышла. Дать ей время
Увидѣть свѣтъ—и также ядовита
Она, какъ всѣ другія змѣи, станетъ.
Ее убить должны мы въ скорлупѣ.

(*Входитъ Люцій*).

Люцій.

Зажегъ свѣтильникъ. Подошелъ къ окну,
Ища кремень, и вотъ нашелъ письмо;
Печать на немъ цѣла. Я вѣрно знаю,
Что не было его, какъ спать пошелъ я.

Брутъ.

Засни опять, еще до свѣта долго.
Не завтра ли настанутъ иды марта?

Люцій.

Не знаю.

Брутъ.

Посмотри въ календарѣ
И дай отвѣтъ.

Люцій.

Сейчасъ пойду узнать. (*Уходитъ.*)

Брутъ.

Съ такою силой молніи сверкаютъ,
Что я могу читать при свѣтѣ ихъ. (*Читаетъ.*)

О, Брутъ! ты спишь. Проснись, приди въ себя!
Ужели Римъ... глаголь, рази, спасай!
О, Брутъ, ты спишь! отъ сна очнуться надо!
Такія письма, съ нѣкоторыхъ поръ
Подбрасываютъ мнѣ довольно часто...
„Ужели Римъ...“ я такъ дополнить долженъ,—
Ужели Римъ склонитъ покорно выю,
Подъ игомъ властелина? Никогда!
Тарквинья предокъ мой изъ Рима выгналъ,
Когда его царемъ провозгласили...
„Глаголь, рази, спасай!“ Меня зовутъ
Разить и дѣйствовать. О, Римъ! клянусь,
Что, если мнѣ спасать тебя придется,
Рукою Брута ты доволенъ будешь. (*Люцій возвращается.*)
Четырнадцать дней марта ужъ прошло...

Брутъ.

Благодарю! Къ воротамъ поспѣши,—
Стучится кто то. (*Люцій уходитъ.*)

Сна не знаю я.
Съ тѣхъ поръ, какъ противъ Цезаря впервые
Меня возстановить старался Кассій...
Сравниться можетъ время, что проходитъ
Межъ совершеньемъ тягостнаго дѣла
И первымъ побужденіемъ къ нему,
Съ тревожнымъ сномъ иль грознымъ привидѣньемъ:
Въ то время духъ и смертныя орудья
Между собою держатъ совѣщанья,
И организмъ весь человѣка
Подобенъ небольшому государству,
Въ которомъ происходитъ возмущенье.
(*Люцій, возвращаясь.*)
Тебя желаетъ видѣть братъ твой, Кассій.

Брутъ.

Одинъ ли онъ?

Люцій.

Нѣтъ, съ нимъ еще другіе...

Брутъ.

Ихъ знаешь ли?

Люцій.

Отвѣтить не могу:
Такъ на глаза надвинуты ихъ шапки
И въ тоги такъ закутались они,
Что лица ихъ я разглядѣть не могъ...

Брутъ.

Пускай войдутъ. (*Люцій уходитъ.*)
То заговора члены.
О, заговоръ! тебѣ и ночью стыдно
Свое чело опасное открыть,
Когда все злое движется свободно..

Гдѣ днемъ тебѣ найти такой пріютъ,
Настолько мрачный, чтобы спрятать въ немъ
Свое лицо ужасное? Напрасно!
Такого не ищи. Скрывай себя
Улыбками и напускнымъ радушьемъ;
Коль выступишь ты въ настоящемъ видѣ,
То самъ Эребъ своимъ зловѣщимъ мракомъ
Тебя не оградитъ отъ наказанья...

(*Входятъ Кассій, Каска, Децій, Цинна, Метеллъ Цимберъ и Требоній.*)

Кассій.

Здорово, Брутъ! тебя мы безпокоимъ,
Такъ дерзко нарушая твой покой...

Брутъ.

Я часъ какъ всталъ; всю ночь я спать не могъ...
Знакомы ль мнѣ пришедшіе съ тобою?

Кассій.

Ты знаешь всѣхъ—и всѣ они тебя
Глубоко уважаютъ. Ихъ желанье,
Чтобъ о себѣ ты раздѣлялъ бы мнѣнье
Всѣхъ благородныхъ Римлянъ: вотъ—
Требоній.

Брутъ.

Я радъ ему.

Кассій.

А вотъ—и Децій Брутъ.

Брутъ.

Ему я также радъ.

Кассій.

Вотъ Каска, Цинна,
А вотъ Метеллъ Цимберъ.

Брутъ.

Всѣмъ очень радъ.
Скажите мнѣ, какой заботы тяжкой
Васъ давитъ гнетъ, что сна лишились вы?

Кассій.

Два слова я хочу тебѣ сказать. (*Брутъ и Кассій шепчутся.*)

Децій.

Вотъ начинаетъ ужъ востокъ свѣтиться.

Каска.

Ошибся ты.

Цинна.

Не долго утра ждать:
Межъ облаками полосы сѣдыя—
Предвѣстницы зари.

Каска.

Сознайтесь сами,
Что оба ошибаетесь. Заря
Восходитъ ближе къ югу. Тамъ она,
Куда мой мечъ указываетъ, если
Принять въ разсчетъ, что лишь начало года.
Два мѣсяца пройдетъ и заниматься
Она немного сѣвернѣе станетъ.
Теперь востокъ за самымъ Капитольемъ.

Брутъ.

Поочередно всѣ мнѣ дайте руки.

Кассій.

Нашъ уговоръ должны скрѣпить мы клятвой.

Брутъ.

О, нѣтъ! безъ клятвъ. Когда еще намъ мало
Народныхъ бѣдъ и собственнаго горя,
Когда намъ мало тяжкихъ испытаній
Текущихъ дней, то лучше разойдемся
И къ праздному назадъ вернемся ложу.
Пусть царствуетъ надменный произволъ,
Пока мы всѣ, по жребью, не погибнемъ.
Но если въ насъ достато́чно огня,
Какъ я увѣренъ въ томъ, чтобъ даже труса
Воспламенить во имя общей пользы
И робкимъ женамъ мужества придать,
Скажите мнѣ, сограждане, зачѣмъ
Нуждаться намъ въ стороннемъ побужденьи,
Когда насъ дѣло общее связало
И насъ влечетъ къ возстанью? Намъ порукой
Молчанье римлянъ, что, разъ давши слово,
Не могутъ отступиться отъ него.
Къ чему намъ клятвы, если честью чести
Обѣтъ даемъ, что дѣло совершимъ
Иль за него погибнемъ. Пусть клянутся
Жрецы и трусы, слабыя созданья,
Что переносятъ всякія не́правды
И шлютъ имъ свой привѣтъ. Такихъ людей,
Что заподозрить можно въ темномъ дѣлѣ,
Вы заставляйте клясться; но, прошу васъ,
Не запятнайте наше предпріятье,
Нашъ благородный пылъ предположеньемъ,
Что въ клятвѣ мы нуждаемся, чтобъ слово
Свое сдержать. Позорно сыну Рима—
Хоть только часть не совершить того,
Что обѣщалъ. Въ рожденьи незаконномъ
Его подозрѣвать всѣ будутъ въ правѣ...

Кассій.

Какъ думаете вы о Цицеронѣ?
Его не попытать ли? Я увѣренъ,
Что къ намъ въ союзъ съ охотою онъ вступитъ.

Каска.

Имъ пренебречь не слѣдуетъ.

Цинна.

Конечно!

Метеллъ.

Серебряные волосы его
Къ намъ привлекутъ общественное мнѣнье
И въ Римѣ намъ сторонниковъ прибавятъ.
Подумаютъ, что нашими руками
Его совѣты мудро управляли,
А также нашу юность и отвагу
Его почтенный видъ собой прикроетъ...

Брутъ.

Нѣтъ, на него разсчитывать не надо...
Онъ никогда участія не приметъ
Въ томъ дѣлѣ, что задумано другими.

Кассій.

Такъ нечего заботиться о немъ.

Каска.

Онъ, правду, пригодиться намъ не можетъ.

Децій.

Одинъ ли Цезарь долженъ только пасть?

Кассій.

Вопросъ ты предлагаешь очень кстати...
Я думаю, что будетъ пользы мало,
Коль Маркъ Антоній, Цезаря любимецъ,
Его переживетъ. Мы въ немъ найдемъ
Опаснаго противника. Онъ много
Имѣетъ средствъ, какъ вамъ не безызвѣстно,
Чтобъ намъ вредить. Предупредимъ опасность,
И пусть Антоній съ Цезаремъ падетъ.

Брутъ.

Нѣтъ, проливать не надо столько крови!
Неистовствомъ мы заклеймимъ себя,
Коль части тѣла станемъ отрубать,
Снявъ голову; Антоній же не больше—
Какъ Цезаря частица. Принести
Для общаго добра мы можемъ жертву,
Но мясниками намъ позорно быть.
Мы противъ духа Цезаря возстали,
А въ духѣ крови нѣтъ. О, если бъ можно
Покончить съ духомъ Цезаря безъ крови!
Но это невозможно безъ убійства.
Друзья мои, сразимъ его мы смѣло,
Но чужды кровожадности и гнѣва...
Какъ жертву для боговъ, его низложимъ,
Не растерзавъ его, какъ жалкій трупъ,
Что годенъ для собакъ. Пусть сердце наше
Послѣдуетъ примѣру господина,
Что съ хитростью къ убійству подстрекаетъ
Служителей своихъ, затѣмъ для вида
На нихъ же негодуетъ. Черезъ это
Нашъ замыселъ не будетъ ненавистенъ,
А всѣ его сочтутъ необходимымъ.

Когда его въ такомъ представимъ свѣтѣ,
Народъ за избавителей насъ приметъ,—
Не за убійцъ. Антоній же, повѣрьте,
Заботъ не стоитъ вашихъ. Онъ опасенъ,
Какъ Цезаря рука, когда самъ Цезарь
Лишился головы.

Кассій.

А все жъ онъ страшенъ,—
Такъ Цезарю глубоко преданъ онъ.

Брутъ.

Повѣрь, о немъ и говорить не стоитъ;
Коль Цезаря онъ любитъ, пусть умретъ
Съ тоски по немъ,—вотъ все, что сдѣлать можетъ...
Онъ даже и на это неспособенъ,
Широкому разгулу предаваясь.

Требоній.

Онъ не опасенъ: пусть себѣ живетъ;
Онъ самъ надъ этимъ послѣ посмѣется...

Брутъ.

Постойте, бьютъ часы.

Кассій.

Пробило три.

Требоній.

Намъ время разойтись.

Кассій.

Еще вопросъ,
Оставитъ ли свой домъ сегодня Цезарь?
Онъ съ нѣкоторыхъ поръ сталъ суевѣренъ

И мнѣніе свое перемѣнилъ
О предсказаньяхъ, снахъ и привидѣньяхъ...
Таинственныя знаменья природы,
Необычайный ужасъ этой ночи
И авгуровъ его увѣщеванья—
Ему придти, быть-можетъ, помѣшаютъ
Сегодня въ Капитолій.

Децій.

Будь покоенъ!
Коль онъ придти не хочетъ, я его
Заставлю измѣнить свое рѣшенье.
Онъ часто говоритъ, что носорога
Обманываютъ деревомъ, слона—
Посредствомъ ямы, зеркаломъ—медвѣдя,
Капканомъ—льва, а человѣка—лестью...
Когда жъ я говорю ему, что Цезарь
Льстецовъ не терпитъ, онъ со мной согласенъ,
Не замѣчая, что я льщу ему.
Я знаю, какъ за дѣло надо взяться,
И въ Капитолій приведу его.

Кассій.

Мы всѣ придемъ за нимъ.

Брутъ.

Къ восьми часамъ
Собраться мы должны, никакъ не позже.

Цинна.

Опаздывать не надо.

Метеллъ.

Кай Лигарій,
За похвалу Помпею, получилъ

Отъ Цезаря тяжелую обиду
И на него взбѣшенъ. Я удивляюсь,
Что мы его забыли.

Брутъ.

Другъ Метеллъ!
Зайди теперь къ нему; меня онъ любитъ
Не безъ причинъ. Скажи ему, чтобъ онъ
Ко мнѣ пришелъ; съ нимъ сговорюся я.

Кассій.

Вотъ занялась заря. Оставимъ Брута;
Намъ разойтись пора; но не забудемъ,
Что нами здѣсь обѣщано: докажемъ,
Что истые мы римляне.

Брутъ.

Друзья!
И весело и бодро выступайте,
Чтобъ замыселъ не обнаружить нашъ...
Какъ римскіе актеры, будьте тверды
И преданы задуманному дѣлу.
Прощайте. (*Всѣ уходятъ, кромѣ Брута.*)
Люцій, спишь? о, наслаждайся
Медвяною росой отдохновенья...
Заботъ не знаешь ты, ни тяжкихъ думъ,
И потому твой сонъ такъ крѣпокъ.

(*Входитъ Порція.*)

Порція.

Брутъ!

Брутъ.

Что это значитъ, Порція? Зачѣмъ
Такъ рано встала ты? Съ здоровьемъ слабымъ

На свѣжій воздухъ утра выходить
Тебѣ опасно.

Порція.

Вредно и тебѣ.
Зачѣмъ тайкомъ мое ты бросилъ ложе?
За ужиномъ вчера ты вдругъ вскочилъ
И зашагалъ по комнатѣ, вздыхая,
Скрестивъ въ раздумьи руки. На вопросъ:
Что сдѣлалось съ тобой?—суровый взглядъ
Ты бросилъ на меня. Когда жъ опять
Тебя спросила я: что это значитъ—
Ты голову свою руками стиснулъ,
Нетерпѣливо топая ногой.
Я отъ тебя отвѣта не добилась:
Когда свои разспросы продолжала,
Ты гнѣвнымъ мановеніемъ руки
Велѣлъ мнѣ выйти. Я повиновалась,
Боясь твое усилить раздраженье.
Я думала, что просто ты не въ духѣ,
Что иногда случается со всякимъ;
Но ты не ѣшь, не говоришь, не спишь,
И если бы лицо твое подверглось
Такимъ же перемѣнамъ, какъ характеръ,
Тебя узнать я не могла бы, Брутъ.

Брутъ.

Я боленъ, вотъ и все.

Порція.

Ты слишкомъ мудръ,
Чтобъ противъ нездоровья не принять
Необходимыхъ мѣръ.

Брутъ.

Я это сдѣлалъ.
Вернись къ себѣ и вновь предайся сну.

Порція.

Когда Брутъ боленъ, можно ли ему
Ходить полунагимъ, впивая сырость
Туманнаго разсвѣта? Если Брутъ
Недугомъ одержимъ, зачѣмъ покинулъ
Здоровое онъ ложе, чтобъ простудой,
Что на него навѣетъ холодъ ночи,
Болѣзнь свою усилить? Нѣтъ, не вѣрю...
Душевною заразой боленъ Брутъ;
Я, какъ жена его, имѣла бъ право
Ея причину знать. О, милый Брутъ,
Передъ тобой склоняю я колѣни...
Во имя красоты, которой я
Когда-то славилась; во имя клятвъ,
Что ты передо мною расточалъ;
Во имя насъ навѣкъ соединившей
Великой клятвы, что обоихъ насъ
Въ одно преобразила существо,—
Молю тебя: открой мнѣ скорбь свою.
Скажи, какихъ людей сегодня ночью
Ты принималъ; ихъ было шесть или семь;
Они скрывали лица и во мракѣ.

Брутъ.

Встань, милая.

Порція.

Когда бъ ты былъ, какъ прежде,
Мой милый Брутъ, скажи, зачѣмъ бы мнѣ

Склоняться предъ тобою? Развѣ было
Условіе такое въ нашемъ бракѣ,
Что тайнъ твоихъ я вѣдать не должна?
Ужели для того мы сочетались,
Чтобъ только я и трапезу, и ложе
Съ тобою раздѣляла и была
Порою собесѣдницей твоей?..
Въ предмѣстьяхъ-ли расположенья Брута
Влачиться я должна? О, если это такъ,
Любовница я Брута, не жена...

Брутъ.

Ты вѣрная и добрая жена—
И такъ же мнѣ мила, какъ капли крови,
Что движутся въ моемъ уныломъ сердцѣ.

Порція.

Будь это правда, я бы тайну знала.
Я женщина, но женщина такая,
Которую Брутъ въ жены выбралъ. Я,
Конечно, женщина; но я Катона дочь
И пользуюсь вездѣ хорошей славой.
Съ такимъ отцомъ и мужемъ, вѣрь мнѣ, Брутъ,
Храбрѣе я и тверже прочихъ женщинъ.
Скажи ты мнѣ рѣшенія свои—
И никому я тайны не открою.
Я рану нанесла себѣ въ бедро,
Чтобъ испытать себя. И если въ силахъ
Я перенесть безмолвно эту боль,
Мнѣ выдать ли коварно тайну мужа?

Брутъ.

О, боги! Я достойнымъ быть хотѣлъ бы
Такой жены. (*Стучатся.*)

Какой-то слышенъ стукъ.
Уйди на время, Порція. Ты скоро
Узнаешь тайны сердца моего.
Я выскажу тебѣ свои заботы
И мысли, что меня тревожатъ такъ.
Уйди скорѣй. Кто тамъ стучится, Люцій?

(*Уходитъ Порція входятъ Люцій и Лигарій.*)

Люцій.

Тебя больной какой-то хочетъ видѣть.

Брутъ.

То вѣрно Кай Лигарій, о которомъ
Мнѣ говорилъ Метеллъ. Оставь насъ, Люцій.
Какъ можешь, Кай?

Лигарій.

Я слабымъ языкомъ
Привѣтствую тебя.

Брутъ.

О, какъ некстати
Ты заболѣлъ и сталъ носить повязку.

Лигарій.

Не боленъ я, коль подвигъ благородный
Имѣетъ Брутъ въ виду.

Брутъ.

Такой имѣю.
Но можешь ли ты выслушать меня?

Лигарій.

Клянусь богами римскаго народа,
Что съ плечъ своихъ стряхаю я болѣзнь.

Мы всѣ тебя зовемъ душою Рима...
Потомокъ храбрый доблестнаго предка,
Ты исцѣлилъ, какъ волхвъ, мой падшій духъ—
И я готовъ идти, куда прикажешь;
Готовъ вступить въ неравную борьбу,
Надѣясь на успѣхъ. Скажи, что дѣлать?

Брутъ.

Больнымъ намъ возвратить здоровье надо.

Лигарій.

Здоровому иному не мѣшало бъ
Послать болѣзнь.

Брутъ.

И это надо сдѣлать.
Дорогой разскажу тебѣ, въ чемъ дѣло.

Лигарій.

Иди жъ—и съ сердцемъ вновь воспламененнымъ
Пойду я за тобой, не зная даже,
Что надо совершить; но мнѣ довольно,
Что Брутъ меня ведетъ.

Брутъ.

За мной иди! (*Уходятъ*).

СЦЕНА II.

Зала во дворцѣ Цезаря.—Громъ и молнія.

(*Входитъ Цезарь въ ночномъ одѣяніи*).

Цезарь.

Ни небо, ни земля сегодня ночью
Покоя не нашли. Во время сна

Кальфурнія звала на помощь трижды,
Чтобъ отъ убійства Цезаря спасти...
Эй, слуги! (*Входитъ слуга*).

Слуга.

Что угодно?

Цезарь.

Сей же часъ
Сказать жрецамъ, чтобъ жертву принесли,
И ихъ отвѣтъ мнѣ сообщить не медля! (*Слуга уходитъ*).
(*Входитъ Кальфурнія*).

Кальфурнія.

Ты выйти собираешься? Сегодня
Не долженъ ты изъ дому отлучаться.

Цезарь.

Я выйду. Мнѣ тогда грозитъ опасность,
Когда я къ ней спиной; но лишь она
Лицо увидитъ Цезаря, то сгинетъ.

Кальфурнія.

Ты знаешь, Цезарь, я не суевѣрна;
Но страхъ меня беретъ, когда я вспомню,
Что видѣли мы сами нынче ночью...
Ничто, въ сравненьи съ этимъ, тѣ явленья,
Что нынче стража видѣла въ смущеньи!
Средь улицъ Рима, львица окотилась...
Могилы разверзались и усопшихъ
Выбрасывали вонъ. Средь облаковъ,
Построившись въ ряды и легіоны,
По правиламъ военнаго искусства,

Въ огнѣ сражались всадники, и кровь
Текла на Капитолій. Битвы шумъ
Былъ ясно слышенъ въ воздухѣ; стонали
Сраженные въ бою—и ржали кони...
По улицамъ сновали привидѣнья
Съ унылымъ воемъ. Такъ необычайны
Явленья эти, что я ихъ страшусь.

Цезарь.

Нельзя того избѣгнуть, что богами
Назначено,—и Цезарь нынче выйдетъ.
Явленья этой ночи угрожаютъ
На столько жъ мнѣ, насколько и вселенной.

Кальфурнія.

Какъ нищій умираетъ—нѣтъ кометы;
Но сами небеса, воспламеняясь,
О смерти государей возвѣщаютъ.

Цезарь.

Трусъ и до смерти часто умираетъ;
Но смерть лишь разъ извѣдываетъ храбрый.
Изъ всѣхъ чудесъ, что видѣлъ я въ природѣ,
Необъяснимѣе всего лишь то,
Что людямъ смерть страшна, хотя всѣ знаютъ,
Что все жъ она придетъ въ свой часъ урочный.
(*Входитъ слуга*).
Какое мнѣнье авгуровъ?

Слуга.

Они
Совѣтуютъ тебѣ остаться дома:
Они у жертвы сердца не нашли...

Цезарь.

Такъ говорятъ, чтобъ трусовъ пристыдить:
И въ Цезарѣ самомъ не будетъ сердца,
Коль дома онъ останется изъ страха.
Не быть тому. Опасности извѣстно,
Что Цезарь самъ опаснѣе ея.
Мы съ нею львы, что въ тотъ же день родились:
Я старшій и страшнѣйшій. Выйду нынче.

Кальфурнія.

Увы! самонадѣянность твоя
Напрасно губитъ мудрости совѣты.
Останься дома. Всѣмъ сказать ты можешь,
Что этому виной моя трусливость.
Антонія къ сенаторамъ пошлемъ;
Онъ скажетъ имъ, что ты сегодня боленъ.
Молю тебя объ этомъ на колѣняхъ.

Цезарь.

Согласенъ я твою исполнить просьбу:
Антонія къ сенаторамъ пошлю.

(*Входитъ Децій*).

Вотъ Децій Брутъ,—онъ передастъ имъ это.

Децій.

Привѣтствую тебя, великій Цезарь!
Я за тобой пришелъ—идти въ Сенатъ.

Цезарь.

Ты во время пришелъ, чтобъ отнести
Сенаторамъ привѣтствіе мое
И имъ сказать, что не приду сегодня;
Что не могу—то лживо; что не смѣю—

То лживѣе еще; скажи имъ просто,
Что не приду.

Кальфурнія.

Скажи, что боленъ онъ.

Цезарь.

Не можетъ Цезарь лгать. Не для того
Онъ шествовалъ вездѣ побѣдоносно,
Чтобъ старикамъ бояться правду молвить...
Имъ передай, что Цезарь не придетъ.

Децій.

Но почему? скажи, могучій Цезарь,
Чтобъ надо мной они не посмѣялись,
Когда я передамъ твои слова.

Цезарь.

Причина та, что этого хочу я,—
И этого довольно для сената.
Но Децію, котораго люблю,
Открою настоящую причину.
Кальфурнія, жена моя, желаетъ,
Чтобъ дома я остался. Ей приснилось,
Что сотнями отверстій, какъ фонтанъ,
Изъ статуи моей лилася кровь;
Что римляне веселою толпою
Въ ней руки омывали, улыбаясь.
И этотъ сонъ ей кажется предвѣстьемъ
Великихъ близкихъ бѣдствій. На колѣняхъ
Не выходить она меня просила.

Децій.

Невѣрно истолкованъ этотъ сонъ:
Онъ предвѣщаетъ счастье и успѣхъ.

Изъ статуи твоей струилась кровь,
И римляне въ ней омывали руки,—
То значитъ, что собой великій Римъ
Ты оживишь, что ринутся къ тебѣ
Толпою знаменитѣйшіе люди,
Ища отличій, почестей и славы.
Вотъ то, что этотъ сонъ обозначаетъ.

Цезарь.

Онъ хорошо тобою истолкованъ...

Децій.

Ты убѣдишься въ правдѣ словъ моихъ,
Когда узнаешь, что сенатъ рѣшилъ
Вѣнецъ царя поднесть тебѣ сегодня...
И если скажешь ты, что не придешь,
Онъ можетъ измѣнить свое рѣшенье;
Къ тому жъ, еще сказать въ насмѣшку могутъ:
„Отложимъ засѣданіе сената,
Пока супруга Цезаря увидитъ
Благопріятный сонъ“. Коль Цезарь будетъ
Скрываться, то иной, пожалуй, скажетъ,
Что Цезарь струсилъ. Изъ любви къ тебѣ
Такъ говорить осмѣливаюсь я...
Прости, что надъ разсудкомъ верхъ беретъ
Моя любовь.

Цезарь.

Какъ мнѣ смѣшны теперь
Кальфурніи пустыя опасенья...
Мнѣ стыдно, что я ей хотѣлъ поддаться...
Одѣться дайте мнѣ. Иду въ сенатъ!

(*Входятъ Публій, Брутъ, Лигарій, Метеллъ, Каска, Требоній и Цинна*).

За мной пришелъ и Публій.

Публій.

Здравствуй, Цезарь!

Цезарь.

Здорово, Публій! Вотъ и ты какъ рано
Поднялся нынче, Брутъ! Привѣтъ мой, Каска.
А вотъ и Кай Лигарій. Лихорадка,
Что такъ съ тобой сурово обошлась,
Враждебнѣе къ тебѣ, чѣмъ Цезарь самъ.
Который часъ?

Брутъ.

Пробило только восемь.

Цезарь.

Васъ всѣхъ благодарю я за почетъ...

(*Входитъ Антоній*).

Что вижу! и Антоній между нами,
Хоть въ пиршествахъ всѣ ночи онъ проводитъ.
Привѣтъ ему!

Антоній.

И Цезарю привѣтъ!

Цезарь.

Пусть слуги приготовятъ все, что надо!
Я виноватъ, что ждать васъ заставляю...
Вотъ Цинна, вотъ Метеллъ, а вотъ Требоній...
Поговорить съ тобою долженъ я.
Не позабудь сюда зайти сегодня
И ближе стань ко мнѣ, чтобъ о тебѣ
Я не забылъ.

Требоній.

Исполню это, Цезарь! (*Въ сторону*).
Такъ близко стану я, что пожалѣютъ
Твои друзья, что не стоялъ я дальше!

Цезарь.

Друзья! прошу васъ всѣхъ со мной откушать—
И, какъ друзья, отсюда выйдемъ вмѣстѣ!..

Брутъ (*въ сторону*).

Не такъ, о, Цезарь! Думая объ этомъ,
У Брута грудь сжимается отъ боли.

СЦЕНА III.

Улица близъ Капитолія.

(*Входитъ Артемидоръ, читая бумагу*).

Артемидоръ.

„Цезарь, остерегайся Брута, избѣгай Кассія, не подходи къ Каскѣ, слѣди за Цинной, не довѣряйся Требонію, замѣчай, что будетъ дѣлать Метеллъ Цимберъ; тебя не любитъ Децій Брутъ; ты обидѣлъ Кая Лигарія. У всѣхъ этихъ людей только одна забота, и она направлена противъ Цезаря. Если ты не безсмертенъ, то прими мѣры, чтобъ оградить себя отъ нихъ: безнаказанность порождаетъ заговоры. Всемогущіе боги да защитятъ тебя.

Преданный тебѣ Артемидоръ“.

Здѣсь на дорогѣ Цезаря я стану,
И, какъ проситель, я вручу ему
Бумагу эту. Больно мнѣ, что доблесть
Всегда живетъ у зависти въ зубахъ...
Прочтешь письмо, о, Цезарь! и спасешься;
А нѣтъ—судьба съ злодѣями въ союзѣ...

СЦЕНА IV.

Другая часть той же улицы передъ домомъ Брута.

(*Входятъ Порція и Люцій*).

Порція.

Прошу тебя, бѣги скорѣй въ Сенатъ.
Не отвѣчай мнѣ и бѣги скорѣй.
Что жъ ты стоишь?

Люцій.

Дай порученье мнѣ...

Порція.

Хотѣла бъ я, чтобъ ты уже вернулся,
Приказа моего не дожидаясь...
(*Въ сторону*) Не измѣняй мнѣ вѣрность! Между сердцемъ
И языкомъ моимъ воздвигну гору...
Во мнѣ мужчины духъ, но съ женской силой
Какъ трудно тайну женщинѣ хранить!
Ты еще здѣсь?

Люцій.

Что приказать изволишь?
Скажи, зачѣмъ бѣжать мнѣ въ Капитолій?
Какой отвѣтъ оттуда принести?

Порція.

Здоровъ ли господинъ твой—ты узнай...
Себя онъ дурно чувствовалъ сегодня...
Замѣть, что Цезарь дѣлаетъ и кто
Вокругъ него толпится? Что за шумъ?

Люцій.

Я ничего не слышу.

Порція.

Чу! по вѣтру
Доносится какъ будто схватки гулъ
Отъ Капитолья?

Люцій.

Ничего не слышу.

(*Входитъ предсказатель*).

Порція.

Иди сюда, любезный! Ты откуда?

Предсказатель.

Я изъ дому.

Порція.

Который часъ теперь?

Предсказатель.

Должно-быть, часъ девятый.

Порція.

Въ Капитоліи
Пошелъ ли Цезарь?

Предсказатель.

Нѣтъ еще. Я вышелъ,
Чтобъ посмотрѣть на шествіе его.

Порція.

Есть у тебя прошеніе?

Предсказатель.

Да, есть,
И, если Цезарь будетъ къ Цезарю такъ добръ,
Я попрошу его быть осторожнѣй.

Порція.

Но развѣ онъ въ опасности?

Предсказатель.

Быть-можетъ,
Я многаго страшусь. Затѣмъ прости...
Здѣсь мѣсто слишкомъ узко. Такъ всегда
За Цезаремъ снуетъ народа много,
Такъ свита многочисленна его,
Что могутъ задавить до полусмерти
Больного старика. Я постараюсь
Найти просторнѣй мѣсто, чтобъ успѣть
Съ нимъ говорить, когда пройдетъ онъ мимо.

(*Уходитъ*).

Порція.

Теперь должна вернуться я домой.
Какъ слабо сердце женщины. О, Брутъ!
Молю боговъ, чтобъ помогли они
Исполнить предпріятіе твое.
Едва дышу. Я знаю, что у Брута
Есть просьба, на которую отказомъ
Отвѣтитъ Цезарь. Я дрожу отъ страха...
Бѣги скорѣе, Люцій! Поклонись
Ты Бруту отъ меня; скажи ему,
Что я не безпокоюсь, и съ отвѣтомъ
Немедленно оттуда воротись. (*Уходятъ*).

ДѢЙСТВІЕ III.

СЦЕНА I.

Римъ.—Передъ Капитоліемъ.—Сенатъ въ засѣданіи.—Толпа народа на улицѣ, ведущей къ Капитолію. Въ толпѣ Артемидоръ и предсказатель, музыка.

(*Входятъ: Цезарь, Брутъ, Кассій, Каска, Децій, Метеллъ, Требоній, Цинна, Антоній, Лепидъ, Попилій и др.*).

Цезарь.

Ну, вотъ—и наступили иды марта.

Предсказатель.

Да, Цезарь, но еще не миновали.

Артемидоръ.

Привѣтъ тебѣ! прочти бумагу эту.

Децій.

Требоній также проситъ, чтобы ты
Прочелъ его смиренное прошеніе.

Артемидоръ.

О, Цезарь! ты мое прочти сначала:
Оно тебя касается. Не медля,
Прочти его.

Цезарь.

Могу прочесть и послѣ,
Коль до меня касается оно.

Артемидоръ.

Прочти его, минуты не теряя!

Цезарь.

Онъ вѣрно обезумѣлъ.

Публій.

Прочь съ дороги!

Кассій.

Зачѣмъ ты подаешь свое прошеніе
На улицѣ? Отправься въ Капитолій!

(*Цезарь входитъ въ Капитолій; остальные слѣдуютъ за нимъ. Сенаторы встаютъ*).

Попилій.

Желаю вамъ сегодня я успѣха!

Кассій.

Успѣха въ чемъ, Попилій?

Попилій.

До свиданья!

(*Подвигается къ Цезарю.*)

Брутъ.

Что говорилъ тебѣ Попилій Лена?

Кассій.

Онъ пожелалъ, чтобъ наше предпріятье
Успѣхомъ увѣнчалось. Я боюсь,
Что заговоръ открытъ.

Брутъ.

Слѣди за нимъ!
Онъ къ Цезарю подходитъ.

Кассій.

Надо, Каска,
Смѣлѣй разить. Боюсь предупрежденья...
Что дѣлать, Брутъ, коль заговоръ открытъ?
Иль Цезарю, иль Кассію домой
Сегодня не вернуться. Коль извѣстенъ
Нашъ замыселъ, я умерщвлю себя.

Брутъ.

Не падай духомъ, другъ! Попилій Лена
Не намекалъ на наше предпріятье.
Ты видишь, онъ съ улыбкой говоритъ—
И Цезарь не мѣняется въ лицѣ.

Кассій.

Требоній намъ усердно помогаетъ:
Антонія онъ въ сторону отводитъ.
(*Выходятъ Требоній и Антоній. Цезарь и сенаторы садятся*).

Децій.

Но гдѣ же Цимберъ? Надо бы ему
Свое прошенье Цезарю подать.

Брутъ.

Подходитъ онъ; къ нему скорѣй на помощь
Мы двинуться должны.

Цинна.

Ты первый, Каска,
Свою поднимешь руку.

Каска.

Всѣ ль готовы?

Цезарь.

Чѣмъ недовольны вы? Какое зло
И Цезарь, и сенатъ должны теперь
Искоренить?

Метеллъ.

О, всемогущій Цезарь,
Передъ тобой смиренно я склоняюсь (*падаетъ на колѣни*).

Цезарь.

Тебя предупредить я долженъ, Цимберъ,
Что подлое твое низкопоклонство
И ползанье прійтись по вкусу могутъ
Лишь самому пустому человѣку,
Что можетъ измѣнять свои рѣшенья,
Ихъ превращая въ дѣтскій произволъ.
Не думай, что и Цезарь такъ безуменъ,
Что средствами, достойными глупцовъ,
Слащавыми и льстивыми рѣчами,
Поклонами и ласкою собачьей
Его умаслить можешь. Братъ твой изгнанъ
Законно. Если ты колѣна гнешь
И жалко льстишь, чтобъ я простилъ его,—
Тебя, какъ пса, отталкиваю я.
Не можетъ Цезарь быть несправедливымъ
И безъ причинъ рѣшенья не измѣнитъ.

Метеллъ.

Увы! мой голосъ вѣса не имѣетъ!
Ужель мой братъ межъ вами не найдетъ

Заступника, что Цезаря упроситъ
Его вернуть изъ дальняго изгнанья?

Брутъ.

О, Цезарь! я твою цѣлую руку,
Но не изъ лести: я прошу тебя
Его вернуть изъ ссылки.

Цезарь.

Какъ, и Брутъ!

Кассій.

Прощенья просимъ мы, прощенья, Цезарь!
Къ ногамъ твоимъ склоняется и Кассій,
О возвращеньи Цимбера прося...

Цезарь.

Будь я подобенъ вамъ, я уступилъ бы.
Смягчиться можетъ тотъ, кто самъ способенъ
Себѣ просить смягченья у другихъ;
Но неизмѣненъ я, какъ неизмѣнна
Полярная звѣзда: она недвижна—
И въ цѣломъ небѣ нѣтъ подобной ей.
На небѣ много звѣздъ; ихъ всѣхъ не счесть,
И всѣ онѣ блестятъ и всѣ мерцаютъ,
Но лишь одна не измѣняетъ мѣста.
Такъ и людей живетъ на свѣтѣ много;
Но люди—плоть и кровь, а потому
Они и перемѣнчивы, и слабы.
Межъ ними знаю я лишь одного,
Который чуждъ минутныхъ колебаній
И вѣчно неизмѣненъ: это—я.
Рѣшивъ изгнанье Цимбера однажды,
Не измѣню я этого рѣшенья...

Цинна.

О, Цезарь!

Цезарь.

Прочь! Олимпа ты не сдвинешь.

Децій.

Великій Цезарь!..

Цезарь.

Даже Брутъ напрасно
Передо мной колѣни преклонилъ.

Каска.

Вы, руки, говорите за меня!

(*Каска вонзаетъ кинжалъ въ шею Цезаря. Цезарь схватываетъ его за руку; въ это время и другіе заговорщики вонзаютъ въ него кинжалы; послѣднимъ ударяетъ его Маркъ Брутъ*).

Цезарь.

Et tu, Brute? *)
О, Брутъ, и ты? Такъ умирай же, Цезарь!

(*Умираетъ. Сенаторы и народъ убѣгаютъ, пораженные ужасомъ*).

Цинна.

Свобода, воля! Нѣтъ тирана больше!
По улицамъ провозглашайте это!

Кассій.

Трибуны занимайте и кричите:
Свобода, воля и освобожденье!..

---

*) *Et tu, Brute?* — выраженіе не латинское, вмѣсто: «Tu quoque, Brute?» — Неизвѣстно, зачѣмъ эта латинская фраза, да еще въ испорченномъ видѣ, явилась въ англійскомъ оригиналѣ, когда тутъ же, въ стихѣ, предлагается и переводъ ея. *Ред.*

Брутъ.

Сенаторы и граждане, не бойтесь!
Не обращайтесь въ бѣгство: властолюбью
Мы только отплатили старый долгъ.

Каска.

Иди къ трибунѣ, Брутъ...

Децій.

Ты, Кассій, тоже.

Брутъ.

Гдѣ жъ Публій?

Цинна.

Здѣсь, но потрясенъ глубоко.

Метеллъ.

Сплотиться мы должны, чтобъ дать отпоръ,
Коль Цезаря друзья на насъ нагрянутъ...

Брутъ.

Что говорить о томъ! Не бойся, Публій!
Тебѣ вреда мы сдѣлать не хотимъ
И никому изъ римлянъ. Такъ скажи имъ...

Кассій.

Оставь насъ, добрый Публій. Можетъ-быть,
Насъ поглотитъ народная волна
И старости твоей не пощадитъ,
Какъ будешь съ нами.

Брутъ.

Да, уйди. Отвѣтить
Должны лишь тѣ, кто дѣло совершилъ.

(*Требоній возвращается*).

Кассій.

Требоній возвратился. Гдѣ жъ Антоній?

Требоній.

Домой онъ убѣжалъ, объятый страхомъ.
Мужчины, жены, дѣти—всѣ рыдаютъ
И мечутся отъ ужаса, какъ будто
Насталъ конецъ вселенной.

Брутъ.

Мы узнаемъ
Судьбы предназначенья. Всѣмъ извѣстно,
Что смерть удѣлъ живущихъ. Жизнь продлить—
Вотъ вся забота смертныхъ.

Кассій.

Кто похитилъ
У жизни двадцать лѣтъ, похитилъ столько жъ
У страха смерти.

Брутъ.

Если такъ, то смерть
Большое благо, и, освободивъ
Отъ страха смерти Цезаря, мы съ нимъ
По дружески, по братски поступили.
Сюда идите, римляне! По локти
Въ его крови свои омоемъ руки
И, обративъ мечи, пойдемъ на площадь,
Кровавыми мечами потрясая.
Пусть всѣ кричатъ: „свобода, миръ и воля“!

Кассій.

Сюда! сюда! омоемъ руки кровью...
Вѣка пройдутъ и сколько, сколько разъ

Ужасное дѣянье повторится
Средь царствъ грядущихъ дней, среди народовъ
Невѣдомыхъ еще.

Брутъ.

И сколько разъ
По прихоти въ крови склонится Цезарь,
Что здѣсь лежитъ у статуи Помпея,
Какъ жалкій прахъ.

Кассій.

И каждый разъ насъ будутъ
Спасителями родины считать...

Децій.

Пора намъ выступить.

Кассій.

Пойдетъ за Брутомъ!
Храбрѣйшіе и лучшіе изъ Римлянъ
Пойдутъ за нимъ.

Брутъ.

Къ намъ посланный идетъ,
Антонія сторонникъ.
(*Входитъ слуга и становится на колѣни предъ Брутомъ*).

Слуга.

Маркъ Антоній,
Мой господинъ, велѣлъ мнѣ передъ Брутомъ
Склонить колѣни и у ногъ его,
Во прахѣ распростершись, такъ сказать:
„Брутъ благороденъ, мудръ и смѣлъ, и честенъ,
И Цезарь былъ могущественъ и храбръ,
Величественъ и любящъ. Передай,
Что Брута я люблю и почитаю;

Что Цезаря боялся и любилъ,
И уважалъ глубоко. Если Брутъ
Поручится, что можетъ безопасно
Къ нему прійти Антоній, чтобъ узнать
Причину смерти Цезаря, Антоній
Живого Брута болѣе полюбитъ,
Чѣмъ Цезаря усопшаго, и съ Брутомъ
Съ усердіемъ и вѣрностью готовъ
Вступить въ союзъ, съ нимъ раздѣляя вмѣстѣ
Случайности невѣдомой дороги".
Такъ передать велѣлъ мнѣ Маркъ Антоній.

Брутъ.

Онъ римлянинъ и мудрый, и отважный;
Его всегда я почиталъ такимъ...
Скажи ему, что можетъ онъ прійти,
Что на его вопросы я отвѣчу
И честью поручаюсь, что ему
Не сдѣлаютъ вреда.

Слуга.

Схожу за нимъ (*уходитъ*).

Брутъ.

Я знаю, что онъ будетъ нашимъ другомъ...

Кассій.

Я этого желалъ бы; но его
Невольно опасаюсь и наврядъ ли
Предчувствіемъ обманутъ буду я.

(*Входитъ Антоній*).

Брутъ.

Но вотъ и онъ. Антонію привѣтъ!

Антоній.

О, мощный Цезарь, ты лежишь во прахѣ!
Предъ славою твоихъ завоеваній,
Тріумфовъ и побѣдъ склонялся міръ—
И что жъ ты сталъ теперь? лишь горстью праха...
Прости, прости!
Патриціи, не знаю,
Что дѣлать вы намѣрены? кого
Приговорить еще рѣшили къ смерти.
Когда меня хотите умертвить,
То времени пристойнѣй не найдете,
Чѣмъ часъ кончины Цезаря; оружья—
Пригоднѣе того, что обагрилось
Чистѣйшею и лучшею кровью въ мірѣ...
Коль вы меня считаете опаснымъ,
Я умоляю васъ со мной покончить,
Пока дымятся кровью ваши руки.
Живи я сотни лѣтъ—и все не буду
Такъ приготовленъ къ смерти, какъ теперь.
Гдѣ лучше пасть, чѣмъ тамъ, гдѣ Цезарь палъ
Отъ рукъ людей, что вѣкъ нашъ прославляютъ!

Брутъ.

Антоній, ты отъ насъ не требуй смерти!
Ты судишь насъ по дѣлу нашихъ рукъ;
Мы кажемся жестокими тебѣ
И алчущими крови; но ты видишь
Лишь наши руки и дѣянье ихъ;
Сердца же наши скрыты отъ тебя.
Въ нихъ дышатъ состраданіе и жалость;
Огонь уничтожается огнемъ
И состраданье губитъ состраданье;
Мы, изъ участья къ римскому народу,

Къ его страданьямъ, Цезаря убили...
Но ты не бойся насъ. Мы для тебя
Имѣемъ лишь свинцовые мечи
И дружелюбно простираемъ руки
Къ Антонію, его считая братомъ,
Котораго мы чествуемъ и любимъ.

Кассій.

Въ раздѣлѣ новыхъ почестей участье
Ты примешь наравнѣ со всѣми нами.

Брутъ.

Толпу дай только время успокоить,
Которая волнуется отъ страха,
И я тебѣ открою, почему
Я Цезаря убилъ, его любя.

Антоній.

Я въ мудрости не сомнѣваюсь вашей—
И каждому изъ васъ я руку жму...
Сначала Бруту, Кассію затѣмъ,
Метеллу, Циннѣ, Децію, тебѣ,
Отважный Каска, и тебѣ, Требоній;
Послѣднему тебѣ пожалъ я руку,
Но не послѣдній ты въ любви моей!..
Патриціи, что вамъ могу сказать?
Значеніе мое такъ пошатнулось
И на такой вступило скользкій путь,
Что я боюсь вамъ показаться трусомъ
Или льстецомъ. Что я любилъ тебя,
О, Цезарь! это правда. Если ты
На насъ теперь взираешь, хуже смерти
Покажется тебѣ, что твой Антоній,

Съ убійцами твоими примиряясь,
Кровавыя ихъ руки пожимаетъ
Передъ твоимъ, лежащимъ въ прахѣ, трупомъ...
Великій! если бъ столько глазъ имѣлъ я,
Какъ ты зловѣщихъ ранъ, и столько слезъ
Текло изъ нихъ, какъ крови изъ тебя,—
Мнѣ во сто кратъ отраднѣй было бъ это,
Чѣмъ съ Цезаря врагами быть въ союзѣ!
Прости меня, о, Юлій! Здѣсь ты палъ,
Олень неустрашимый! Здѣсь же рядомъ
Стоятъ тебя заклавшіе. Ты палъ;
Но смерть твоя ихъ заклеймитъ позоромъ,
И этой крови имъ не смыть съ себя.
Вселенная! Ты этому оленю
Служила лѣсомъ, что собой онъ красилъ,—
И вотъ, сраженный сборищемъ ловцовъ,
Лежитъ онъ недвижимо.

Кассій.

Маркъ Антоній!...

Антоній.

Ты долженъ извинить меня, Кай Кассій:
О Цезарѣ такъ скажутъ и враги,—
О немъ сказать не можетъ меньше другъ.

Кассій.

Я не хулю тебя за тѣ хвалы,
Что Цезарю даришь ты, но желаю
Узнать, какой союзъ мы заключили?
Тебя считать ли другомъ, или намъ
Идти своей дорогой, безъ тебя?

Антоній.

Зачѣмъ же я вамъ руку протянулъ?
Отвлекся я, на Цезаря взглянувъ,
Но я вашъ другъ и всѣхъ я васъ люблю
Въ надеждѣ той, что вы мнѣ объясните,
Чѣмъ былъ опасенъ Цезарь и кому?

Брутъ.

Не будь причинъ, убійство было бъ звѣрствомъ;
Но много ихъ и всѣ онѣ такъ вѣски,
Что будь ты сыномъ Цезаря, и то
Онѣ тебя могли бы убѣдить...

Антоній.

Лишь этого отъ васъ я добиваюсь.
Еще прошу, чтобъ разрѣшили мнѣ
На площадь трупъ перенести его...
Его почтить хочу надгробнымъ словомъ
Съ трибуны такъ, какъ другу подобаетъ.

Брутъ.

На это мы согласны, Маркъ Антоній!

Кассій.

Два слова, Брутъ. (*Тихо*).
Не надо соглашаться...
Не знаешь ты, что дѣлаешь. Народъ
Онъ можетъ взволновать надгробнымъ словомъ.
Извѣстно ли тебѣ, о чемъ онъ рѣчь
Намѣренъ повести?

Брутъ.

Не бойся, Кассій...
Съ трибуны говорить я буду первый...

И изложу причины, по которымъ
Мы Цезаря убили. Я прибавлю,
Что, съ нашего согласья, говорить
Антоній будетъ и что мы желаемъ,
Чтобъ Цезаря съ почетомъ хоронили...
Повѣрь, что это больше принесетъ
Намъ пользы, чѣмъ вреда.

Кассій.

Все жъ въ этомъ мало
Хорошаго я вижу.

Брутъ.

Маркъ Антоній,
Трупъ Цезаря возьми! Не долженъ ты
Насъ осуждать въ своемъ надгробномъ словѣ;
Но Цезаря хвали ты, сколько хочешь,
Прибавивъ, что на это мы согласны.
Коль нашего условья не исполнишь,
Участвовать не будешь въ погребеньи.
Ты долженъ говорить съ трибуны той же,
Гдѣ буду я, когда окончу рѣчь.

Антоній.

Пусть будетъ такъ. Мнѣ большаго не надо.

Брутъ.

Такъ приготовь же трупъ и къ намъ приди.

(*Всѣ уходятъ, кромѣ Антонія*).

Антоній.

Прости меня, кровоточащій прахъ,
Что ласковъ я и нѣженъ съ палачами!
Такого мужа міръ еще не видѣлъ!

Проклятье тѣмъ, что въ прахъ его повергли!
Кровавыя его зіяютъ раны,
Какъ устъ нѣмыхъ алѣющія губы.
И слышу я пророческій ихъ гласъ:
Проклятье разразится надъ народомъ;
Италія дымиться будетъ кровью
Отъ войнъ междоусобныхъ и раздоровъ;
Такъ будетъ много крови пролито,
Ужасное такъ станетъ обыденно,
Что матери смотрѣть съ улыбкой будутъ,
Какъ на войнѣ дѣтей ихъ четвертуютъ...
Отъ частыхъ звѣрствъ, отъ частыхъ преступленій
Въ сердцахъ людей изсякнетъ состраданье.
Духъ Цезаря, о мщеніи взывая,
Съ Гекатою, царицей мрачной ада,
Надъ этою страной носиться будетъ,
Къ убійству призывая гласомъ мощнымъ
И псовъ войны спуская, чтобъ весь міръ
Узналъ объ этомъ гнусномъ злодѣяньи
По смраду тѣлъ, лишенныхъ погребенья...

(*Входитъ слуга.*)

Октавію ты служишь?

Слуга.

Да, Антоній.

Антоній.

Ему письмо послалъ недавно Цезарь.

Слуга.

Письмо онъ получилъ и скоро будетъ.
Тебѣ жъ велѣлъ изустно передать... (*Увидя трупъ Цезаря*).
О, Цезарь!

Антоній.

Ты унынiемъ переполненъ—
Такъ отойди и плачь. Въ слезахъ зараза:
Въ твоихъ глазахъ увидѣвъ жемчугъ скорби,
И я сдержать рыданій не могу.
Твой господинъ далеко ли?

Слуга.

Семь миль,
Не болѣе, ему пройти до Рима.

Антоній.

Спѣши назадъ и передай ему,
Что здѣсь произошло. Скажи, что Римъ
Въ унынье погруженъ; что Римъ опасенъ
И вѣрнаго убѣжища теперь
Октавью дать не можетъ. Нѣтъ, постой!
Сначала трупъ перенесемъ на площадь...
Съ народомъ я намѣренъ говорить,
Чтобы узнать, какое мнѣнье гражданъ
О гнусномъ злодѣяньи кровопійцъ.
По этому судя, ты передашь
Октавію о положеньи дѣлъ.
Теперь же помоги мнѣ трупъ убрать.

(*Уходятъ, унося трупъ Цезаря*).

СЦЕНА II.

Форумъ. Входятъ Брутъ и Кассій съ толпою гражданъ.

Граждане.

Мы объясненій требуемъ отъ васъ.

Брутъ.

Такъ слѣдуйте за мной, друзья мои,
Чтобъ выслушать меня. Толпу раздѣлимъ.
Ты, Кассій, на другую площадь стань.
Пусть тѣ здѣсь остаются, что хотятъ
Услышать Брута; пусть идутъ другіе
За Кассіемъ. Мы объяснимъ народу
Причину смерти Цезаря.

1-й гражданинъ.

Я Брута
Послушаю.

2-й гражданинъ.

За Кассіемъ пойду я.
Обоихъ услыхавъ, вѣрнѣе можно
Ихъ доводы и объясненья взвѣсить...

3-й гражданинъ.

Молчанье! На трибуну всходитъ Брутъ...

Брутъ.

Я прошу васъ меня выслушать терпѣливо до конца. Римляне, сограждане и друзья! Слушайте мою защиту и не нарушайте тишины, чтобъ вы могли слышать мои слова. Вѣрьте мнѣ, не сомнѣваясь въ моей чести, и заплатите дань уваженья моей чести для того, чтобъ вамъ можно было мнѣ повѣрить. Судите меня, соображаясь съ вашимъ разумѣніемъ, и напрягите все ваше вниманье, чтобъ справедливѣе произнести свой судъ. Если въ этомъ собраніи есть хоть одинъ истинный другъ Цезаря, то я скажу ему: любовь Брута къ Цезарю не уступаетъ его любви. Если этотъ другъ спроситъ: зачѣмъ же Брутъ вооружился противъ Цезаря? Вотъ—мой отвѣтъ: не оттого я это сдѣлалъ, что

любилъ Цезаря меньше, но лишь оттого, что любилъ Римъ больше. Что было бы для васъ лучше: видѣть Цезаря живымъ и умереть рабами, иль видѣть Цезаря мертвымъ и жить всѣмъ свободными гражданами? Такъ какъ Цезарь меня любилъ, я лью слезы о немъ; такъ какъ успѣхъ улыбался ему, я радовался этому; такъ какъ онъ былъ отважень, я чествую его; такъ какъ онъ былъ властолюбивъ, я убилъ его. Я лью слезы за его любовь, я чествую его за его доблести; за властолюбіе же онъ поплатился смертью. Есть ли между вами такой подлый человѣкъ, что желаетъ быть рабомъ? Если есть такой, пусть отвѣтитъ: я только его оскорбилъ. Есть ли между вами такой безумецъ, что не желаетъ быть римляниномъ? Если такой найдется, пусть отвѣтитъ: я только его оскорбилъ. Есть ли между вами человѣкъ столь гнусный, что не любитъ своей родины? Если есть такой, пусть отвѣтитъ: только его я оскорбилъ. Я прерываю рѣчь, ожидая вашего отвѣта...

Граждане.

Брутъ, между нами такого нѣтъ.

Брутъ.

Въ такомъ случаѣ я никого не оскорбилъ. Я такъ поступилъ съ Цезаремъ, какъ и вы поступили бы съ Брутомъ. Въ Капитоліи записаны причины, побудившія убить Цезаря безъ умаленія его славы и достоинствъ, а также безъ преувеличенья вины, за которую онъ заслужилъ смерть. Вотъ— и трупъ его, сопровождаемый Антоніемъ (*входятъ Антоній и другіе, неся трупъ Цезаря*). Онъ не участвовалъ въ его убіеніи, но воспользуется, однокожъ, его смертью, такъ какъ займетъ мѣсто въ республикѣ; и кто бы изъ васъ этого не сдѣлалъ? Приступаю къ послѣднимъ словамъ своей рѣчи. Для блага Рима я умертвилъ своего лучшаго друга и со-

храняю кинжалъ, который я вонзилъ въ него, чтобъ имъ нанести себѣ смерть, если въ ней будетъ нуждаться моя отчизна.

ГРАЖДАНЕ.

Живи, о, Брутъ! живи, живи!

1-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Съ тріумфомъ
Его домой намъ слѣдуетъ вести.

2-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Мы памятникъ должны воздвигнуть Бруту
И съ предками его поставимъ рядомъ.

3-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Пусть Цезаремъ онъ будетъ

4-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Увѣнчаемъ
Въ немъ Цезаря все лучшее.

1-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Домой
Его проводимъ, воздухъ оглашая
Привѣтственными криками.

БРУТЪ.

Друзья!

2-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Молчите! Брутъ опять заговорилъ...

1-Й ГРАЖДАНИНЪ.

Молчите всѣ.

Брутъ.

Сограждане мои!
Торжественныхъ мнѣ проводовъ не надо...
Одинъ пойду; но изъ любви ко мнѣ
Я васъ прошу съ Антоніемъ остаться
И выслушать его. Похвальнымъ словомъ
Онъ хочетъ память Цезаря почтить
И получилъ на то согласье наше.
Я васъ прошу не уходить, пока
Антоній не окончилъ рѣчь свою... (*Уходитъ.*)

1-й гражданинъ.

Останемся—Антонія послушать

3-й гражданинъ.

Пусть онъ займетъ трибуну. Мы готовы
Его послушать. Начинай, Антоній.

Антоній.

Я, Брута ради, васъ благодарю.

4-й гражданинъ.

Что онъ сказалъ о Брутѣ?

3-й гражданинъ.

Онъ сказалъ,
Что насъ благодаритъ во имя Брута.

4-й гражданинъ.

Почтительно совѣтую ему
О Брутѣ отзываться.

1-й гражданинъ.

Цезарь былъ
Властолюбивый деспотъ.

3-й гражданинъ.

Счастливъ Римъ,
Что отъ него избавился на вѣки.

2-й гражданинъ.

Послушаемъ, что скажетъ
Маркъ Антоній.

Антоній.

О, римляне!

Граждане.

Послушаемъ его!

Антоній.

О, римляне, сограждане, друзья!
Меня своимъ вниманьемъ удостойте!
Не восхвалять я Цезаря пришелъ,
Но лишь ему послѣдній долгъ отдать...
Дѣла людей, порочныя и злыя,
Переживаютъ ихъ и часто также
То доброе, что сдѣлали они,
Съ костями ихъ въ могилу погребаютъ.
Пусть съ Цезаремъ такъ будетъ. Честный Брутъ
Сказалъ, что Цезарь былъ властолюбивъ...
То былъ большой порокъ, коль это вѣрно,
И за него онъ тяжко поплатился.
Я, съ разрѣшенья Брута и другихъ,
Пришелъ сюда, чтобъ Цезаря почтить
Надгробнымъ словомъ. Брутъ и всѣ они—
Почтенные и доблестные люди...
Мнѣ Цезарь другомъ былъ и вѣрнымъ другомъ;
Но Брутъ его зоветъ властолюбивымъ,
А Брутъ—достопочтенный человѣкъ.

Онъ плѣнныхъ приводилъ толпами въ Римъ,
Ихъ выкупомъ казну обогащая.
Не это ли считать за властолюбье?
При видѣ нищеты онъ слезы лилъ,—
Такъ мягко властолюбье не бываетъ,
Но Брутъ зоветъ его властолюбивымъ,
А Брутъ—достопочтенный человѣкъ.
Вы видѣли, во время Луперкалій,
Я трижды подносилъ ему вѣнецъ—
И трижды отъ него онъ отказался.
Ужель и это тоже властолюбье?
Но Брутъ его зоветъ властолюбивымъ,
А Брутъ—достопочтенный человѣкъ.
Не для того я это говорю,
Чтобъ Брута опровергнуть; я хочу
Лишь высказать предъ вами то, что знаю...
Не безъ причинъ его любили вы.
Зачѣмъ же вы не плачете о немъ?
О, здравый смыслъ! Къ звѣрямъ ты вѣрно скрылся,
А люди потеряли свой разсудокъ...
Мое тамъ сердце, гдѣ почіетъ Цезарь,
И рѣчь свою я долженъ перервать,
Пока опять я не прійду въ себя...

1-й ГРАЖДАНИНЪ.

Мнѣ кажется, въ его словахъ есть правда...

2-й ГРАЖДАНИНЪ.

Какъ дѣло хорошо пообсудить,
Съ нимъ обошлись совсѣмъ несправедливо...

3-й ГРАЖДАНИНЪ.

И я того же мнѣнья. Можетъ быть,
Его заступитъ мѣсто еще худшій...

4-й гражданинъ.

Вы слышали, вѣнца онъ не принялъ.
Такъ почему жъ онъ былъ властолюбивъ?

1-й гражданинъ.

Колъ это такъ, инымъ придется плохо!

2-й гражданинъ.

Антоній всѣ глаза свои проплакалъ...

3-й гражданинъ.

Нѣтъ въ Римѣ благороднѣй человѣка,
Чѣмъ Маркъ Антоній!

4-й гражданинъ.

Слушайте его!

Антоній.

Еще вчера повелѣвалъ вселенной
Могучій Цезарь; онъ теперь во прахѣ—
И всякій нищій имъ пренебрегаетъ...
Когда бъ хотѣлъ я возбудить къ возстанью,
Къ отмщенію сердца и души ваши,—
Я повредилъ бы Кассію и Бруту.
Но вѣдь они почтеннѣйшіе люди;
Я зла имъ не желаю; я скорѣе
Къ усопшему несправедливымъ буду,
Къ себѣ и къ вамъ, чѣмъ повредить рѣшусь
Такимъ почтеннымъ людямъ, какъ они.
Но вотъ—пергаментъ съ Цезаря печатью...
Онъ найденъ мною въ комнатѣ, гдѣ Цезарь
Дѣлами государства занимался.
То завѣщанье Цезаря. Когда бъ

Узнали вы, что въ этомъ завѣщаньи
(Но вамъ его прочесть я не хочу),
Вы бросились бы раны цѣловать
Заколотаго Цезаря; вы стали бы
Его священной кровью окроплять
Свои платки; просили бы на память—
Хоть волосокъ его и, умирая,
Потомству своему, какъ даръ безцѣнный,
Вы завѣщали бъ это.

4-й ГРАЖДАНИНЪ.

Маркъ Антоній,
Намъ завѣщанье Цезаря прочти!

ГРАЖДАНИНЪ.

Мы знать хотимъ, что Цезарь завѣщаетъ.

АНТОНІЙ.

Друзья мои! прошу не волноваться!
Не долженъ я читать вамъ завѣщанья...
Зачѣмъ вамъ знать, какъ Цезарь васъ любилъ...
Не камень вы, не дерево, а люди;
Людей же въ изступленье приведетъ
И въ ярость воля Цезаря. Вамъ лучше
Не знать, что вы наслѣдники его.
Узнай вы это, что тогда случится?

ГРАЖДАНИНЪ.

Мы Цезаря хотимъ услышать волю.
Прочти намъ завѣщаніе его!

АНТОНІЙ.

Я васъ прошу повременить немного...
Какъ жаль, что я о немъ п оговорился...

Боюсь я, что невольно повредилъ
Тѣмъ благороднымъ людямъ, что вонзили
Свои ножи въ грудь Цезаря; боюсь!..

1-й гражданинъ.

Эти благородные люди—просто измѣнники!

Граждане.

Читай завѣщаніе, читай завѣщаніе!

2-й гражданинъ.

Они убійцы, изверги! Читай завѣщаніе Цезаря.

Антоній.

Такъ вы хотите слышать завѣщанье?
Вкругъ Цезаря убитаго вы станьте,
И въ настоящемъ свѣтѣ я его
Представлю вамъ. Могу ль сойти съ трибуны?

Всѣ.

Сойди съ трибуны.

2-й гражданинъ.

Можешь сойти.

3-й гражданинъ.

Мы это разрѣшаемъ тебѣ. (*Антоній сходитъ съ трибуны*).

4-й гражданинъ.

Окружимъ его.

1-й гражданинъ.

Не становитесь такъ близко къ гробу; не приближайтесь къ трупу!

2-й Гражданинъ.

Дайте мѣсто Антонію, благородному Антонію.

Антоній.

Не напирайте на меня; станьте подальше.

Всѣ.

Отодвиньтесь! Мѣсто! Назадъ!

Антоній.

Коль слезы есть у васъ, обильнымъ токомъ
Онѣ теперь изъ вашихъ глазъ польются.
Вамъ этотъ плащъ знакомъ. Я помню даже,
Гдѣ въ первый разъ его накинулъ Цезарь:
То было лѣтнимъ вечеромъ, въ палаткѣ,
Гдѣ находился онъ, разбивъ неврійцевъ.
Сюда проникъ ножъ Кассія; вотъ рана
Завистливаго Каски; здѣсь въ него
Вонзилъ кинжалъ его любимецъ Брутъ.
Какъ хлынула потокомъ алымъ кровь,
Когда кинжалъ изъ раны онъ извлекъ!
Она какъ будто бросилася въ двери,
Чтобы узнать, дѣйствительно ли Брутъ
Съ враждебностью такой въ нихъ постучался,
Онъ былъ любимецъ Цезаря. О, боги!
Извѣстно вамъ, какъ Брута онъ любилъ!
Ударъ, что Брутъ нанесъ, изъ всѣхъ ударовъ
Былъ самый злой. Когда увидѣлъ Цезарь,
Что Брутъ его разитъ, неблагодарность
Сильнѣе рукъ убійцъ его сгубила:
Въ немъ задрожало доблестное сердце,
Лицо свое завѣсилъ онъ плащемъ
И у подножья статуи Помпея,

Съ которой кровь его ручьемъ лилась,
Великій Цезарь палъ. Его паденье
Намъ гибелью грозитъ. И вы, и я;
И всѣ мы пали съ Цезаремъ; надъ нами
Кровавая измѣна торжествуетъ...
Вы плачете? Я вижу, состраданье
Проснулось въ васъ. Тѣ слезы благодатны...
Вы плачете, глядя на плащъ его.
Но вотъ—онъ самъ, заколотый врагами...

1-й гражданинъ.

О, жалкій видъ!

2-й гражданинъ.

О, доблестный Цезарь!

3-й гражданинъ.

О, скорбный день!

4-й гражданинъ.

Измѣнники, изверги!

1-й гражданинъ.

О, кровавое зрѣлище!

2-й гражданинъ.

Мы имъ отмстимъ.

Всѣ.

Мести! мести! Ищите измѣнниковъ. Сожжемъ ихъ! убьемъ! Пусть ни одинъ изъ этихъ убійцъ не останется въ живыхъ.

Антоній.

Я прошу васъ повременить, сограждане!

1-й гражданинъ.

Молчите, слушайте Антонія, благороднаго Антонія.

2-й гражданинъ.

Мы будемъ его слушать, мы пойдемъ за нимъ,мы готовы умереть съ нимъ!

Антоній.

Достойные и милые друзья!
Я не хочу васъ возбуждать къ возстанью!
Тѣ люди, что убійство совершили,
Почтеннѣйшіе люди. Я не знаю
Ихъ личныхъ побужденій. Безъ сомнѣнья,
Они изложатъ вамъ свои причины.
Я не хочу васъ отвратить отъ нихъ!
Какъ Брутъ, я не ораторъ. Я простой,
Безхитростный и добрый человѣкъ,
Который друга искренно любилъ;
И это знаютъ тѣ, кто разрѣшилъ
Мнѣ всенародно говорить о немъ.
Ни силы выраженій, ни искусства
Нѣтъ у меня; я не владѣю даромъ
Людей воспламенять; но только правду
Я говорю, и это вамъ извѣстно...
Вамъ Цезаря показывая раны,
Я за себя прошу ихъ говорить
Нѣмыми, помертвѣвшими устами.
Когда бъ я Брутомъ былъ, тогда сумѣлъ бы
Васъ потрясти, сумѣлъ бы эти раны
Заставить говорить: внимая имъ,
Возстали бы и сами камни Рима!

Граждане.

Мы всѣ возстанемъ!

1-й гражданинъ.

Мы сожжемъ домъ Брута.

3-й гражданинъ.

Пойдемъ отыскивать заговорщиковъ.

Антоній.

Погодите, сограждане! я еще не все вамъ сказалъ.

Граждане.

Молчите, слушайте Антонія, благороднаго Антонія.

Антоній.

Возстать хотите вы, не зная сами,
Что васъ влечетъ. Чѣмъ Цезарь заслужилъ
Такое проявленіе любви?
Вы главное забыли: завѣщаніе,
Оставленное Цезаремъ.

Граждане.

Конечно...
Прочти его: мы знать его хотимъ.

Антоній.

Такъ вотъ--оно, за Цезаря печатью.
Друзья, внимайте! Каждому изъ васъ
Онъ завѣщаетъ семьдесятъ-пять драхмъ.

2-й гражданинъ.

О, благородный Цезарь! Мы отмстимъ за смерть его.

3-й гражданинъ.

Порфироносный Цезарь!

Антоній.

Прошу меня дослушать до конца.

Граждане.

Молчите!

Антоній.

Сверхъ того, онъ вамъ даритъ
Свои помѣстья, рощи и сады,
Что онъ развелъ вдоль Тибра. Навсегда
Онъ завѣщаетъ вамъ свои владѣнья,
Чтобъ вы и ваши поздніе потомки
Могли бы ими пользоваться. Вотъ —
Каковъ былъ Цезарь! Не найти второго!

Граждане.

О, никогда! Мы въ освященномъ мѣстѣ
Сожжемъ его останки, а затѣмъ
Спалимъ дома злодѣевъ головнями,
Что отъ его останутся костра.
Идемъ, идемъ, его поднимемъ трупъ!

2-й гражданинъ.

Идите за огнемъ!

3-й гражданинъ.

Ломайте двери!

4-й гражданинъ.

Ломайте двери, окна! ломайте все!

(*Уходятъ граждане, унося трупъ Цезаря*).

Антоній.

Ты вспыхнулъ, бунтъ! ты на ногахъ! Теперь
Прими, какое хочешь, направленье.

(*Входитъ слуга*).

Антоній.

Что скажешь мнѣ?

Слуга.

Октавій прибылъ въ Римъ—
И съ нимъ Лепидъ.

Антоній.

Гдѣ жъ онъ остановился?

Слуга.

У Цезаря.

Антоній.

Къ нему сейчасъ пойду я...
Намъ счастье улыбается. Какъ кстати
Пріѣхалъ онъ! Теперь всего добьемся.

Слуга.

Я слышалъ, что изъ Рима ускакали,
Какъ бы ума лишившись, Брутъ и Кассій.

Антоній.

Они узнали, вѣрно, что народъ
Я поднялъ противъ нихъ. Идемъ къ Октавію!..

(*Уходятъ*).

Сцена III.

Улица.

(*Входитъ Цинна—поэтъ*).

Цинна.

Приснилось мнѣ, что съ Цезаремъ пирую.
Меня гнетутъ тревожныя мечты.
Я не хотѣлъ сегодня выходить;
Но что-то въ даль меня влечетъ невольно.

(*Входятъ граждане*).

1-й гражданинъ.

Какъ твое имя?

2-й гражданинъ.

Куда ты идешь?

3-й гражданинъ.

Гдѣ живешь?

4-й гражданинъ.

Женатъ ли ты, иль холостъ?

2-й гражданинъ.

Отвѣчай отчетливо каждому.

1-й гражданинъ.

Да коротко.

4-й гражданинъ.

Да толково.

3-й гражданинъ.

Смотри, говори только правду!

Цинна.

Какъ меня зовутъ? Куда я иду? Гдѣ я живу? Женатъ ли я, или холостъ? Чтобъ отвѣтить каждому прямо и коротко, умно и правдиво, скажу вамъ толково: я холостъ.

2-й гражданинъ.

Ты этимъ хочешь сказать, что тотъ глупецъ, кто женится. Какъ бы тебѣ не пришлось солоно за этотъ отвѣтъ. Отвѣчай безъ обиняковъ.

Цинна.

Отвѣчаю прямо: иду на похороны Цезаря.

1-й гражданинъ.

Какъ другъ или врагъ?

Цинна.

Какъ другъ.

2-й гражданинъ.

Вотъ—это отвѣтъ прямой.

4-й гражданинъ.

Гдѣ ты живешь? короче.

Цинна.

Отвѣчаю коротко: близъ Капитолія.

3-й гражданинъ.

Твое имя? да смотри, не выдумывай!

Цинна.

По правдѣ, мое имя Цинна.

1-й гражданинъ.

Рвите его на части: онъ—Цинна заговорщикъ!

Цинна.

Я Цинна—поэтъ, я Цинна—поэтъ!

4-й гражданинъ.

Рвите его на части за его дурные стихи! Рвите его на части за его дурные стихи!

Цинна.

Я не заговорщикъ Цинна.

4-й гражданинъ.

Это все равно: его имя Цинна; вырвите только его имя изъ его сердца, а затѣмъ пусть идетъ, куда хочетъ...

3-й гражданинъ.

Разорвемъ его, разорвемъ его! Гдѣ факелы, гдѣ головни? Къ Бруту! Къ Кассію! Жгите все! Пусть одни идутъ къ дому Децiя, другіе къ Каскѣ, третьи къ Лигарію! Идемъ, идемъ! (*Уходятъ.*)

ДѢЙСТВІЕ IV.

СЦЕНА I.

Римъ.—Комната въ домѣ Антонія.

Антоній, Октавій и Лепидъ сидятъ вокругъ стола.

Антоній.

Итакъ всѣ, что отмѣчены, умрутъ.

Октавій.

Твой братъ, Лепидъ, въ числѣ приговоренныхъ;
На казнь его согласенъ ли?

Лепидъ.

Согласенъ.

Октавій.

Отмѣть его, Антоній.

Лепидъ.

Я согласенъ
Съ условіемъ, чтобъ Публію не жить,
Который сынъ твоей сестры, Антоній.

Антоній.

Умретъ и онъ. Ты видишь, этимъ знакомъ
Онъ осужденъ на смерть. Теперь, Лепидъ,
Въ домъ Цезаря сходи и завѣщанье,

Оставленное имъ, намъ принеси.
Мы съ общаго согласія рѣшимъ,
Что изъ него мы выкинуть должны.

Лепидъ.

Гдѣ жъ васъ найду?

Октавій.

Иль здѣсь, или въ Капитольи. (*Лепидъ уходитъ.*)

Антоній.

Онъ жалкій и бездарный человѣкъ,
Лишь годный для посылокъ. Неужели
Участье приметъ онъ въ раздѣлѣ міра
И будетъ тріумвиромъ?

Октавій.

Такъ хотѣлъ ты
И настоялъ на томъ, чтобъ вмѣстѣ съ нами
Онъ обсуждалъ, кому назначить смерть,
Кого сослать.

Октавій.

На то причины есть.
Я дольше твоего живу на свѣтѣ...
Даря Лепиду почести, съ себя
Тяжелое мы сбрасываемъ бремя,
Которое носить онъ всюду будетъ,
Какъ золото оселъ, кряхтя подъ ношей
И нами погоняемый по волѣ.
Когда онъ принесетъ, куда укажемъ
Сокровища, съ него мы снимемъ ихъ;
Его жъ пошлемъ со стадомъ на луга,
Гдѣ будетъ онъ, развьюченнымъ осломъ,
Пастись, ушами хлопая.

Октавій.

Однако,
Онъ воинъ заслуженный и отважный.

Антоній.

Таковъ мой конь, за что его кормлю я;
Учу его скакать, впередъ бросаться,
Мѣнять аллюръ и дѣлать повороты;
Но все жъ я управляю имъ, какъ знаю.
Съ моимъ конемъ Лепидъ имѣетъ сходство;
Ему во всемъ руководитель нуженъ,
И онъ одинъ ступить не можетъ шагу;
Живетъ лишь подражаньями и занятъ
Предметами, что никому не нужны
И вовсе устарѣли. На него
Смотри, какъ на орудье безъ значенья.
Но мы теперь должны съ тобой заняться
Дѣлами поважнѣе. Брутъ и Кассій
Войска свои сбираютъ; къ нимъ на встрѣчу
Мы выступить должны; сберемъ друзей
И на совѣтѣ съ ними пообсудимъ,
Какія мѣры слѣдуетъ принять,
Чтобъ отвратить грозящую опасность
И справиться съ негласными врагами.

Октавій.

Да, соберемъ совѣтъ; со всѣхъ сторонъ
Враги насъ окружаютъ; я увѣренъ,
Что многіе, встрѣчающіе насъ
Съ улыбками, погибель намъ сулятъ. (*Уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Палатка Брута въ лагерѣ близъ Сардъ.

Бьютъ барабаны. Входятъ Брутъ, Луцилій, Титиній и солдаты. Пиндаръ идетъ къ нимъ на встрѣчу. Люцій въ нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ.

Брутъ.

Ни съ мѣста!

Луцилій.

Дайте лозунгъ! стойте смирно!

Брутъ.

Что новаго, Луцилій? Близко ль Кассій?

Луцилій.

Недалеко. Онъ съ Пиндаромъ прислалъ
Тебѣ привѣтъ. (*Пиндаръ подаетъ письмо Бруту*).

Брутъ.

Его письмо любезно.
Твой господинъ, какъ замѣчаю, Пиндаръ,
За это время сильно измѣнился.
Я многими поступками его
Глубоко недоволенъ и не знаю—
Чему ихъ приписать: его ль винѣ,
Иль злостнымъ наущеньямъ. Если жъ онъ
Недалеко, мы можемъ объясниться.

Пиндаръ.

Ты скоро убѣдишься, я увѣренъ,
Что онъ, какъ прежде, доблестенъ и честенъ.

Брутъ.

Не сомнѣваюсь въ томъ. Скажи, Луцилій,
Какъ принялъ онъ тебя?

Луцилій.

Съ большимъ почетомъ
И вѣжливо, но въ немъ я не нашелъ
Ни искренности друга, ни радушья.

Брутъ.

Замѣтно охладѣлъ онъ. Такъ всегда
Слабѣющая дружба проявляетъ
Усиленную вѣжливость. Къ уверткамъ
Не прибѣгаетъ честный человѣкъ;
Но лицемѣръ, какъ бѣшеная лошадь,
Уносится впередъ и обѣщаетъ,
Чего сдержать не можетъ. Если шпоры
Вонзить въ такую лошадь, испытанья
Не выдержитъ она: опуститъ гриву
И на землю повалится, какъ кляча.
Войска ведетъ ли Кассій?

Луцилій.

Подлѣ Сардъ
Пѣхота заночуетъ; съ нимъ же вмѣстѣ
Вся конница прибудетъ. (*Вдали слышенъ маршъ*).

Брутъ.

Вотъ и Кассій.
Пойдемъ къ нему на встрѣчу.
(*Слышна команда*: Стойте! Стойте!)

Кассій.

Мой благородный братъ, несправедливо
Ты поступилъ со мной.

Брутъ.

Клянусь богами,
Я и врага напрасно не обижу!
Могу ль я быть несправедливымъ къ брату?

Кассій.

Спокойствіемъ ты думаешь прикрыть
Свои неправды, Брутъ; но не позволю...

Брутъ.

Не горячись и гнѣвъ свой удержи.
Въ виду всѣхъ войскъ намъ ссориться не надо:
Они должны лишь нашу дружбу видѣть.
Вели имъ отступить; въ моей палаткѣ
Твои упреки выслушать готовъ я...

Кассій (*обращаясь къ Пиндару*).

Распорядись, чтобъ наши легіоны
Немного отступили.

Брутъ (*Луцилію*).

Нашимъ также
Ты отступить вели. Къ моей палаткѣ
Чтобы никто приблизиться не смѣлъ,
Пока мы не окончимъ разговора!
На стражѣ станутъ Люцій и Титиній (*уходятъ*).

СЦЕНА III.

Палатка Брута.

(*Входятъ Брутъ и Кассій*).

Кассій.

Я оскорбленъ ужъ тѣмъ, что Люцья Пеллу
Ты за поборы съ Сардовъ осудилъ,
Хоть за него я лично заступился:
Ходатайствомъ моимъ ты пренебрегъ.

Брутъ.

Ты оскорбилъ себя, прося о немъ.

Кассій.

Въ такое время смутное—безумно
Преслѣдовать людей за пустяки.

Брутъ.

И о тебѣ самомъ дурные толки
Вездѣ распространились. Говорятъ,
Что взятки ты берешь и недостойнымъ
Даешь мѣста за золото.

Кассій.

О, боги!
Я взяточникомъ сталъ! Не будь ты Брутъ,
Твои уста умолкли бы навѣки.

Брутъ

Потворствуя такому лихоимству,
Ты правосудье дѣлаешь безсильнымъ.

Кассій.

Я правосудью вѣренъ.

Брутъ.

Вспомни мартъ,
О, вспомни иды марта! Цезарь палъ
Во имя правосудья: кто изъ насъ
Его сразилъ не ради правосудья?
И что жъ? я вижу съ ужасомъ, что люди,
Убившіе первѣйшаго изъ смертныхъ
За то, что онъ потворствовалъ ворамъ,
Грязнятъ себя постыднымъ лихоимствомъ
И честь свою, и славу продаютъ
За пригоршни презрѣннаго металла!
Я лучше бы хотѣлъ быть жалкимъ псомъ,

Что лаетъ на луну, чѣмъ гражданиномъ,
Въ которомъ чести нѣтъ.

Кассій.

Не забывайся!
Обидъ переносить я не намѣренъ.
Тебя я старше службой и способнѣй
Распознавать людей.

Брутъ.

Напрасно, Кассій,
Такъ думаешь...

Кассій.

Я правъ.

Брутъ.

Ты въ заблужденьи.

Кассій.

Не искушай меня—иль я забудусь,—
Побереги себя.

Брутъ.

Ты жалокъ мнѣ!

Кассій.

Возможно ли?

Брутъ.

Тебѣ намѣренъ я
Все высказать. Запальчивость безумца
И яростные возгласы и взгляды
Меня не остановятъ.

Кассій.

Боги, боги!
Ужель все это долженъ я терпѣть?

Брутъ.

Ты говоришь:—все это? Нѣтъ, и больше.
Твою гордыню долженъ я сломить.
Показывай рабамъ, какъ грозенъ ты;
Ихъ заставляй дрожать передъ собою,—
Но уступать тебѣ я не обязанъ
И сдерживать свое негодованье,
Склоняясь въ прахъ предъ гнѣвностью твоей.
Клянусь! весь ядъ своей кипящей желчи
Ты переваришь самъ, хоть, можетъ-быть,
И треснешь отъ того. Отнынѣ будутъ
Служить мнѣ только смѣхомъ и забавой
Твои пустыя вспышки.

Кассій.

Неужели
Дошло ужъ до того?

Брутъ.

Ты говоришь,
Что лучшій воинъ ты. Прошу тебя
На дѣлѣ доказать, что ты не хвасталъ.
Меня утѣшишь этимъ. Я всегда
Учиться радъ у тѣхъ, кто въ чемъ нибудь
Способнѣе меня.

Кассій.

Помилуй, Брутъ,
Ты всячески ко мнѣ несправедливъ.
Я не сказалъ, что я тебя способнѣй,
А только старше.

Брутъ.

Если и сказалъ,
Мнѣ все равно.

Кассій.

Самъ Цезарь, будь онъ живъ,
Меня бы не носмѣлъ такъ оскорблять.

Брутъ.

Ты самъ бы не осмѣлился его
Такъ изъ терпѣнья выводить.

Кассій.

Кто, я?

Брутъ.

Ты самъ.

Кассій.

Изъ страха—что ли?

Брутъ.

Я не знаю,
Но все бы не посмѣлъ такъ поступать ты.

Кассій.

Не слишкомъ полагайся на любовь,
Что я къ тебѣ питаю. Совершить
Могу и то, о чемъ жалѣть я стану.

Брутъ.

Дѣла, ужъ совершенныя тобой,
Достойны сожалѣнья. Мнѣ не страшны
Твои угрозы, Кассій; предо мною
Проносятся онѣ, какъ легкій вѣтеръ,
Что мнѣ вредить не можетъ: такъ я сильно
Вооруженъ и доблестью, и честью.
За золотомъ къ тебѣ я посылалъ
И получилъ отказъ. Я не могу

Прибѣгнуть къ подлымъ мѣрамъ, чтобъ добыть
То золото, въ которомъ я нуждаюсь;
Скорѣй готовъ я вычеканить сердце
И въ драхмы превратить всю кровь свою,
Чѣмъ, обратившись къ средствамъ незаконнымъ,
Крестьянина лишить послѣднихъ крохъ.
За деньгами я посылалъ къ тебѣ,
Чтобъ жалованье выдать легіонамъ,—
И мнѣ ты отказалъ. Такой поступокъ
Достоинъ ли тебя? Когда бы Кассій
Ко мнѣ съ подобной просьбой обратился,
Такой отвѣтъ онъ развѣ получилъ бы?
Пусть боги разорвутъ меня на части
И на меня свои низвергнутъ громы,
Коль стану я когда нибудь, какъ скряга
Скрывать свои богатства отъ друзей!

Кассій.

Отказа отъ меня не получалъ ты.

Брутъ.

Нѣтъ, получилъ.

Кассій.

Кто передалъ тебѣ
Мои слова, ихъ просто перепуталъ.
О, Брутъ! мое ты сердце растерзалъ:
Другъ долженъ другу немощи прощать,
А ты преувеличиваешь ихъ.

Брутъ.

О, нѣтъ! я только сдѣлался ихъ жертвой...

Кассій.

Меня не любишь ты.

Брутъ.

Лишь недостатки
Твои я не люблю.

Кассій.

Не долженъ другъ
Ихъ замѣчать.

Брутъ.

Лишь льстецъ не видитъ ихъ,
Хотя они съ Олимпъ бы были ростомъ.

Кассій.

Придите же, Антоній и Октавій,
И Кассію лишь одному отмстите.
Онъ смерть зоветъ. Ему постыла жизнь:
Онъ ненавидимъ тѣмъ, кого онъ любитъ;
Онъ презираемъ братомъ и его
Поносятъ, какъ раба; его поступки
Изучены и въ памятную книжку
Записаны, чтобъ вѣчные попреки
Ему бросать съ презрѣньемъ. Я бы могъ
Изъ глазъ моихъ съ слезами вылить душу!..
Вотъ—мой кинжалъ, и вотъ—нагая грудь;
Въ ней сердце, что богаче рудъ Плутона
И драгоцѣннѣй золота. О, если
Ты римлянинъ, его изъ груди вырви!
Я, отказавшій въ золотѣ тебѣ,
Взамѣнъ его—свое дарую сердце.
Срази меня, какъ Цезаря сразилъ ты;
Но, ненавидя Цезаря, сильнѣе
Его любилъ ты, чѣмъ меня ты любишь.

Брутъ.

Вложи кинжалъ въ ножны. Сердиться больше
Не буду на тебя. Что хочешь—дѣлай:

Съ улыбкой я снесу и оскорбленье.
Съ ягненкомъ ты имѣешь дѣло, Кассій,
Въ которомъ гнѣвъ огню кремня подобенъ:
Когда его ударятъ, брызжутъ искры;
Затѣмъ онъ охлаждается мгновенно.

Кассій.

Я дожилъ до того, что сталъ для Брута
Забавой и посмѣшищемъ, когда
Меня томитъ тоска до полусмерти.

Брутъ.

Я былъ не въ духѣ самъ, когда сказалъ то.

Кассій.

Ты сознаешься въ томъ? Такъ дай мнѣ руку.

Брутъ.

Бери и сердце съ ней.

Кассій.

О, Брутъ!

Брутъ.

Что скажешь?

Кассій.

Ужели нѣтъ любви въ тебѣ настолько,
Чтобъ мнѣ простить запальчивость мою,
Которую мнѣ мать передала?

Брутъ.

Прощаю все. Отнынѣ, если Кассій
Вспылитъ на Брута, Брутъ вообразитъ,

Что это мать его пылаетъ гнѣвомъ,
И этимъ оскорбляться ужъ не будетъ.

Поэтъ (*извнѣ*).

Пустите! полководцы не въ ладу;
Ихъ оставлять не слѣдуетъ однихъ.

Люцій (*извнѣ*).

Намъ никого не велѣно пускать.

Поэтъ (*извнѣ*).

Лишь смерть одна меня теперь удержитъ.

Входитъ Поэтъ въ сопровожденіи Люція и Титинія.

Кассій.

Что хочешь ты? Зачѣмъ пришелъ сюда?

Поэтъ.

Не ссорьтесь, полководцы! примиритесь!
Друзьями будьте вновь,—примите мой совѣтъ.
Я много старше васъ и лучше знаю свѣтъ.

Кассій.

У циника всегда бездарный стихъ.

Брутъ.

Уйди, бездѣльникъ! вонъ!

Кассій.

Ты не сердись:
Таковъ его обычай.

Брутъ.

Жалкій шутъ!
Для штукъ своихъ плохое выбралъ время.

Юродивымъ не мѣсто на войнѣ.
Уйди, болванъ.

Кассій.

Уйди, уйди скорѣй! (*Поэтъ уходитъ*).

Брутъ.

Луцилій и Титиній, передайте
Приказъ вождямъ палатки разбивать:
Мы заночуемъ здѣсь.

Кассій.

Затѣмъ вернитесь
И приведите къ намъ съ собой Мессалу.
(*Уходятъ Люцій и Титиній*).

Брутъ.

Подай вина мнѣ, Люцій!

Кассій.

Я не думалъ,
Что можешь ты такъ сильно осерчать.

Брутъ.

О, Кассій! я глубоко огорченъ.

Кассій.

Законамъ философіи своей
Не вѣренъ ты, вниманья обращая
На грустную случайность.

Брутъ.

Лучше Брута,
Повѣрь, никто перенести не можетъ
Душевной муки: Порція скончалась!

Кассій.

Какъ, Порція?

Брутъ.

Увы, ея ужъ нѣтъ!

Кассій.

И ты меня помиловалъ во гнѣвѣ!
О, тяжкая и скорбная утрата!
Что жизнь ея сгубило раньше срока?

Брутъ.

Тяжелый гнетъ разлуки и боязнь,
Что намъ не одолѣть своихъ враговъ,
Которые усилилися много.
(Послѣднее извѣстье получилъ я
Съ увѣдомленьемъ о ея кончинѣ).
На умъ ея подѣйствовало это.
Въ безпамятствѣ, въ отсутствіи прислуги,
Она углей горячихъ проглотила.

Кассій.

И такъ она скончалась?

Брутъ.

Да.

Кассій.

О, боги!

(*Входитъ Люцій съ виномъ и свѣтильникомъ*).

Брутъ.

Прошу прервать тяжелый разговоръ.
Дай кубокъ мнѣ: въ немъ утоплю я горе... (*Пьетъ*).

Кассій.

На сердца зовъ готовъ отвѣтить сердцемъ;
Лей черезъ край! Нельзя довольно выпить,
Чтобъ чествовать расположенье Брута. (*Пьетъ*).
(*Входятъ Титиній и Мессала*).

Брутъ.

Войди, Титиній! здравствуй, другъ Мессала!
Вокругъ свѣчи усѣвшись, потолкуемъ
О нашемъ положеньи.

Кассій.

Ты скончалась,
О, Порція!

Брутъ.

Прошу о ней ни слова.
Мнѣ пишутъ, что Октавій и Антоній
Собрали противъ насъ большія силы
И движутся къ Филиппамъ.

Мессала.

Мнѣ объ этомъ
Писали то же.

Брутъ.

Нѣтъ ли и другихъ
Какихъ-нибудь извѣстій?

Мессала.

Тріумвиры
Казнили сто сенаторовъ, велѣвъ
Признать ихъ внѣ закона.

Брутъ.

Въ нашихъ письмахъ
Немного разногласья: по моимъ,

Лишь семьдесятъ сенаторовъ погибло,
И съ ними вмѣстѣ палъ и Цицеронъ.

Кассій.

И онъ погибъ?

Мессала.

Да, умеръ Цицеронъ!
Проскрипція коснулась и его.
Не получалъ ты писемъ отъ жены?

Брутъ.

Не получалъ.

Мессала.

И никакихъ извѣстій
О ней ты не имѣешь?

Брутъ.

Никакихъ.

Мессала.

Я удивленъ.

Брутъ.

Къ чему твои вопросы?
Ты не узналъ ли что-нибудь о ней?

Мессала.

Нѣтъ, ничего.

Брутъ.

Какъ римлянинъ, ты долженъ
Всю правду мнѣ сказать.

Мессала!

Узнавши правду,
Какъ римлянинъ, перенеси ее:

Твоя жена скончалась; смерть ея
Была необычайна.

Брутъ.

Если такъ,
О, Порція! прости! Мы всѣ умремъ...
И ей грозила смерть когда-нибудь!
Объ этомъ мысль теперь даетъ мнѣ силу
Съ терпѣньемъ перенесть утрату злую.

Мессала.

Такъ именно великій смертный долженъ
Переносить великую потерю!

Кассій.

Не хуже васъ все это знаю самъ,
Но я бъ не могъ сдержать порывовъ горя.

Брутъ.

Перенестись къ живому дѣлу надо!
Не двинуться ли намъ скорѣй къ Филиппамъ?

Кассій.

Я съ этимъ не согласенъ.

Брутъ.

Почему?

Кассій.

Коль непріятель будетъ насъ искать,
Онъ утомитъ войска, истратитъ средства
И повредитъ себѣ, тогда какъ мы,
Спокойно оставаясь здѣсь на мѣстѣ,
И силы, и отвагу сбережемъ.

Брутъ.

Хорошій доводъ долженъ уступить
Тому, который лучше. До Филиппъ
Все населенье съ тайною враждою
Глядитъ на насъ. Оно раздражено
Поборами, взимаемыми нами.
Коль непріятель явится сюда,
Къ нему примкнутъ всѣ тѣ, что недовольны,
И онъ тогда предстанетъ передъ нами,
Усиленный и духомъ ободренный.
Чтобы лишить его всѣхъ этихъ выгодъ
И вмѣстѣ съ тѣмъ оставить въ сторонѣ
Почти враждебный округъ, мы должны
Подвинуться немедленно къ Филиппамъ.

Кассій.

Но, добрый братъ...

Брутъ.

Еще прими въ разсчетъ,
Что наши легіоны въ полномъ сборѣ
И силы налицо, что наше дѣло
Созрѣло совершенно; а враги
Становятся сильнѣе съ каждымъ днемъ.
Добравшись до вершины, бойся склона!
Дѣла людей, какъ волны океана,
Подвержены приливу и отливу.
Воспользуйся приливомъ—и успѣхъ
Съ улыбкою откликнется тебѣ;
Съ отливомъ же все плаванье твое
Въ тяжелую борьбу преобразится
Съ мелями и невзгодами. Для насъ
Насталъ приливъ. Коль мы его пропустимъ,
Насъ вѣрная погибель ожидаетъ.

Кассій.

По-твоему—пусть будетъ! Близъ Филиппъ
Нагонимъ непріятеля.

Брутъ.

Въ то время,
Какъ разсуждали мы, глухая ночь
Подкралась къ намъ. Заплатимъ дань природѣ
Необходимымъ отдыхомъ. Не надо ль
О чемъ-нибудь еще намъ совѣщаться?

Кассій.

Все рѣшено; прощай! Съ зарею завтра
Поднимемся и выступимъ въ походъ.

Брутъ.

Дай мнѣ раздѣться, Люцій! Доброй ночи,
Почтеннѣйшій Мессала; до свиданья,
Титиній; и тебѣ, любезный Кассій,
Желаю отъ души покойной ночи.

Кассій.

О, милый братъ! какъ было тяжело
Начало этой ночи; но надѣюсь,
Что никогда ужъ ссориться не будемъ!
Не такъ ли, Брутъ?

Брутъ.

Уладилась размолвка.

Кассій.

Прощай же, братъ.

Брутъ.

Прощай, мой добрый Кассій.

Титиній и Мессала.

Покойной ночи, Брутъ.

Брутъ.

Прощайте всѣ!
(*Уходятъ Кассій, Титиній и Мессала*).
(*Входитъ Люцій*).

Брутъ.

Дай мнѣ накинуть спальную одежду.
Гдѣ лютню ты оставилъ?

Люцій.

Здѣсь, въ палаткѣ.

Брутъ.

Ты спишь совсѣмъ. О, бѣдный! не могу
Тебя винить; ты бдѣньемъ утомленъ.
Зови другихъ служителей моихъ;
Пусть на подушкахъ спятъ въ моей палаткѣ.

Люцій.

Варронъ и Клавдій!
(*Входятъ Варронъ и Клавдій*).

Варронъ.

Что тебѣ угодно?

Брутъ.

Въ моей палаткѣ нынче вы ночуйте;
Я, можетъ-быть, васъ ночью разбужу,
Чтобъ дать вамъ порученье къ брату Кассью.

Варронъ.

Коль хочешь, мы и вовсе не заснемъ.

Брутъ.

Нѣтъ, лягте спать; могу и передумать.
Ахъ, Люцій! посмотри, въ ночной одеждѣ
Нашелъ я книгу, что искалъ вездѣ.

Люцій.

Я зналъ, что мнѣ ее не отдавалъ ты.

Брутъ.

Прости меня—я что-то сталъ забывчивъ;
Не можешь ли ты сонъ преодолѣть
И что-нибудь на лютнѣ мнѣ сыграть?

Люцій.

Могу, коль это хочешь.

Брутъ.

Да, мой милый.
Я на тебя ужъ слишкомъ налегаю;
Но пользуюсь готовностью твоей.

Люцій.

Я долгъ лишь исполняю.

Брутъ.

Отъ тебя
Не долженъ бы я требовать такъ много:
Я знаю—инымъ силамъ нуженъ отдыхъ.

Люцій.

Я уже спалъ.

Брутъ.

И хорошо ты сдѣлалъ;
Заснешь опять—тебя не задержу я.

Останусь живъ—ты будешь мной доволенъ.
(*Люцій поетъ, играя на лютнѣ, и засыпаетъ*).
Дремотою объяты эти звуки...
О, тяжкій сонъ! свинцовою рукою
Его коснулся ты. Спи, милый мальчикъ!
Я твоего покоя не нарушу;
Качаясь такъ, ты лютню разобьешь.
Возьму ее. Покойной ночи, милый!
Опять примусь за прерванное чтенье.
(*Является духъ Цезаря*).
Свѣча горитъ, бросая тусклый свѣтъ...
Кто это тамъ? Какой-то страшный призракъ
Идетъ ко мнѣ. Онъ, вѣрно, порожденъ
Лишь слабостью моихъ усталыхъ глазъ.
О, духъ! коль ты не сонъ воображенья,
Скажи мнѣ: геній ты, иль Богъ, иль демонъ?
Ты кровь мою собою леденишь
И волосы мои становишь дыбомъ.
Скажи: кто ты?

Духъ Цезаря.

Я—духъ, тебѣ враждебный.

Брутъ.

Зачѣмъ явился ты?

Духъ Цезаря.

Чтобы сказать,
Что встрѣтимся мы снова близъ Филипп ъ.

Брутъ.

Опять предстанешь ты?

Духъ Цезаря.

Да, близъ Филиппъ. (*Исчезаетъ.*)

Брутъ.

Что жъ, свидимся опять. Зачѣмъ ты скрылся,
Когда въ себя я началъ приходить?
Враждебный духъ! Съ тобою продолжать
Желалъ бы разговоръ. Проснися, Люцій!
Проснитесь всѣ.

Люцій.

Настроить надо лютню.

Брутъ.

Онъ думаетъ, что все еще играетъ.
Проснись скорѣй!

Люцій.

Что приказать желаешь?

Брутъ.

Зачѣмъ во снѣ такъ сильно ты кричалъ?

Люцій.

Кричалъ ли я—не знаю.

Брутъ.

Можетъ-быть,
Испуганъ ты какимъ нибудь видѣньемъ?

Люцій.

Нѣтъ ничего во снѣ не видѣлъ я.

Брутъ.

Ты можешь вновь заснуть. Проснися, Клавдій,
И ты Варронъ!

Оба.

Мы ждемъ твоихъ велѣній.

Брутъ.

Что заставляло васъ кричать во снѣ?

Оба.

Кричали развѣ мы?

Брутъ.

Вамъ, можетъ-быть,
Приснилось что-нибуть?

Оба.

Нѣтъ, ничего.

Брутъ.

Идите же и брату отъ меня
Вы поклонитесь; также передайте,
Чтобъ онъ пораньше выступилъ съ войсками:
Мы двинемся за нимъ.

Оба.

Сейчасъ идемъ.

ДѢЙСТВІЕ V.

СЦЕНА I.

Равнина близъ Филиппъ.

(*Входятъ Октавій, Антоній и ихъ войска*).

Октавій.

Сбылись мои надежды, Маркъ Антоній!
Ты увѣрялъ меня, что непріятель
Спуститься на равнину не посмѣетъ,
Оставивъ горы. Иначе выходитъ:
Его войска ужъ близко и хотятъ
Здѣсь, близъ Филиппъ, теперь сразиться съ нами,
Не дожидаясь вызова.

Антоній.

Понятна
Причина ихъ движенья: имъ бы лучше
Другое мѣсто выбрать; но они
Храбрятся и хотятъ намъ доказать,
Что не упали духомъ. Это только
Одинъ обманъ.

(*Входитъ Гонецъ*).

Гонецъ.

Готовьтесь, полководцы!
Враги идутъ въ порядкѣ боевомъ;

Съ знаменами развернутыми; надо
Немедленно готовиться къ отпору.

Антоній.

Октавій, ты веди, не торопясь,
Свои войска по лѣвой сторонѣ.

Октавій.

Нѣтъ, я пойду по правой, а тебѣ
Предоставляю лѣвую.

Антоній.

Зачѣмъ
Въ рѣшительный моментъ перечишь мнѣ?

Октавій.

Я не перечу—просто: такъ хочу.

(*Слышенъ маршъ. Барабаны. Входятъ Брутъ, Кассій, Титиній Мессала и др., войска*).

Брутъ.

Они хотятъ вступить въ переговоры.

Кассій.

Останься здѣсь, Титиній; мы же выйдемъ
Чтобъ перемолвить съ ними.

Октавій.

Маркъ Антоній!
Намъ не подать ли знакъ начать сраженье?

Антоній.

Нѣтъ, Цезарь; отразить ихъ лучше будетъ.
Пойдемъ впередъ, чтобъ съ ними говорить.

Октавій.

Не трогайтесь, пока не дамъ сигнала.

Брутъ.

У васъ слова предшествуютъ ударамъ,
Сограждане; не такъ ли?

Октавій.

Мы не любимъ
Слова, какъ вы.

Брутъ.

Хорошія слова
Плохихъ ударовъ лучше.

Антоній.

Ты умѣешь
О, Брутъ! сопровождать хорошимъ словомъ
И злѣйшій изъ ударовъ. „Здравствуй, Цезарь!“
Кричалъ ты, ножъ ему вонзая въ сердце.

Кассій.

О подвигахъ твоихъ судить не можемъ,
Антоній; ихъ и нѣтъ; но, что до словъ,
Они совсѣмъ ограбили пчелъ Гиблы,
Оставивъ ихъ безъ меда.

Антоній.

Не безъ жалъ.

Брутъ.

У нихъ и жала отнялъ ты, и голосъ:
Жужжа, какъ пчелы, но благоразумно
Угрозы шлешь предъ тѣмъ, чтобы ужалить...

Антоній.

О, изверги! не такъ вы поступили,
Когда кинжалы встрѣтилися ваши
У Цезаря въ груди, зубря другъ друга!..
Какъ обезьяны, скалили вы зубы;
Вы ластились, какъ псы, и, какъ рабы,
У Цезаря вы ноги лобызали,
Когда, какъ песъ, подкравшись, гнусный Каска
Его ударилъ сзади. О, льстецы!

Кассій.

Льстецы! Ну, Брутъ, благодари себя:
Отъ этихъ устъ обиды бы не слышалъ,
Когда бъ не пренебрегъ моимъ совѣтомъ.

Октавій.

Скорѣй приступимъ къ дѣлу. Этотъ споръ
Бросаетъ въ потъ, но влага покраснѣе
Должна его рѣшить. Я вынулъ мечъ,
Чтобъ наказать убійцъ, и лишь тогда
Вложу его въ ножны, когда сторицей
Отмщу за раны Цезаря; а ихъ
Всѣхъ было тридцать три! Не отомщу,
Тогда другаго Цезаря сразитъ
Измѣнника кинжалъ.

Брутъ.

Не бойся, Цезарь!
Измѣнники убить тебя не могутъ,
Коль ихъ съ собой ты не привелъ.

Октавій.

Надѣюсь,
Не для того родился я на свѣтъ,
Чтобъ отъ кинжала Брута кончить дни.

Брутъ.

О, юноша! Когда бъ и лучшій былъ ты
Изъ рода своего, почетнѣй смерти
Найти бы ты не могъ.

Кассій.

Плаксивый школьникъ,
Съ развратникомъ разгульнымъ, не достойны
Такой высокой чести.

Антоній.

Старый Кассій,
Велю тебѣ молчать!

Октавій.

Пойдемъ, Антоній!
Измѣнники! я въ зубы вамъ бросаю
Свой вызовъ. Если храбрости въ васъ хватитъ
Принять сегодня бой,—на полѣ битвы
Мы встрѣтимся; а если нѣтъ, придется
Намъ ждать, пока вы съ духомъ соберетесь.

Кассій.

Дуй, вѣтеръ! мчитесь, волны! челнъ, несись!
Гроза шумитъ и рокъ царитъ надъ нами...

Брутъ.

Луцилій! на два слова.

Луцилій.

Что прикажешь?
(*Брутъ и Луцилій отходятъ въ сторону*).

Кассій.

Мессала!

Мессала.

Здѣсь я, Кассій.

Кассій.

Другъ Мессала,
Сегодня день рожденья моего.
Да, въ этотъ самый день родился Кассій.
Дай руку мнѣ. Свидѣтелемъ ты будешь,
Что нехотя сраженье принимаю,
Какъ нѣкогда Помпей, ему ввѣряя
Свои права, свободу и судьбу.
Ты знаешь, я держался Эпикура;
Теперь же это мнѣнье измѣнилъ
И сталъ отчасти вѣрить въ предвѣщанья...
Когда изъ Сардъ мы вышли, два орла
Спустились къ намъ, передовое знамя
Сидѣніемъ избравъ. Изъ рукъ солдатъ
Они охотно пищу принимали
И до Филиппъ сопровождали насъ.
Сегодня ихъ ужъ нѣтъ. Они умчались,—
И, стаями зловѣщими, надъ нами
И вороны, и коршуны летаютъ,
Глядя на насъ, какъ на свою добычу.
Ихъ тѣнь ложится мрачнымъ покрываломъ
Надъ нашими войсками, имъ суля
Погибель неминучую.

Мессала.

Не вѣрь
Примѣтѣ этой.

Кассій.

Вѣрю лишь отчасти.
Я духомъ бодръ и встрѣтить собираюсь
Опасности безъ страха.

Брутъ.

Такъ, Луцилій...

Кассій.

О, благородный Брутъ! молю боговъ,
Чтобъ наша дружба старости достигла;
Но такъ какъ перемѣнчива судьба—
И худшее обсудимъ. Если мы
Сраженье проиграемъ, я съ тобой
Въ послѣдній разъ бесѣдую. Скажи,
Что ты тогда съ собой намѣренъ дѣлать?

Брутъ.

Я вѣренъ философіи останусь,
Которая Катона осуждаетъ
За то, что онъ самоубійствомъ кончилъ.
Не знаю почему, но я считаю,
Что это и трусливо и постыдно—
Ускорить смерть, боясь того, что будетъ.
Съ терпѣньемъ ожидать рѣшенья стану
Тѣхъ высшихъ силъ, что міромъ управляютъ.

Кассій.

Такъ, если мы сраженье проиграемъ,
Ты плѣнникомъ пойдешь средь улицъ Рима?

Брутъ.

Нѣтъ, Кассій! Брутъ душою слишкомъ гордъ,
Чтобы по Риму связаннымъ пройти;
Но этотъ день рѣшителенъ: онъ кончитъ,
Что иды марта начали. Не знаю,
Мы встрѣтимся ль опять, а потому
Прими мое послѣднее прости!

Прости навѣкъ, прости, мой добрый Кассій!
Коль встрѣтимся опять, мы улыбнемся;
А нѣтъ, то хорошо, что мы простились.
Веди войска! О, если бъ можно было
Впередъ узнать, что скажетъ этотъ день!
Но хорошо и то, что онъ промчится:
Тогда узнаемъ все. Впередъ, впередъ! (*уходятъ.*)

СЦЕНА II.

Тамъ же; поле сраженія.

(*Входятъ Брутъ и Мессала*).

Брутъ.

Скачи, скачи, Мессала! Мой приказъ
Ты отвези всѣмъ дальнимъ легіонамъ:
Пусть разомъ нападутъ; я замѣчаю,
Что дрогнули Октавія войска.
Еще напоръ, и мы ихъ опрокинемъ.
Скорѣе отвези имъ мой приказъ! (*уходитъ*).

СЦЕНА III.

Другая часть поля сраженія.

(*Входятъ Кассій и Титиній*).

Кассій.

Гляди, Титиній! трусы убѣгаютъ..
Я сдѣлался врагомъ своихъ солдатъ:
То знамя, что теперь держу въ рукахъ,
У труса вырвалъ я, его убивъ!

Титиній.

О, Кассій! слишкомъ Брутъ поторопился,
Преслѣдуя Октавія. Увлекшись

Успѣхомъ незначительнымъ, все войско
Онъ ринулъ на него; а насъ совсѣмъ
Антоній окружилъ.

(*Входитъ Пиндаръ*).

Пиндаръ.

Бѣги, бѣги!
Ужъ лагерь твой Антоній занимаетъ...
Бѣги, отважный Кассій!

Кассій.

Этотъ холмъ
Довольно отдаленъ. Гляди, Титиній,
Не тамъ ли пламя, гдѣ мои палатки?

Титиній.

Да, Кассій.

Кассій.

Если любишь ты меня,
На моего коня скорѣй садись
И шпорь его, пока онъ не примчится
Къ войскамъ, что тамъ стоятъ; потомъ, не медля,
Скачи сюда, чтобъ я узналъ навѣрно:
Друзья ли тамъ, друзья или враги?

Титиній.

Я возвращусь къ тебѣ быстрѣе мысли.

Кассій.

Ты, Пиндаръ, взлѣзь на самый верхъ холма
(Я зрѣніе имѣлъ всегда плохое)
И, глазъ своихъ съ Титинья не спуская,
Передавай мнѣ все, что ты увидишь. (*Пиндаръ уходитъ*).

Въ теченье дня я первый разъ вздохнулъ!
Я чувствую, что время повернуло:
Гдѣ началъ, тамъ и кончу. Жизнь моя
Свой совершила кругъ. Какія вѣсти?

Пиндаръ.

О, повелитель мой!

Кассій.

Что видишь ты?

Пиндаръ.

Со всѣхъ сторонъ Титиній окруженъ...
Къ нему несутся всадники; однако,
Все шпоритъ онъ коня. Еще немного—
Они его настигнутъ. Вотъ и онъ.
Сошелъ съ коня. Онъ взятъ. Отсюда слышны
Ихъ радостные крики.

Кассій.

Возвратись!
Довольно мнѣ и этого. О, трусъ!
Ты дожилъ до того, что лучшій другъ твой
Безпомощно передъ тобою гибнетъ...

(*Пиндаръ возвращается*).

Приблизься, Пиндаръ. Въ плѣнъ тебя я взялъ
У парѳовъ. Жизнь твою я пощадилъ;
Но ты мнѣ поклялся все исполнять,
Что прикажу. Теперь сдержи обѣтъ—
И вновь свободнымъ будешь. Этотъ мечъ,
Что Цезаря сразилъ, вонзи мнѣ въ грудь...
Не возражай. Держась за рукоять,
Пронзи меня, когда лицо закрою...

Рази смѣлѣй. Ты отомщенъ, о, Цезарь!
И тѣмъ мечомъ, что умертвилъ тебя! (*умираетъ*).

Пиндаръ.

Свобода вновь досталась мнѣ въ удѣлъ;
Но этою цѣною не желалъ я
Купить ее. Прости навѣки, Римъ!
Тебя ужъ Пиндаръ больше не увидитъ (*уходитъ*).

(*Входятъ Титиній и Мессала*).

Мессала.

Одинъ успѣхъ равняется другому...
Октавія разбилъ отважный Брутъ,
Какъ легіоны Кассія—Антоній!

Титиній.

Какъ будетъ радъ услышать это Кассій.

Мессала.

Гдѣ онъ стоялъ?

Титиній.

Отчаяньемъ томимъ,
Онъ съ этого холма слѣдилъ за битвой.
Съ нимъ оставался Пиндаръ, рабъ его.

Мессала.

Не онъ ли на землѣ лежитъ недвижно?

Титиній.

О, горе! такъ живые не лежатъ...

Мессала.

Взгляни, не онъ ли это?

Титиній.

Нѣтъ, Мессала,
То Кассій былъ; но Кассія ужъ нѣтъ.

Багряные лучи закатъ бросаетъ
Предъ тѣмъ, чтобы во мракѣ потонуть;
И Кассія послѣдній день угасъ
Въ его крови. Исчезло солнце Рима!
Нашъ конченъ день; готовится гроза;
Опасности къ намъ близятся, а мы
Не въ силахъ съ ними справиться. Сомнѣнье
Въ успѣхѣ предпріятья моего
Его сгубило.

Мессала.

Горькая ошибка!
О, заблужденье! ты—дитя унынья!
Зачѣмъ воображенью человѣка
Ты представляешь то, чего и нѣтъ?
Твое зачатье быстро. Но, увы!
Ты счастливо не можешь разродиться
И губишь мать, зачавшую тебя.

Титиній.

Гдѣ жъ Пиндаръ?

Мессала.

Поищи его, Титиній;
А эту вѣсть вонжу я въ уши Брута;
Могу сказать—вонжу, такъ какъ его
Она сразитъ больнѣй, чѣмъ острый ножъ
Или стрѣла, пропитанная ядомъ.

Титиній.

Ступай, Мессала; я же здѣсь останусь,
Чтобъ Пиндара искать.

О, храбрый Кассій!
Зачѣмъ меня послалъ ты? Развѣ я
Твоихъ друзей не встрѣтилъ, и они

Побѣднаго вѣнца мнѣ не вручили,
Чтобъ передать тебѣ? Ужели ты
Ихъ радостныхъ привѣтствій не слыхалъ?
Но ты, увы! все это дурно понялъ.
Твое чело украшу я вѣнцомъ,
Что Брутъ, твой вѣрный Брутъ, тебѣ прислалъ.
Его приказъ я исполняю этимъ.
Спѣши сюда, о Брутъ! и ты увидишь,
Какъ друга я любилъ. Простите, боги,
Что я обычай римлянъ соблюдаю:
Его мечемъ я грудь свою пронзаю. (*Умираетъ*).

(*Трубы. Входятъ Мессала съ Брутомъ; молодой Катонъ, Стратонъ, Волумній и Луцилій*).

Брутъ.

Скажи, Мессала, гдѣ же трупъ его?

Мессала.

Вотъ—тамъ: надъ нимъ склоняется Титиній.

Брутъ.

Онъ вверхъ лицомъ лежитъ.

Катонъ.

И онъ сраженъ.

Брутъ.

О, Юлій Цезарь! ты еще могучъ:
Ты носишься надъ нами злобнымъ духомъ
И противъ насъ самихъ ты обращаешь
Оружье наше.

Катонъ.

Доблестный Титиній,
Предъ тѣмъ, чтобъ пасть, ты друга увѣнчалъ!

Брутъ.

Такихъ героевъ больше нѣтъ на свѣтѣ!
Прости послѣдній римлянинъ, прости!
Не можетъ Римъ еще создать другого,
Подобнаго тебѣ. Увы, друзья!
Я не могу теперь его оплакать,
Какъ онъ того достоинъ; но потомъ
Для слезъ найдется время; да, найдется!
Вы въ Θассосъ отвезите трупъ его.
Мы въ лагерѣ его не похоронимъ,
Чтобъ духомъ не упасть. Идемъ, Люцилій.
И ты, Катонъ, назадъ—на поле битвы!
Войска ведите, Лабео и Флавій!
Теперь лишь три часа. Впередъ за мной!
Съ врагомъ до ночи вступимъ въ новый бой! (*Уходятъ*).

СЦЕНА IV.

Другая часть поля битвы. Шумъ сраженья.

(*Входятъ солдаты обѣихъ армій, сражаясь. Брутъ, молодой Катонъ, Люцилій и др.*).

Брутъ.

Сограждане! отваги не теряйте!

Катонъ:

Межъ нами трусовъ нѣтъ. Друзья, за мной:
Пусть знаютъ всѣ, кто я. Я—сынъ Катона,
Тирановъ врагъ и другъ своей отчизны.
Я сынъ Катона, слышите!

Брутъ.

Я—Брутъ,
Я—Брутъ, отчизны другъ. Узнайте Брута!
(*Удаляется, сражаясь; молодой Катонъ падаетъ*).

Люцилій.

И ты погибъ, о, доблестный Катонъ!
Ты кончилъ такъ же славно, какъ Титиній,
И смертью доказалъ, что ты достоинъ
Великаго отца.

1-й солдатъ.

Умри иль сдайся!

Люцилій.

Сдаюсь, чтобъ умереть. (*Даетъ денегъ*).
Прими, какъ даръ,
Всѣ деньги, что со мной; но умоляю,
Убей меня, прославься смертью Брута!

1-й солдатъ.

Мы плѣнника такого не убьемъ.

2-й солдатъ.

Къ Антонію бѣги, чтобъ сообщить,
Что въ плѣнъ попался Брутъ.

1-й солдатъ.

Сейчасъ отправлюсь.
Но вотъ—онъ самъ.

(*Входитъ Антоній*).

1-й солдатъ.

Мы Брута взяли въ плѣнъ.

Антоній.

Но гдѣ же Брутъ?

Люцилій.

Онъ невредимъ, Антоній!
Повѣрь, врагу не взять его живымъ.

Я знаю, что его избавятъ боги
Отъ этого позора. Если Брута
Найдете вы иль мертвымъ, иль живымъ,
Все будетъ передъ вами прежній Брутъ,
Что самъ себѣ всегда и всюду вѣренъ...

Антоній.

Любезные, не Брута взяли вы;
Но все жъ то важный плѣнникъ. Съ уваженьемъ
И дружбою къ нему вы относитесь:
Такихъ людей хотѣлъ бы я имѣть
Въ числѣ своихъ друзей, а не враговъ...
Развѣдайте, гдѣ Брутъ: убитъ ли онъ,
Иль еще живъ,—и дайте знать о томъ
Въ Октавія палатку, гдѣ я буду. (*Уходитъ*).

СЦЕНА V.

Другая часть поля сраженія.

(*Входятъ Брутъ, Дарданій, Клитъ, Стратонъ и Волюмній*).

Брутъ.

Сюда, остатки жалкіе друзей!
У этихъ скалъ для отдыха присядемъ.

Клитъ.

Стратилій факелъ взялъ, но не вернулся.
Иль онъ въ плѣну, иль нѣтъ его въ живыхъ.

Брутъ.

Садись, о, Клитъ! убійство здѣсь въ ходу—
И смерть царитъ кругомъ. Послушай, Клитъ! (*Шепчетъ ему*).

Клитъ.

Чтобъ это сдѣлалъ я,—о, ни за что!

Брутъ.

Такъ никому объ этомъ ни полслова...

Клитъ.

Скорѣй убью себя.

Брутъ.

Къ тебѣ, Дарданій,
Я съ просьбой обращусь. (*Шепчетъ ему*).

Дарданій.

Мнѣ ль это сдѣлать?

Клитъ.

Дарданій!

Дарданій.

Клитъ!

Клитъ.

Скажи, что Брутъ просилъ?

Дарданій.

Чтобъ я убилъ его. Какъ онъ глубоко
Задумался теперь.

Клитъ.

Онъ полонъ горя,
И слезы изъ очей его струятся...

Брутъ.

О, добрый мой Волюмній! я хочу
Съ тобой поговорить.

Волюмній.

Я слушаю.

Брутъ.

Духъ Цезаря ко мнѣ являлся дважды
Во мракѣ ночи; первый разъ близъ Сардъ
И прошлой ночью здѣсь. Я вѣрно знаю,
Что смертный часъ мой близокъ.

Волюмній.

Ты не правъ.

Брутъ.

О, нѣтъ! не ошибаюсь я, Волюмній.
Ты видишь, какъ превратно все идетъ.

Мы къ краю бездны пригнаны врагами.
Не лучше ли самимъ въ нее спрыгнуть,
Чѣмъ ожидать, когда спихнутъ другіе.
Припомни, другъ, мы вмѣстѣ были въ школѣ...
Во имя нашей старой, тѣсной дружбы
Прошу тебя, ты подержи мой мечъ,
Чтобъ на него я броситься бы могъ.

Волюмній.

Не можетъ другъ такой исполнить просьбы.

(*Слышенъ шумъ битвы*).

Клитъ.

Бѣгите, полководцы: ждать нельзя!

Брутъ.

Простите всѣ—и ты, и ты, Волюмній!
Стратонъ, ты спалъ все время, и съ тобой
Прощаюсь я. Сограждане, я счастливъ,
Что никогда на жизненномъ пути
Мнѣ не случалось встрѣтить человѣка,
Чтобъ мнѣ не вѣренъ былъ. Я побѣжденъ;
Но этотъ день злосчастный принесетъ
Мнѣ больше славы, чѣмъ врагамъ моимъ
Ихъ жалкая побѣда. Съ вами разомъ
Прощаюсь я. Языкъ мой скоро кончитъ
Свое повѣствованіе о Брутѣ.
Ужъ ночь виситъ надъ вѣждами моими—
И кости, что работали такъ много,
Чтобъ встрѣтить этотъ часъ, покоя жаждутъ.

(*Шумъ битвы; слышны извнѣ крики: бѣгите, бѣгите!*).

Клитъ.

Скорѣй, скорѣй бѣгите!

Брутъ.

Я за вами.

(*Уходятъ Клитъ, Дарданій и Волюмній*).

Стратонъ, прошу тебя со мной остаться!
Ты человѣкъ хорошій—и въ тебѣ
Я искры благородства замѣчалъ.
Ты, отвернувъ лицо, держи мой мечъ,
И на него съ размаха ринусь я.
Согласенъ ли мою исполнить просьбу?

Стратонъ.

Дай прежде руку мнѣ, затѣмъ прости!

Брутъ.

Прости, Стратонъ! О, Цезарь! успокойся.
Тяжеле было мнѣ твой вѣкъ пресѣчь,
Чѣмъ въ самого себя вонзить свой мечъ!

(*Бросается на мечъ и умираетъ*).

Шумъ битвы, трубятъ отступленье. Входятъ Октавій, Антоній. Мессала, Люцилій и войско.

Октавій.

Кто этотъ человѣкъ?

Мессала.

Служитель Брута,
Стратонъ. Гдѣ господинъ твой?

Стратонъ.

Онъ свободенъ,
Какъ ты, Мессала: онъ рабомъ не будетъ,
И побѣдитель можетъ только сжечь
Холодный трупъ усопшаго вождя.
Одинъ лишь Брутъ могъ Брута превозмочь—
И Брутъ одинъ своей прославленъ смертью.

Люцилій.

Его найти могли вы только мертвымъ!
Благодарю тебя, великій Брутъ,
Что ты слова Люцилья оправдалъ!

Октавій.

Къ себѣ я всѣхъ беру служившихъ Бруту.
Согласенъ ли ко мнѣ ты поступить?

Стратонъ.

Спроси на то согласіе Мессалы.

Октавій.

Мессала, уступи его.

Мессала.

Стратонъ,
Намъ разскажи, какъ Брутъ окончилъ жизнь.

Стратонъ.

Онъ ринулся на мечъ, что я держалъ.

Мессала.

Возьми его, Октавій! Онъ достоинъ
Тебѣ служить: отважному вождю
Онъ оказалъ послѣднюю услугу...

Антоній.

Брутъ лучшій былъ, достойнѣйшій изъ тѣхъ,
Что Цезаря убили. Всѣ они
Изъ зависти убійство совершили;
Лишь онъ одинъ изъ честныхъ побужденій—
Изъ ревности къ общественному благу.
Такъ жизнь его промчалась безупречно,
Такъ лучшія начала въ немъ слились,
Что міру возвѣстить сама природа
Могла бы: „палъ великій человѣкъ!“

Октавій.

Торжественно его мы похоронимъ—
Достойно добродѣтелей его.
Внесите трупъ его въ мою палатку;
Пусть онъ лежитъ въ убранствѣ полководца!
Войскамъ усталымъ надо отдыхъ дать:
А мы пойдемъ трофеи раздѣлять... (*Уходятъ*).

Bayerische
Staatsbibliothek
München

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Kozlov, Pavel A.

Polnoe sobranie sočinenij S portr. avtora, predisl. i primeč. V[iktora] P[etroviča] Burenina, P[etra] I[saeviča] Vejnberga i V[iktora] A[leksandrovica] Gol'ceva
Bd.: 4

1897

Opp. 663 q-4
urn:nbn:de:bvb:12-bsb11817306-0